

Татьяна РИЗДВЕНКО

Татьяна Риздвенко окончила худграф Московского педагогического университета. Была художником по росписи фарфора, преподавателем живописи, журналистом, копирайтером, руководила литературной студией для подростков в Доме Щепкина. В настоящее время работает в сфере рекламы. Живёт в Москве. Стихи, рассказы, рецензии печатались в журналах «Знамя», «Октябрь», «Дружба народов», «Арион», Вестнике современного искусства «Цирк “Олимп”», поэтических антологиях. Автор трёх поэтических сборников. В «Волге» публиковались стихи (2015) и проза (2017, 2018).

ПАН

Роман

– Есть в зале врач?! – кричит хорошо одетый мужчина в партере.
– Врача, врача, – подхватывают все, – врача!
– Есть! Я – физиотерапевт, – сутулая фигура встает на балконе второго яруса.
– Коллега! Скажите же, что это прекрасно?!

Дунин улыбнулся анекдоту, и тут ему ударило в грудь. Бляха-муха, больновато, больноватенько.

Сесть. Лечь.

Дунин оперся на ближайшее к нему: гигантский типографский стол, размером с теннисный. Присел. Лег. Подтянул себя на середину.

Хорошо. Полежу тут, подожду, пока не пройдет, подумал Дунин, ой, бля, как больно.

Родной и понятный, кружил, завывал, лился и погромыхивал Пендерецкий.

Это еще что.

Год назад Люда Терехина кинулась, дура, в окно. Обернутая обоями... Дорогими, красивыми, они ремонт делали.

Осталась жива, Господь милостив!

Но почерк сразу виден...

Просто он ставил над ними эксперимент.

(Они это поняли сильно позже.)

Не методический, не педагогический, какой-то свой. Собственные, непонятные им цели преследуя.

Он казался веселым проходимцем. Шутом гороховым, развлекающим их и себя странно и причудливо.

Причем на казенный кошт.

(Проходимцем он и был, но веселым ли, вот вопрос.)

Предмет назывался ТСО – технические средства обучения. Тогда список этих средств был невелик: фотоаппарат, проекторы, недалеко ушедшие от волшебного фонаря. Какие-нибудь простейшие трансляторы.

Кассетный, о боги, магнитофон.

Преподавать, по сути, было нечего. Теории на одну пару, и практики на пару же.

Преподавателя звали Гоч, фамилия такая. Длинный, рыжеватый, шулерского вида. Лоб – нотный стан, в глубоких продольных морщинах. Ассоциация, как позже выяснилось, подходящая...

Старый, лет сорок пять.

(Вылитый же Коровьев, даже пиджачок оттуда! Это они уже позже догадались, соотнесли...)

И при нем ассистент, гладкий черноволосый очкан, помоложе лет на десять. Малой.

Вдвоем преподавать такую ерунду! Спецкурс, курам на смех. Шайка проходимцев...

На третье занятие Гоч принес пузатый магнитофон.

Сказал:

– Господа! (Они напряглись, застыли с примерно одинаковым кривым выражением губ.) Я поставлю вам одну музыкальную запись. Вам предстоит не просто слушать... нет! Вам нужно будет ее овеществить – музыку. Придать форму... Позвольте музыке овладеть вами! Вашими творческими импульсами. Рисуйте, лепите, рвите. Красьте! Вы же творцы... Изобретите новые художественные приемы. Удивите себя... и нас с Дмитрием Ивановичем. Повинуйтесь музыке. Отдайтесь ей!

По аудитории пробежал гоготок. Они были не то что сексуально озабочены, – сексуально увлечены, отдаться понимали только в одном смысле.

Гоч оделил каждого бумагой, карандашами. Выставил на стол банку ПВА. Акварельные краски у студентов-художников имелись собственные. Надергал и раздал по пучку медицинской ваты.

Странные эти приготовления, как в операционной, их, мягко говоря, озадачили. Они ворочали глазами, гримасничали, сжимали губы. Рты и щеки распирало смехом.

Гоч наконец закончил. Он встал перед ними – прямой и торжественный – дирижер перед симфоническим оркестром, и как бы даже подросток на пару сантиметров.

– Готовы?! – спросил внушительно.

Они пожали плечами, осторожно покивали, чтоб через щели губ и поры щек не выдавился смех.

Откуда они знали, готовы ли?

К чему?

Хором, что ль, отвечать ему, как на плацу, с эхом:

– ГА-ТО-ВЫ-ВЫ-ЫЫЫ!

Гоч с хрустом включил магнитофон. Будто раздавил крупное насекомое.

...Га, это, что ль, музыка? Они переглянулись. Это – музыка? Это?! Нервная, хаотичная, дерганая нудятина.

Звуковая каляка-маляка.

Блин, и депрессивная...

То пальцем по стеклу.

То соло на бельевой веревке.

То будто попал в звенящее облако комаров...

Мутная, тревожащая, нервная. Ни ритма, ни мелодии.

Вот тоска...

Гоч с воодушевлением смотрел на них всеми своим морщинами: ну?!

Кивнул на бумагу, вату, клей.

Они вдруг почувствовали себя детьми, которым велят разбрасывать игрушки, писать в трусы и кидаться манной кашей.

Но – не хватало веселой безысходности, заставившей Пьера Ришара принимать ванну в костюме...

Музыка была варварская, разрушительная. В ней вилась вседозволенность, свободу опознали значительно позже...

Эта музыка ломала каноны. Что, видать, и придавало ей вандальское звучание.

Дунин решился первым. Он с хрустом, длинным и широким движением, сверху донизу порвал лист...

Людка неуверенно комкала бумагу своими в медных кольцах тонкими пальцами. Толстый ватман, смущая, грохотал как кровельное железо.

(У них не было привычки рвать и мять...)

Лиза задумчиво разбалтывала в банке с водой синюю краску, любуясь диффузией и оттягивая дальнейшее.

Игнатьев, паясничая, пощипывал вату.

Наташа Саакянц замерла с ножницами в руках и таким выражением лица, будто резать предлагалось не бумагу, а человека.

Музыка звала наводить хаос.

Понемногу все пришло в движение. Они рвали, мяли, красили, клеили. Постепенно, по чуть-чуть, входили во вкус. На столах вырастали нелепые, некрасивые, негармоничные, под стать музыке, сущности.

Мятые уродища со свисающими клочьями ваты, в синяках и потеках.

На мгновение Дунин отвлекся от ваты и клея. Гоч сидел у доски, нога на ногу, и с веселым азартом наблюдал происходящее. Дмитрий Иванович, его гладковолосый напарник, смотрел на четверокурсников не мигая, скрестив на груди руки с полноватыми кистями.

Музыкальная тема катила ржавым колесом, со скрежетом и визгом. Она меняла сюжет на ровном месте. Вдруг – здесь ее никто не ждал – запела женщина. Впервые в музыке проступило что-то человеческое, что напомнило о музицировании, симфоническом оркестре, опере, и тут Гоч нажал на клавишу.

Оказывается, пара закончилась...

Они осмотрелись.

На столах стояли, если это слово применимо к мятым бесформенным сущностям, их... эээ... произведения. Вдохновленные странной парадоксальной музыкой и, в куда большей степени, инстинктом вседозволенности.

Болезненным куражом.

А Гоч-провокатор выглядел довольным! Длинные белые пальцы приплясывали. Каждый объект, нависая и приседая, Гоч снял с нескольких точек тяжелым «Зенитом».

Тоже техническим средством обучения...

В заключение Гоч сообщил, что планирует проводить подобные *творческие акции* регулярно – и вышел вместе со своим гладким ассистентом.

Четвертая группа стыдливо переглядывалась. Свиньи, вылезшие из них, шмыгнули обратно, предоставив убираться в хлеву аудитории. Расхлебывать. Вытирать столы, безглаголиво комкать объекты, созданные музыкой польского композитора.

О котором они тогда услышали впервые...

Фамилия композитора была как из анекдота.

Практически мат.

Вторая фамилия тоже была смешная, под статью первой.

Где Гоч их откапывает?

Простому русскому уху мерещились в ней упертость, пот, пятка, пятерня.

Пярт.

Но музыка была поприличней, чем у первого...

Поприятней, помелодичней.

Движения навевала более плавные. Они не мяли-рвали-дергали, а медленно скручивали, методично жали и красили. Несколько человек, не сговариваясь, выдали

такую пластическую реакцию: на полосках бумаги, как на воблерах, качались клок голубой ваты, или бумажная жатая роза-комочек, или какое-нибудь спонтанное оригами.

Гоч у зеленой доски-раскладушки стал их единственным восторженным зрителем, Гладкого в тот день не было.

Смотрел этот их то ли балет, то ли зверинец, про перформансы тогда толком не слышали...

Через полтора часа он щелчком клавиши вывел их из морока и, не дав очнуться, вскочил, разразился аплодисментами. Эдуард Львович (такое у Гоча было помпезное имя) хлопал как стадион болельщиков, широко разводя ручищи...

Они слегка прифигели, честно. На факультете такое было не принято. Даже максимальные похвалы, самые высокие оценки были скудные и сдержанные. Друг друга-то гениями звали, ясно дело, гений шел за разменную монету...

Но преподавы придерживались иного мнения.

А Гоч аж вскочил. Разве что цветами их не осыпал. И поцелуями.

И стал «Зенитом» снимать ими содеянное...

Через неделю снова врубил Пендерецкого.

– Эдуард Львович, – вступила с музыкальным образованием деликатная Саакянц, – а нельзя что-нибудь полегче? Помелодичнее... Чайковского. Стравинского. Шостаковича, на худой конец...

– Господа! – Гоч упорно называл их господами. – Это вам не музыкальный фон! Не музыка для танцев. Не сладкий наполнитель! – он возвысил голос. – Это для ума, для интеллекта. Для развития. Слушаем, чувствуем, действуем! – проскандировал Гоч и нажал им Пендерецкого.

Не, ну он точно решил уморить их. Извести.

Минут через десять у чувствительной Лизы ни с того ни с сего пошла носом кровь. Зажимая нос выданной Гочем ватой, она выбежала.

Следом, молча скосив глаза на живот, ушла беременная Терехина.

– Я открою окно? – спросил Черных.

Оставаться в четырех стенах с этой музыкой было трудно. Хотелось сбежать, или лечь в узкий просвет между скамьями, стать в угол, прижаться к потолку. Как перфоратор за стенкой, она была непереносима.

Им ничего не оставалось, кроме как взяться за бумагу, кисти и за эту мерзкую, кто его вообще надоумил, вату. На то занятие Гоч притащил несколько рулонов тусклых дешевых обоев с невнятным невыразительным рисунком и пару пачек восковых мелков, они тоже пошли в дело.

Они тогда, почему-то, спонтанно объединились в группы, будто им было тошно или страшно. Парами, тройцами, только Игнатьев и Саакянц гордо страдали в одиночку.

Музыкальная пьеса оказалась длиннее пары. Когда все закончилось, они слегка оторопели. Кошмар, странным образом, увлек их.

Они стояли, с удивлением и смущенной гордостью рассматривали содеянное. А прикольно получилось!

Уже не переглядывались, музыкальные акции перестали заражать их смехотой.

Да уж, ничего смешного...

В объектах по-прежнему было много разрушительной стихии, деструктивного пафоса, но, в отличие от первых подходов, стал виден замысел. Проступила архитектура мысли. Дунину впервые захотелось унести, забрать бумажное нечто, не куда-то конкретно, не в общагу, а ОТСЮДА, от корзины для бумаг, мусорного бака. В синем-красном чудище, похожем на макет для футуристического спектакля, осела наконец дунинская взбаламученность и муторная неуверенность в себе, которые эта чертова музыка в нем расковыряла.

В курилке Бобров с параллельного потока молча кивнул ему вниз. Черт! Белые кроссовки были в лиловых разводах. Как в синяках-кровоподтеках.

Этот ТСО выходил ему слишком убыточным...

Пытка Пендерецким продолжалась вплоть до февраля, а потом Гоч исчез, как растаял. Начались практики в школе, преддипломная подготовка, новые спецкурсы. Парни тогда помешались на ковке и пропадали в мастерской по обработке металла. Девочки, как заколдованные, ходили на керамику и гобелен. Сообща все игнорировали мастерскую по обработке дерева с ее токарными станками, стружками-опилками и странным, полутора метров росту, хтонного вида руководителем.

В начале марта поехали на межинститутский студенческий тренинг. Было круто: свалить из города всей группой на три дня, да еще и за казенный счет! Подготовились основательно: портвейн, теплая одежда, чистые трусы, зубная щетка. Поехали все, кроме дохлого рыхлого Побельского, у которого на любой случай находилась справка.

Они были так поглощены горячкой дружбы, общения, стихией смеха, своей счастливо сложившейся институтской группой, что тренинг особо им не запомнился. Чужие студенты из других вузов тщетно пытались их расколдовать, разомкнуть, втиснуться в тесный герметичный круг.

А вот пансионат, в котором все происходило, оказался неплох и стоил внимания. Архитектор, видать, был с придуры, будто Пендерецкого наслушался. Хаос форм, какие-то наплывы, повороты, нависающие кубы. Зато – высоченные потолки, это кайф, конечно. В столовку они спускались с кручи, как короли, и там внизу стояли столы, а сверху висела куском взбесившегося льда огромная люстра.

Шикарное место! Они там просто отрывались, с перерывами на лекции, анкетирование и командные игры. За пансионатом обнаружилось поле сухих борщевиков, зловещая графика на фоне белого снега. Было весело сорвать серый зонт-скелет и с ним ходить по твердому, почти не проваливающему насту, а внутри золотилась первая дневная порция портвейна.

Отлично!

У Дунина тогда случился стремительный роман с Лизкой. У Лизаветы, все знали, был надежный жених из Бауманского, в очках высокий Герман. Благодаря этому знанию произошедшее было с горчинкой, украденный поцелуй, Лиза даже всплакнула, Дунин не понял, о нем или о Германе. Из угла укоризненно смотрел гигантский, до самого потолка, серый борщевик.

Игнатьев и Черных, соседи Дунина по комнате, бухали вместе со всеми в номере у Саакянц, куда любовники по очереди вернулись.

Все было хорошо на том тренинге, только вот кормили отвратно. Унизительный контраст с величавостью столовой. Не вкусно и не сытно. Не еда, а пища. Корм.

В последний день, а всего их было три, за обедом кто-то, кажется, Игнатьев, крикнул: Пендерецкий! Наткнул на вилку мятую салфетку и отсалютовал всем остальным.

Интеллигентная Саакянц поперхнулась, закашлялась, Любаша хлопнула ее по спине.

Но вскоре все, как заколдованные, с криками «Пярт! Пярт! Пендерецкий!» сооружали из тарелок и остатков еды, приборов и салфеток динамические композиции.

– Пендерецкий! (пук салфеток в остатках супа на вершине посудной башни).

– Пярт! Пярт! Пярт! (избиение картофельного пюре).

– Пендерецкий! (табуретку на стол, сверху многоэтажка из стаканов, увенчанная серой котлетой).

– Пярт! – карточный домик из ломтей ноздреватого хлеба.

Они закончили одновременно, будто невидимый Гоч нажал на кнопку. Вырубил какофонию, звучащую у них в головах.

Ушли, не оборачиваясь на безобразный, но в чем-то, конечно, выразительный перфоманс – выставку хамских выходок тире находок.

Спустя пятнадцать минут в столовую вошла работница столовой Прокошина Ольга Валерьевна. Жительница соседней деревни Ковылки катила гроыхающую, будто развинченную кухонную каталку. Увидев оставленный студентами настольный армагеддон, отвратительный хаос и погром, пожилая женщина, много чего выдавшая на своем веку, неожиданно перекрестилась. Ольга Валерьевна взмахнула мокрой тряпкой и крикнула в сторону входной двери: «Горите в аду, сучьи дети!» – после чего со вздохом принялась за уборку.

История обеденного помешательства вылилась в локальный скандал. Их вызвали в деканат. Замдекана, дама лет пятидесяти, смотрела брезгливо, с отвращением. «Будущие учителя! Худ-д-дожники! Историю иску-у-усств изучаете! И такая мерзость!»

Дунин выступил за всех. Рассказал, как было дело, включая культурологическую предысторию их выходки. Станные оправдания замдекана выслушала на удивление внимательно, чутко.

– Гоч? – переспросила, подняв чрезмерные брови. – Эдуард... Львович, кажется?

– Эдуард Львович, – загалдели они. Было сильно стыдно. Со стороны история выглядела хамской.

– Пендерецкий, – задумчиво сказала замдекана. – Я знаю его музыку. Согласна, трудная... Где-то даже депрессивная... Но при чем здесь свиарник в Катищево??

После истории с пансионатом быстро забыли и Гоча, и Пендерецкого, и Пярта. Изредка кто-то говорил пароль: «Пендерецкий!» – но все кисло хмыкали, гримасничали, отворачивались.

Потом в стране наступил полный Пендерецкий. Все рушилось, но что-то и возникало, и тоже рушилось, изменения шли хаотично, додекафонично, был в этом какой-то темный арт, будто умысел перфомансиста, какого-то всеобщего Гоча.

А вот нормальной музыки не было, кроме всякой попсовой дряни, льющейся из каждого утюга.

Пендерецкого с Пяртом точно. Где вообще Гоч их откопал?

Кто его научил?

И зачем?

Теперь-то любая/всякая музыка сделалась доступной, только руку протяни, и художнику Дунину, доценту КАШГУ, пришла в голову шальная (ностальгическая) мысль послушать этого самого Пендерецкого, Кшиштофа.

Классика, вечноживого.

Идея посетила Дунина в мастерской. Отдельно стоящее во дворе института небольшое здание скульптурной мастерской трижды в неделю посещали студенты художественного факультета многопрофильного вуза. В остальное время Дунин царил здесь сам-один, наслаждаясь каждым кубическим сантиметром стометрового пространства. Каждой минутой, в нем проведенной. Было бы можно, он взбесившимся атлантом повалился бы на потолок, ящеркой побегал по стенам, написал бы вид мастерской сверху, с четырехметровой высоты. Все свободное время Дунин проводил здесь, лепил, рисовал, принимал частных учеников, гостей, друзей, даже иногда по выходным, под мнимо-укоризненным взглядом жены, уезжал сюда поработать.

Здоровенный казенный компьютер с быстро нагревающимся блоком стоял в большой удобной подсобке, которую Дунин трактовал как кабинет. Комп препод использовал исключительно для просмотра рабочей почты, плюс каждое утро определял себе на день музыкальный контекст. Студенты давно привыкли к причудам препода, слушая вместе с ним то Лед Зеппелин, то Дорс, то Чайковского с Григом, то *Картинки с выставки*, то вдруг Юрия Лозу или смешных Карамазов Твинс.

В четверг, день-без-студентов, Дунин с дымящейся кружкой кофе выбирал себе музыку дня. Тут-то художника и осенило: Пендерецкий!

Загуглил, посмотрел странное лицо. Скорей какой-нибудь фермер, не знаю, сыровар, чем композитор. Только глаза демонические, черные буравчики, не-сырные.

А уж понаписал дед за свои восемьдесят с лишним!

Дунин разматывал долгий список симфоний, опер, хоров, концертов, пытаюсь угадать, какими из них мучил студентов Гоч. Далекий от музыки, читал-разбирал тарабаршину названий.

Выбрал *Плач по жертвам Хиросимы*. Стоял апрельский солнечный день, и так било светом в частый переплет больших окон, что Дунин был готов к какой угодно мрачности, и даже внутренне настаивал на чернухе и депрессняке.

На том, чем запомнился высокому кудрявому студенту маэстро Пендерецкий.

Сначала музыки будто не было. Дунин проверил, вроде работает.

Пошел с кофе по мастерской, следом за ним пошла музыка.

В нарастающей струнной истерике, дымя кофе, скульптор прохаживался по солнечным квадратам пола, слушая музыку в себе.

В углу стояла огромная бобина пупырчатого оберточного материала, переливалась и горела упавшим солнечным лучом. Дунин, студенты, другие посетители мастерской, включая охранника Олега, иногда воровато заходили в угол и, прикрыв глаза, сладострастно щелкали пузырьками: ррраз-раз-раз.

Скотч, степлер, пупырка: как быстро пан Пендерецкий, или это маленький незабываемый Гоч командовал Дуниным, нашли себе материалы.

Макетный нож с алой ручкой.

Банка черного акрила.

Беснование струнных, страх, ужас, нарастающий вой, пупырка, клей, черная краска, щелкающий, кусающийся степлер, макетный нож: Раз! Раз! Так тебя, так!

Хиросима закончилась. Дунин вбежал в подсобку, яростно тыкая мышью, поставил на повтор.

На двадцать второй раз Дунин и Пендерецкий кончили одновременно.

Призрачный воющий ужас: в полтора Дунина здоровенный объект стоял посреди мастерской. Полупрозрачный то ли иероглиф, то ли какая-то выпущенная кишка, то ли черт его знает что. Штуковина удивила ее автора законченностью образа и лихостью сборки. Будто работе предшествовали полгода почеркушек, эскизов, пространственных макетов: всего того, чем Дунин терроризировал студентов.

Кружка остывшего кофе стояла на полке стеллажа, I love Lviv горело золото на алом боку. Солнце играло в альвеолах пупырки. В сужениях и загибах было подмазано черным акрилом, выделялся черный воющий то ли рот, то ли воронка. *УЖАС* горел, сиял и переливался, не становясь оттого менее ужасным. Дунин перевел глаза на собственные руки, зачем-то коснулся бороды.

Задвинул легкий, невесомый *УЖАС* в дальний угол. Заставил, как мог, мольбертами.

Несколько дней после странной, возмутительно-вдохновляющей Пендерецкий-сессии скульптор ходил тихий, будто влюбленный, со студентами был внимателен, почтителен, нежен.

В эти дни не было музыкального сопровождения, студенты сразу заметили своеобразную наготу пространства, где всегда происходило какое-то звучание. Музыка, да еще миллион всяких-разных мыслей звучали-крутились у Дунина в голове и занимали весь ее объем, от уха до уха.

Дунин ничего никому не рассказывал и уж тем более не показывал. Скульптор, однако, вспомнил, что в Facebook есть закрытое сообщество их институтской группы. Зашел, пробежался по ленте, посмотрел фото, почитал посты, новости. Народ выкладывал

информацию в основном о выставках, о педагогах. Пару из них, совсем уже пожилых людей, стариков, они по очереди навещали.

Дунин тут же забыл, зачем он здесь.

Растаял!

Приятно, все свои...

Эх...

До детских припухших желез.

После ностальгического провала длиной не менее часа Дунин все же собрался, почесал под бородой, написал:

ПЕНДЕРЕЦКИЙ

Подумал, добавил, вопросительный знак.

ПЕНДЕРЕЦКИЙ?

Как ни прятал Дунин УЖАС, глазастые студенты обнаружили его почти сразу.

– Михаил Игоревич, ой, а што это? – спросила Анфиса Евграфова.

Анфиса Евграфова. Надо же, два Ф. Такая фонетическая диверсия не могла быть случайностью, подумал вдруг Дунин.

Нужно уточнить, не Федоровна ли она.

– А что-то я раньше ее не видела... Новая?

– Так... Поэкспериментировал немножко, – сказал Дунин, впиваясь в УЖАС жадным взглядом. – Анфиса, а как тебя по батюшке?

– Ильинична, – не удивилась студентка. – А можно поближе посмотреть?

Дунин раскидал мольберты, вытащил огромный легкий УЖАС на середину мастерской.

Второкурсники сгрудились вокруг их с паном Пендерецким совместного творения.

– Ого, – протянул Луцкий. – А я думал, вы только станковую живопись признаете... Кроме скульптуры. Лэндскэйпы... А тут прямо современное искусство. Концептуализм. Как она называется?

– УЖАС, – сказал Дунин.

– Ноггог? – уточнила Сердынина.

– Нет. Именно УЖАС. С большой буквы, прописными.

– А как это вы? Что за техника?

– Почему ужас?

– Михаил Игоревич, а можно снять? Ой, а станьте рядом, – студенты, наставив смартфоны, забегали вокруг.

– Это очень... выразительно... и говоряще, – старательно подбирая слова, произнесла с розовыми волосами умненькая Илона.

Дунин посмотрел на нее внимательно, сдержанно кивнул.

Чтоб вернуть студентов обратно к столам и станкам, пришлось затолкать УЖАС обратно в угол и набросить на него мешковину, как на настоящую скульптуру.

В телефон полез, только когда все разошлись.

Под его утренним сообщением выросла бородашка комментариев.

Еще один...:):)

Пан?

Дунин, ты жив?

Пендерецкий форева!

Миша, поосторожней там. Напишу в личку.

Чем кончилось?))))

*Пярт! Пярт! Я Пендерецкий...
Похвалишься?*

Дунин почесал в бороде и выложил в комментариях фото УЖАСА.

- *Офигеть*, – Игнатьев.
- *Сильно...* – Лизон.
- *Дай угадаю*, – написала Саакянц. – *Плач по жертвам Хиросимы?*

Оказывается, все они давно баловались Пендерецким. И обсуждали это, аккуратно. Игнорирующий соцсети Дунин был ни сном ни духом.

...Они с Черных – тот написал ему в личку сразу же и приехал через два дня – разлили по пятьдесят. Черных уже успел восхититься и, по-доброму, позавидовать мастерской. Он ходил и ходил по ней как заколдованный. Несколько помещений! Столы, турнетки, станки! Густо, но разумно и методично заполненные стеллажи. Стратегические запасы глины и скульптурного пластилина. Десятки дунинских и, отдельно, студенческих работ.

Экорше! (Леша ностальгически вздохнул.)

Имелась здесь даже раскладушка, Черных уважительно поднял брови...

Черных осмотрел дунинские пейзажи, бесконечные речки, Польна-Важа-Тяжа-Скалба-Шексна-Шерна-Мжуть. Сдержанно похвалил.

– Молодец! Я-то все больше в графических программах тружусь... А ты верен холсту и кистям. И акварели, это ты вообще герой... Вот, блин, цельная натура. В фейсбуке не сидишь, как все мы... Горжусь тобой, Мишаня!

– погоди, – сказал Дунин, – чего покажу! Да ты видел, я ж выкладывал...

Он сдернул мешковину с УЖАСА, вытолкал его легкое тело в центр мастерской.

– Пиздец! – выдохнул Черных. – Двадцати лет как не было. Призрак Гоча... Слушай, ну это круто.

– Думаешь? – усомнился Дунин. – Я вообще не понял, что это такое... Что это было... Как без моего участия произошло, веришь?

– Реально мощно... Образ сильный. Формы. Масса. Впечатляет... Но нужна серия! – сказал Черных уверенно. – Одна работа – это случайность, понимаешь?

Дунин посерьезнел и как бы заскучал. Черных между тем понял его правильно:

– Да, ты с ним поаккуратней.

И тогда Черных рассказал про Побельского. Их бывший одноклассник занимался с талантливым мальчиком, давал частные уроки. Стандартный набор: живопись, рисунок, станковая композиция. Готовил парнишку к поступлению, в Махл-Рах. И решил, дубина, как когда-то им – Гоч, раскрыть парню чакры. И завел Пендерецкого! Что именно завел, я не знаю, да это и не важно...

Черных плеснул коньяка себе и Дунину, сложил бутерброд из хлеба и сырокопченой колбасы.

– ...И что там у них произошло, никто точно не знает. Побельский не уточнял, он всегда был мутный, вязкий, ты помнишь. Но явно какая-то грязная история. Как говорится, что-то пошло не так. Не те чакры раскрылись... Побельский рассказывал, но темнил, не договаривал, умалчивал. Но, Миша, заметь, сам позвонил! Сам рассказал! Ему важно было поделиться с теми, кто знал, откуда у этого беса ноги растут...

– Йоп... Чем кончилось-то?

– До суда не дошло. Родители мальчика замяли дело.

Дунин брезгливо присвистнул.

– И как он теперь? Побельский...

– Уехал в Израиль, лет пять как. Работает чуть ли не на стройке... Рисует. Ходит с этюдником по горам Галилеи. Преподавание бросил, от греха.

Они выпили, мрачно брякнув глазурированными керамическими стопками.

– ...Эффект непредсказуем! Кого-то одарит, а кого-то, вишь, накажет... Пан Пендерецкий. Вот, кстати! у Нельки Васильевой была выставка два года назад. Она тебя звала, ты не доехал. Ты ж в фейсбук не ходишь, сообщения не читаешь... Все наши были, в галерее на Влахернском бульваре. Миша, это взрыв мозга! Никто не ожидал такого... От Нельки. Беспредметная керамическая скульптура. Вроде чушь, да? Даже звучит по-дурацки... Но, на выходе, – просто сенсация. В «Афише» написали... Всю коллекцию забрал московский музей ДПИ... Миша, это не могу передать как круто... Они, музейщики, правда, трактовали серию как современный средовой дизайн, но какая, на фиг, разница.

– Я не понял? Это что, Пендерецкий?

– Да! Конечно... Васильева, видимо, из благодарности, серию так и назвала: ПАН. Хитро, да? Но звучит хорошо, загадочно, интеллектуально... И с керамикой вяжется. Это до тебя дошло как до жирафа... Но, Миша, я предупредил: очень осторожно! Только в одиночку... Он непредсказуем. Не вздумай студентам его включать! Тебе... есть что терять, – и Черных обвел мастерскую мечтательным взглядом.

Пугливый и консервативный Дунин был так всем этим смущен, что повторить опыт решил только через полгода. Летом он много писал. Съездили со студентами на пленэр, в Тутаев. Отлично поработали, ребята молодцы, и препод, само собой. В конце октября запланировали выставку в институте. Дунин почти забыл о Пендерецком, но когда вошел в мастерскую и увидел УЖАС, аж затрясся. Даже давление поднялось.

...Что может быть лучше акварели, говорил себе Дунин, и повторял это студентам, как заклинание. Приручить акварель – стать сверхчеловеком: стихи в ней столько, что можно захлебнуться. Написать мотив любой сложности. Поздний вечер, туман, дождь, догорающий костер.

Темный натюрморт, черное на черном.

Какое там, на фиг, современное искусство! Не смешите меня...

Ярким октябрьским днем, прямо с утрца, врубил *Страсти по Луке*.

Выставку сделал кулуарную, для своих, здесь же, в мастерской. Двенадцать объектов, символично. На самом деле опасливый Дунин, конечно же, как огня боялся числа тринадцать.

Учитывая, каким образом он добывал себе вдохновение, опыты с Пендерецким правильно было бы на этом завершить.

Дунин с женой, похудевшей ради такого дела еще на два кило, устроили щедрый фуршет. Заказали несколько ящиков приличного пино гриджо. Жена отказалась от идеи кейтеринга, сама накрутила миленьких тарталеток, крошечных бутербродов, закусок на шпажках. Даже одноразовую посуду купили не бумажную, не из мнущегося пластика, а из твердого и цветного.

Ради важного события и красоты приема хозяин мастерской соорудил барную стойку: положил на козлы широкую доску-сороковку, выкрасил синим. Петрововодкинский оттенок, подумал Дунин.

Студентов на открытие выставки он, естественно, не позвал, не по чину, но устроил им предпоказ с кофе, печеньками и бутербродами. Они все-таки были у него первыми зрителями. Мнительный тонкокорый Дунин ценил такие вещи.

Анфиса Евграфова, первопроходица, сверстала ему для выставки стильные шильдики.

– Пен... что за... Пен-деревский? – спросила она, разбирая текст. Дунин написал названия карандашом на листке из блокнота. Почерк у него всегда был убийственный, как у участкового терапевта из районной поликлиники.

– Пан Пендерецкий! Кшиштоф Пендерецкий. Польский композитор-авангардист! Живой классик...

– Так классик – или авангардист? – не отставала буквальная Евграфова.

Смущенный Дунин выкрутился, увел разговор, перешел на более понятные материи, на музыку для кино: Кубрик, Shining, «Сияние» (не видела? деревня!), серии из Twin Peaks, и Анфиса отстала.

Собрались все свои. Человек десять бывших одноклассников. Пришел Макс, сын от первого брака. Несколько знакомых из новейшей истории. Пара преподавателей-коллег, ставших друзьями. Саакянц привела Алину Шпак, известную арт-критикессу, знакомую подруги. Это был акт заботы о нем, Дунине, и проявление дружеского участия.

Нарядный умащенный Дунин, постриженный в бра-шопе BARA_DA!, сиял и светился. Жена, в мастерской он увидел ее отстраненным взглядом, выглядела совсем тоненькой и до странного молодой. Весь вечер Дунин старался не выпускать Нюту из поля зрения, но, конечно же, то и дело выпускал.

Дунин тщательно продумал экспозицию, сценарий вечер, с помощью, разумеется, жены. Он не запустил гостей в помещение с объектами, а удерживал вином и закусками в принаряженной подсобке. Повеселевшие гости окружили импровизированную стойку, и, кажется, совершенно забыли о цели визита.

Тут-то с модной бородой Дунин сказал им, разгоряченным:

– Ну что? Готовы?

Нескольким гостям померещилось в этой его реплике что-то знакомое. Дежавю. Остальные, очарованные тусовкой и пино гриджо, очнулись. Гуськом, не выпуская из рук бокалов, гости потянулись осматривать экспозицию.

Двенадцать объектов, демонические подсвеченные снизу, высились: *УЖАС. СТРАДАНИЕ. ЧИСТИЛИЩЕ. СОМНЕНИЕ. ВНЕЗАПНОСТЬ. ОДЕРЖИМОСТЬ. СТЫД. АГРЕССИЯ. НЕОБРАТИМОСТЬ. БЕСПОМОЩНОСТЬ. ПАДЕНИЕ. БЕЗУМИЕ.*

Мрачная, трагическая выразительность скульптур едва-едва балансировалась отличным белым вином, радостью встречи, ощущением праздника.

Поскольку суть выставки, содержание и характер объектов удерживались в тайне, эффект получился по-настоящему сильный. Сделанные в основном из формованной пупырки (но до этого нужно было еще докопаться), скульптуры стояли двенадцатью привидениями, сталагмитами. Ослабленные пино гриджо, гости испытали шок. Резкая, трезвая, затаенная в черное, огромными шагами ходила между объектами Алина Шпак. Арт-критик расстреливала скульптуры из смартфона. Преданная и нежная Нюта, когда забывала играть роль светской женщины и жены гения, с тревогой следила за передвижениями Шпак, смотрела на лица гостей, отслеживая реакцию.

– Я правильно поняла? – басовитым шепотом сказала подошедшая, очень эффектная в черном Саакянц. Наташка отлично выглядела, стройная, сухая, с плоским животом, как 20 лет назад. Еще вполне себе.

– Что? – тоже шепотом переспросил Дунин. – А. Да.

– Ничего такой ресурс, скажи? – возбужденно оглядывалась Наташа. – Завещание нам оставил... Вот тебе и шут гороховый...

Черных пришел с третьей женой, она выглядела лишь немногим старше Евграфовой. Полина.

– Это удивительно. Правда! – подходя, сказала Полина пылко. Она была с роскошным образованием типа физтеха, работала в Яндексе, заметно превосходя мужа в зарплате (в чем тот смущенно признался Дунину, когда был в мастерской в последний раз). – Я даже представить не могла! Думала: речки, купола, рябина... А тут такое...

Дунин галантно поцеловал гладкую, в кольцах, смуглую руку, и накрыл своей ладонью.

– Полина, Полина! Боже, Черных, старый гриб, где ты взял такую прелесть?

– Где взял, там нет, – отрезал Черных, слишком жестко для гостя с бокалом пинот гриджо. – Погуляй пока, детка, – сказал он жене, как дочке, поцеловал в русский пробор, ласково подтолкнул ее в выгнутую стройную спину.

– Ну что, работает скважина? – Черных обвел взглядом мастерскую.

– Да, Леша. Но я все, завязал! Достаточно...

– Вот и я о том же. Чтоб не захлопнулся сезам. Не выберешься...

– Да не дурак, все понимаю.

– Кстати, парни, – подрулила к ним с бокалом румяная сияющая Люда Терехина, мать троих детей. Старший родился как раз в конце четвертого курса, через несколько месяцев после Пендерецкого. Дунин, склонившись, приобнял однокурсницу за скульптурные бедра. – Я видела Гоча!

Пендерецкий, Сияние, – прочитала Евграфова.

Он был четвертым в списке, между ХИЛАК ФОРТЕ (купить, принимать 3 р. в день по 30 капель за 15 минут до еды) и напоминанием о походе к ортодонту 15 мая. Анфиса носила ретейнеры на нижней челюсти, они должны довершить начатое брекетами.

Всего в списке было пятнадцать пунктов, духовное безо всяких церемоний перемешано с материальным.

Анфиса набрала в поисковике *Пендерецкий* и аккуратно красной ручкой вычеркнула четвертый пункт из списка.

Музыка показалась странной. Добровольно она и пяти минут бы не стала слушать. Удовольствия никакого, ни даже интеллектуального шарма, но пытливой Евграфовой было интересно разобраться, почему ее симпатичный препод говорил о поляке с придыханием и каким образом тот связан с выставкой. Она слушала добросовестно, минут сорок.

По прошествии которых написала Федорову.

Что у тебя сегодня вечером?

Nothing.

Посмотрим «Сияние»? Ты видел?

No. What's this? Shinning.

Ужасы. 80й год. Стэнли Кубрик.

Буэ... Клуб любителей ч/б?

Федоров, мне нужно, для одного дела. Вечером смотрим. Это приказ.

Yes, captain.

– Го-ча? – переспросил Черных. – Ты видела Гоча?

– Подожди, не рассказывай! – взмолился раскрасневшийся от белого Игнатьев. – Дай нам поууп... поуупражняться в... короче, вдруг угадаем! Во что мог превратиться

невероятный, непостижимый, нелепый Гоч. Совратитель юных душ... Есть предположения?

– Калифорнийский университет? Профессор какого-нибудь искусствоведения... modern arts и все такое, – предположил Дунин. На полном серьезе. Терехина год прожила в США, у мужа был контракт. Мало ли.

– Еще версии? – подзуживала, крутясь между ними, Терехина. – Кто больше? Дальше?

– Бомж! На Курском вокзале. Пендерецкий должен был на нем отыгаться..., – сказал мстительный Черных.

– Мне кажется, – сказала Наташа Саакянц очень серьезно, – я почти уверена... он запатентовал собственную методику! Какую-нибудь технику нейромузыкального, не знаю, воздействия. И у него сейчас авторская школа. И он продает свой курс корпорациям. Пакетами! Востребован, успешен, богат и знаменит. Сколково от него без ума. И тебя, Терехина, позвали писать его парадный портрет! Я угадала?

Рыжая Терехина, вращая головой, весело смотрела на них круглыми сорочьими глазами. Она чувствовала себя ведущей телевизионного шоу.

– Ну? Ну? Лизон, прояви смекалку. Люб?

Никто не разделял ее шутовского восторга. Всем страшно хотелось узнать, где же всплыл Гоч, прививший им чертову тягу к прекрасному...

От слова страшно.

Терехина наконец сдалась.

– Дети мои... Дорогие эстеты! Господа! Я была тут... не поверите... короче, оказалась на заседании писательской секции. Подруга позвала развлечься. Здешние типы, сказала, ты просто обалдеешь, мол. Я такая с блокнотом, карандашом, маркером, прихожу. Думаю, порисую заодно. Там же все с блокнотами, пусть думают, что я стихи пишу или роман. Приходим. И оказываемся, с подругой на пару, просто девочками среди старцев. Там младше 65 никого не было. Сплошь деды. Такие, с бородами, но не художественными, а писательскими. Большая разница. И не хипстерская, Дунин, как у тебя, у тебя, кстати, правильная борода. Но эти писатели, хоть и старые, а глазами на нас с Танькой: зырк! зырк! Мы внесли, короче, эротическое оживление. Сидим, слушаем. Я калякаю в скетчбуке, типа, поэму пишу. А сама наброски делаю. Там такие типы! Один дед мне показался знакомым. Такой высокий, худой, лысоватый. И, в отличие от большинства, безбородый. Думаю, где же я его видела, этого гриба? У меня ж зрительная память... А когда он заговорил, сразу вспомнила. Голос этот его, с рыком. Заметный, запоминающийся. Гоч! Собственной персоной. Господа, так вот. Он – писатель. Наш Эдуард Львович, преподаватель ТСО, – писатель, причем – внимание! – фантаст. Я потом пригляделась: он и не сильно изменился, в общем-то. Не такой уж и дед. Он и тогда был без возраста. А вот пиджак, мне показалось, тот же самый. Там потом это заседание плавно перешло в пьянку, и я не выдержала, преодолела врожденную застенчивость (Игнатьев комически прочистил горло), подошла. Эдуард Львович, говорю? Он: да? Мы с вами знакомы, прекрасное дитя? Я: я – Люда Терехина, вы у нас преподавали ТСО. На худграфе. Он поморгал, не помню, говорит. Как, говорит, вы сказали, ТСО? Не припомню, и головой крутит. Я, девушка, где только не преподавал... Кем только не работал... А я прям не могу отстать, прицепилась к человеку. Пендерецкий, Пярт, говорю, помните? Вы нам ставили, магнитофонную запись. Еще кассетники были! Чтоб нам творческие чакры раскрыть? Неужели не помните? Пярт, Пендерецкий! Авангардные композиторы. А Гоч такой: знаете, Людмила, простите меня, но мне надо пойти Вячеслава Витальевича поприветствовать, зав. секцией художественного перевода. И прямо машет какому-то лысому, как с пристани. Вы не возражаете, говорит? И ушел, гад. Улизнул...

Помолчали. Лиза раскачивалась на пятках. Дунин поскреб шею под своей модной, трудной в носке бородой. Предложил подлить. К нему потянулись бокалы...

– Какой кошмар, – сказала Саакянц с отвращением. – Люд, ну ты порадовала...

– Худший вариант.

– Мы были для него просто расходники, – горячился Игнатьев. – Белые мышата с красными глазами. Может, он просто собирал материал для повести? Тьфу, мерзота...

– Шут. Шулер. Портной из «Нового платья короля». Но ладно мы, молодые дураки, легковверные... Но он же продал свой курс руководству факультета!

– Эээ... – произнес задумчиво Черных. – Кто из вас начитанный... Кто в курсе современной литературы? Может, про нас уже есть роман в жанре ретро-фэнтези... «Фантастические придурки».

– Ну что, покурим? – подошла к ним Алина Шпак. Умягченные согласные выдавали уроженку южных областей. Ростов-на-Дону?

Их стояло восемь человек, но предложение явно было адресовано бенефицианту. Дунин, как лебедь из запруды, выплыл из полукружья бывших однокурсников. Охлопал себя по карманам в поисках сигарет.

На дворе была почти ночь и, как специально, полнолуние. Шепталась молоденькая майская листва. Узкие, как пояски, облака дисциплинированно лежали по периметру чисто выметенного неба на равном расстоянии от идеально круглой луны.

Привлекательная, яркая, хотя и несколько гротескная Шпак была похожа на художницу-авангардистку Александру Экстер. Кажется, Алина знала об этом и слегка утрировала сходство.

– Пару вопросов хотела задать. Кстати, я не курю, – лицо Алины, облитое лунным светом, выглядело слишком декадентским.

– А я грешен, – Дунин с наслаждением затянулся сигаретой из пачки со страшной картинкой. – Так о чем вы хотели меня расспросить?

Он галантно склонился к миниатюрной, но с формами, Шпак.

– Эээ... вы меня неправильно поняли! Это не интервью. Во всяком случае, не сейчас.

Дунин, скрывая разочарование, отстранился. Пожал широкими плечами, подчеркнутыми пиджаком. Скульптор надевал пиджак в среднем раз в год. – Но кое-что меня заинтриговало. Знаете, я ведь разбираюсь в станковом искусстве. Нет, нет, именно как практик. У меня есть художественное образование...

– Стоп! – Дунин закрыл глаза и сделал пасы руками. Поводил в воздухе пальцами, в лунном сиянии сверкнуло обручальное кольцо. – Сейчас-сейчас... Сейчас! Этот дивный... едва уловимый... очаровательный... бархатный... такой сексуальный... выговор и... высшее художественное образование могут означать только одно... Краснодарский худграф?!

Шпак прожгла его своими экстеровскими очами и все-таки улыбнулась.

– Вы ясновидящий, Михаил... Да, я училась в Краснодаре... И, знаете, не жалею. У нас были отличные преподаватели. И сильный курс. А потом еще в Лондоне, Sotheby's Institute of Art. – Дунин уважительно завел бровь. – И я это к чему, дорогой Михаил... К тому, что я сама владею техниками станковой живописи. Знаю, как устроена акварель и мозг акварелиста. Скульптора-традиционалиста, скажем так. Я видела ваши работы. В Интернете посмотрела... Так вот. Эта выставка, объекты – не ваши... Это – я так думаю, осторожно предположу – блестящая и очень убедительная художественная мистификация. Черубина де Габриак. Кстати, вы чем-то похожи на Волошина, вам говорили? Только вы высокий... Возможно, эта Черубина – коллективная... Я не верю, что у ваших пейзажей и скульптур и этих... гм... объектов... фигур, которые вы сегодня нам так замечательно презентовали, – один и тот же автор! Не в том смысле, что по каким-то причинам вам недоступен язык беспредметного искусства... Или что вы стары для него. (Дунин удивленно моргнул.) Или, упаси Бог, слишком академичны... Нет! Нет. Этого, Михаил, не может быть... просто, потому что эти работы сделаны из разных культурных частот.

Парадигм. Импульсов, образов мысли. Вообще! Абсолютно! Это очень талантливое надувательство... Или, скорее, проект. А вы – его куратор. В это скорей поверю... Я угадала?

Из мастерской доносились гул, выкрики, смех. Он не узнавал мастерскую, сроду не бывшую светским местом. Он узнавал голоса, родные с юности, от которых внутри теплело и светлело. Все их присказки, охотничьи выкрики, басовые позывные, пещерные рыки. Стрекот Любы. Рокот Черных. Высокочастотные переливы Людки Терехиной. Тенор Игнатьева. Шикарный басок Саакянц. Комедийный фальцет Витала, за годы, что они не виделись, раздобревшего до размеров Депардье.

На улицу, под софит луны, выбрались Игнатьев, Черных и Людка Терехина. Четвертой вышла жена, тоненькая, как Саломея Андроникова.

– Мы ведь не помешаем? – многозначительно и слишком громко спросила Люда.

Дунин притянул однокурсницу и поцеловал в высокие рыжие волосы с торчащей японской шпилькой.

– Терехина! Моя радость! Как – ты? все – вы – можете мне помешать? Но мы с прекрасной Алиной еще не закончили, и намереваемся... – он повернулся к арт-критику.

Алина вышла из тени в свет луны.

– Знаете, Михаил, нам с вами придется еще раз встретиться. Вы ведь не против? Причем здесь, в мастерской. В виду ваших... о! о! объектов. Кое-что осталось невыясненным... И непонятым... непонятым! – поправила она. – И потом, я хотела поснимать их при дневном свете. Нюта, – вдруг воскликнула она и направилась к хозяйке вечера, сомнамбулически протягивая к ней руки с зелеными ногтями, – прекрасная Нюта! Михаил (она винтом перекрутилась назад, к бенефицианту, указывая ему на его собственную жену) – вот! Вот кто здесь настоящее произведение искусства! Нюта, только вы сможете мне помочь. У вас ведь осталось еще пино гриджо? А тарталетки с козьим сыром и айвовым джемом?

В черных платьях Нюта и Алина скрылись в мастерской. Со спины женщины казались ровесницами.

Ну что, поехали?

Yes.

Конечно же, Евграфова и Федоров не пошли в кинотеатр. В клуб, специализирующийся на киноклассике. Но и не сидели они плечом плечу у ноутбука. Анфиса находилась в Измайлово, Федоров в Раменках, фильм смотрели посредством программы rabbit.

Хорошо! Никуда не надо ехать. Ничто не отвлекает. При этом полный унисон и контакт.

Ненавижу ужастики. Это чисто эксперимент. Полевые исследования...))

Поял.

Если будет страшно, остановим...??

Ок.

Музыку слушай внимательно. Анализируй. Ради нее смотрим.

Бля, Анфис, ты задолбала своей прелюдией! Хватит инструктировать... Можно уже кино посмотреть?? Первый час ночи, мне завтра ко второй паре.

Федоров я не могу.

Смотрим. Тебе ж нужно...
Я боюсь.
Дык это даже не ужастик. Просто кино... Саспенс.
Мне страшно((
А мне нравится
Федоров, я боюсь((((((((((((((((((((((((((((((((
Пугают, вот и страшно. Прикольно, Джек Торрент писатель... Кинг про себя что
ли сочинил?
Я пошла
Фиска, сидеть!
Виу.
Эй! Куда? Не, я досмотрю. Расскажу, чем закончилось...

Алина Шпак появилась в мастерской только в июне. Дунин запомнил, был день рождения Пушкина.

У Дунина с Пушкиным были свои особые отношения. Лет десять назад он прочитал заповсем все статьи Лотмана об АС и забабахал собственную Пушкиниану, в пластине, и перевел в бронзу. Коллекцию приобрел, на деньги какого-то мецената, музей в Тверской области.

Это была хорошая история, страница в биографии. Пушкина Дунин почитал как родственника и любил как друга.

Дунин давно оправился от выставки. Прошел почти месяц после вернисажа. У арт-критика же Алины Шпак была уважительная причина отложить дело в столь долгий ящик, и не одна. Она ездила на биеннале в Венецию, потом сгоняла (ее слово) в Штутгарт, потом в Париж.

По сверхважным неотложным арт-делам.

Дунин все это время проторчал в городе, горячая преддипломная пора. Только на майские вырвался с женой в Сахарово, за сотый километр.

Здесь, как всегда, было по горло дел, прекрасных майских, в нежной зелени, дел. Подпиливали иргу, опрыскивали смородину, копали, красили, наслаждались жизнью.

Повезло с погодой. Была даже гроза, отличная. Только немой не твердил, глядя в содрогющееся небо: люблю грозу в начале мая.

Дунин любил это дело до трясучки. Смотрел, сидя на веранде, под вино.

Небесное представление разворачивалось напротив дома. Скорей, это был чемпионат. Фосфорно-белой нитью пробегала по небу молния. Дунин оценивал ее по 10-бальной шкале. Спустя время молнию догонял запыхавшийся гром.

Молнии ему нравились больше, иные были просто загляденье.

– Отличная! Просто красавица! – вопил он.

– Лапочка! Такая аккуратненькая...

– Давай! Давай!

– Ох, какая!!

Дунин был благожелательное жюри, неудачные молнии, невыразительные, размазанные, не оценивал, жалел. Выдающиеся отмечал стонами радости.

Когда, наконец, ливануло, с видимостью сделалось не очень. Еще полыхало и громыхало, но уже интересней стало смотреть, как дождь разлетается, дробится хрустальной крошкой, встречая на пути соседскую крышу.

Одно омрачило майские: весть, что умерла Ирина.

Их участки граничили. Это о ее крышу вдребезги разбивался дождь.

Умерла от инфаркта, рассказала другая соседка, Тамара Леонидовна.

У Иры остался сын Саша тридцати лет.

В тридцать лет вроде как уже не *остаются*, но Ирин Саша был с небольшой задержкой развития, выражавшейся в детском простодушии и наивной радостной общительности. Имел инвалидность *по голове*. Кипучий, обаятельный, как Иванушка-дурачок, здоровяк в камуфляже Саша увлеченно болтал через рабицу с Дуниным, с Нютой, с крошечным внуком Тамары Леонидовны, с каждой проходящей мимо собакой. Как Франциск Ассизский, он распекал сорок за то, что не дают спать, скачут по гулкой кровле, начиная с пяти утра, и будят Сашу в его комнате под крышей.

Саша работал охранником. Отпуск они с матерью всегда проводили на даче.

Однажды навестить Сашу приехала его девушка, он с гордостью рассказал Нюте, что она работает продавцом в магазине игрушек.

Его мать Ирина, по-молодому полная, немногим старше пятидесяти, была, наоборот, хмурая, малообщительная. Дни отпуска Ира проводила, колдуя над своим огородом, и он являл собой чудо стройности и порядка.

Подобный огород, просящийся на картину или в ботанический атлас, Дунин запомнил в женском Знаменском монастыре в Гороховце. Он возил туда студентов на пленэр года три назад.

Натянутые струны декоративного лука с сиреневыми шарами на концах, праздничные фонтаны салата, пурпурная свекольная ботва и пушистая, ажурная ботва морковная: Дунин засматривался на Ирин огород сквозь прозрачный штакетник.

С дунинской стороны ничего такого не было. Несколько деревьев, клумба пионов, нестигаемые, много лет бурно плодоносящие кусты смородины, изредка приезжающие гости, в сезон ряды сохнувших плавок, купальников и полотенец.

Что ни лето, сдобная Ира в шортах и майке виднелась среди салата и лука. Скульптор нередко задерживал взгляд на белых округлых руках, выдающихся ягодичах, выпуклых икрах среди стеблей и листьев.

Моложавая хмурая Ирина работала главным бухгалтером, и смысл ее огорода был, конечно, совсем другой, нежели в Гороховце. Дунин подозревал, что Иринино огородничество и его собственные художественные дерзания были страсти одного корня. В обоих случаях авторы пытались добиться урожая, стройности, послушания материала, одинаково находили в процессе и смысл, и счастливое забытие.

И вот Ирина умерла. Саша-сын на майские не приехал. Хозяев не было, но огород их, видный Дунину как на ладони со всеми своими матрицами и шеренгами, еще не знал об Ириной смерти. Он был все также строен, аккуратен, выверен, как при ней. И, кажется, ухожен, только несколько торчащих посередь грядок толстоногих белоголовых одуванов выдавали заброшенность.

В один из вечеров помянули Иру.

– Хоть и не дружили вроде, – Нюта грустно вздохнула, – а мне ее не хватает...

– Пусть земля ей будет пухом, – сказал Дунин, непроизвольно кивнув на одуванчики. – Какие Ирка цветы выращивала! А кабачки с тыквами... Как Сашка теперь будет? – Он плеснул в бородатый рот из граненой стопки и скорбно закусил куском бородинского.

Девятого мая было полнолуние, Дунин запомнил.

Он лег неприлично рано, что-то в девять вечера. Умаялся...

Немного почитал, чтоб сильнее сморило. Нюта притаскивала домой много книг, закачивала ему в ридер новинки, но Дунина трудно было поймать на этот крючок увлеченного чтения.

(С кино, на самом деле, у него тоже обстояло не очень.)

В середине, а может, и в начале ночи он внезапно проснулся, свежий, как ветка цветущей сливы. Комнату будто забросали резаной бумагой. Причуды лунного освещения.

Дунин нашарил под кроватью тапки. Стараясь не разбудить Нюту, осторожно встал, спустился по лестнице.

Вышел во двор, под прицел луны.

Главное, спиной не поворачиваться, думал Дунин. Ого, какую хорошую, плотную тень я отбрасываю.

Вокруг все было сомнамбулически белым и условным, будто сделанным из бумаги. Начавшая цвести ирга, домик мастерской, дома соседей, плоский задник неба, горящая белым амбразура луны.

Громко заливались, *грохотали по оврагам* невидимые соловьи. Трещоткой отзывалась из-под земли медведка. Не у нас, где-то у соседей, хозяйственно подумал Дунин.

Не поворачиваться спиной, а то загрызут.

Он пощупал себе лоб, поскреб щеки.

Пятясь, вернулся в дом, поднялся к спящей Нюте. Не белой, не бумажной, розовой, теплой, надежной.

Проснулся Дунин преступно поздно. Жена с хорошо сыгранным возмущением кивнула на часы.

Все уже вгрызаются в землю лопатами! Рыхлят и мульчируют! Опрыскивают! Сверкают каплями! Кормят птенцов жирными розовыми червяками! А ты?

А ты, жмурясь, выходишь в трусах на порог нового дня.

Алина Шпак сама написала ему в начале июня. Решительно назначила день, и, конечно, это был неудобный день-со-студентами. Дипломники числом пять человек спешно доделывали работы. Дунину, единственное, удалось назначить встречу на попозже.

Странно, что вообще вспомнила. Величавая жесткая эффектная востребованная Алина Шпак...

Объекты стояли тесной толпой в углу. Дунин придумал для них что-то типа ширмы, укрыл мешковиной, получился такой «мистический уголок», по остроумному определению Илоны с теперь уже бирюзовыми волосами.

К приходу Шпак Дунин не приготовился никак. А что готовиться? Были у него, как всегда, чай-кофе, сухое печенье, баранки. Мог бы что-нибудь изобразить, прикупить пирожков в институтской столовой, но не стал, не захотел.

Шпак пришла ровно в семь, в черном льне, с ультракороткой стрижкой, в огромных серьгах, размером в треть ее головы.

Уставший к вечеру большого дня Дунин выдал спокойную версию хозяина: не снял брезентовый фартук, рукава рубахи закатаны, на голове трикотажная шапка. Это был его рабочий прикид – Данила-мастер, перезагрузка. Дунин не стал даже, как обычно, с порога предлагать чай-кофе, хотя у него это было почти рефлексное.

Миниатюрная Шпак походила по мастерской большими шагами, осматриваясь. Кивнула на мешковину: снимете?

(Может, думала, Дунин приготовится как жених, выставит ей экспозицию?)

Попросила выдвинуть фигуры на середину мастерской и принялась снимать здоровенной камерой (Дунин уважительно поднял брови), то почти укладываясь на пол,

то залезая на стремянку, тасуя, переставляя фигуры, которые в два раза превосходили ее ростом и объемом.

Стояли самые длинные дни года. Мастерскую заливало поздним малиновым солнцем, свет бил в частый переплет окон, ложился квадратами, золотился гипсовой пылью. Между широкими рамами у Дунина зеленел оконный сад, за которым он следил намного тщательней, чем за собственной бородой.

Пока Шпак снимала, Дунин заканчивал с уборкой. Он всегда сам все расставлял, сортировал, накрывал глину, укутывал пластилин, придирчиво сортировал и убирал инструменты. Милой уборщице Розе, с которой он любил поболтать, дозволялось только мыть полы.

Дунин искоса поглядывал на Шпак, на горящие вечерним солнцем фигуры, залитые светом стеллажи, станки, турнетки, столы, стулья, все это великолепие, и благодарил провидение, пославшее ему удивительное место работы, любимую мастерскую.

– Вы еще не устали? Может, чаю? – проявил наконец Дунин гостеприимство.

– Нет! Позже, – прошипела Алина Шпак со стремянки. Она изогнулась черной цаплей, целясь в *СОМНЕНИЕ И ОДЕРЖИМОСТЬ*. – Жалко свет упустить.

– Как хотите... Я пойду покурю.

Был образцовый июньский вечер, теплый и золотой, когда кажется, что лето продлится вечность. Листва уже набрала размер, но не потеряла девственную яркость. Чистый изумруд, зря, что ли, всю прошлую неделю шел дождь... Дунин сидел на красном тонконогом стульчике и пускал в небо задумчивые дымки. Он думал о том, что скоро защита, а потом два законных месяца отпуска. Они с Нютой поедут в Сахарово, потом через всю в Карелию на Соловки, а на обратном пути навестят друзей на Вологодчине. В августе хотел ненадолго метнуться в Смоленскую область, тоже к друзьям.

– Я все! – появилась на пороге Шпак. Управилась быстрее, чем он рассчитывал. Как людям удастся сохранять даже летом такую шампиньонную бледность, подумал Дунин. Или не загорает совсем? Бывает же такая кожа, белая, сырая, отрицающая солнце.

Дунин молча показал остаток сигареты с дымком на конце.

– Все-таки отличное место у вас, – похвалила Шпак.

– Да сам не нарадуюсь, – сказал Дунин по-простому, от сердца, хоть и нужно было держать имидж перед арт-критиком. – Жил бы здесь... да жена не поймет!

Дошло до чая-кофе. Памятуя о проявленном к нему интересе Алины Шпак, Дунин подумывал и о пино гриджо, но отверг этот формат, вино, расслабон, амикошонство. Деловая встреча, все.

Алина бесцеремонно уселась на самое удобное, явно хозяйское место. Красивое резное кресло-трон с ручками в виде грифонов. Очевидный антиквариат.

...Студенты даже прикоснуться к нему не смели, не то что задницу опустить.

Дунин миролюбиво сел на крепенький табурет напротив гостьи.

– Ну так что, Михаил? Приступим? Вы попались, маэстро! Скажу как есть. Я еще про вас почитала в Интернете. Провела небольшое расследование. Посмотрела ваши работы, включая ранние, включая Пушкинскую серию. Кстати, вот она отличная! Это прям чисто ваше! (Дунин сдержанно кивнул, спасибочки, мол.) Все проанализировала. Так вот. Ничто в вашем творчестве, употребим здесь это слово, творчество, – НИЧТО не предвещало появления в нем: а) беспредметных объектов, б) этих тем. Ну, хорошо, ужас. Допустим. Ну откуда эта необратимость? Страдание? Михаил, где вы и где необратимость?! Это вообще не из вашего словаря... семантического поля!

– Вы так думаете? – сказал Дунин, отхлебывая горячий чай из I love Lviv.

– Я уверена! Не первый год замужем, знаете. И потом, я неплохой психолог. Правда, без диплома (тут она хохотнула). И я хочу понять, раз уж оказалась втянутой в эту историю, звана на вернисаж, – добавила она со значением, – откуда у нее ноги растут. Желаю разобраться.

Дунин слушал, пил чай, хрустел баранкой, доводя до гротеска тот образ, который Шпак ему назначила. Былинного, сермяжного простака-художника со стружкой в бороде.

– Ну вот скажите, – не выдержала паузы Алина, – я ведь права со своей версией насчет художественной мистификации? Что это не вы, а молодые девы, ваши студентки, возможно, феминистки, некоторые детали указывают, что это так, но вам-то девушки вряд ли скажут, зачем грузить препода, – они придумали проект и сделали? А вы как бы кураторствуете и, понятное дело, снимаете пенки. «Как бы» – безо всяких иронических или негативных коннотаций! Все абсолютно правильно! Ведь вы им предоставили, так сказать, материально-техническую базу... Художественный надзор. Взяли под свое крыло... (Алина взмахнула правой рукой.) Более того! Могу предположить, что проект оказался выгоден вам. Нужен для утверждения позиций в этом вузе. С его, я навела справки, все более молодёющим педагогическим составом. С его очевидным уклоном скорей в дизайн и современное искусство, нежели в искусство станковое. И это, Михаил, изумительный стратегический жест с вашей стороны! Просто гениальный... Тут я снимаю шляпу!

– Знаете, Алина, – произнес Дунин после хорошей паузы, за время которой в комнате успело стемнеть. – Вы очень умная, это правда. И проницательная. Лондон не прошел для вас даром. Краснодарский худграф тем более. Но вы ни-че-го не поняли. Все предположения ваши – в молоко, – Дунин потряс коробком десятипроцентных сливок, из которого Шпак прыскала себе в кофе. – Автор – я. Вам придется поверить, признать, смириться.

Сливающаяся с темнотой Алина медленно и нагло подвигала головой из стороны в сторону: не-ве-рю.

– Но да! Кое в чем вы все-таки правы... – Алина, не двигаясь, подобралась, как очковая змея перед броском. – Правы вы в том, милое дитя, что история... эээ... создания этих фигур... действительно не так проста. С секретиком. Не могу отказать вам в проницательности. В чутье на нелинейные истории...

Тут Дунин не смог отказать, уже себе, в очередной эффектной паузе. Он плеснул в рот остатки чая, на правах грубого простеца погонял жидкость во рту, прежде чем проглотить.

Чай, кстати, был краснодарский.

Скульптор неторопливо встал. Долил из баллона воды в чайник, включил. Прозрачный чайник, подарок коллег, удивительно долго булькал синим электричеством. Все это время Алина и Дунин молчали. Наконец художник утопил в кипятке пакетик, разболтал, поставил перед собой.

– Если вы обратили внимание, один из объектов – он, кстати, сделан первым и положил начало всей серии – посвящен Пендерецкому. Там подписано. Называется УЖАС. Так вот, композитор Кшиштоф Пендерецкий имеет ко всему этому... проекту, – с затруднением выговорил Дунин, – самое непосредственное отношение. Я не собирался это афишировать, но и скрывать, считаю, незачем.

– Что – это? – пропела Алина, тщательно маскируя раздражение. В подсобке сделалось почти темно, но Дунин решил не включать свет.

– Влияние... музыки Пендерецкого на мое... эээ... творчество, – не без труда сложил фразу Дунин, – этого периода, – выговорил он. – Все объекты появились... благодаря... прослушиванию композиций Пендерецкого. Вот! Вся тайна... Алина, вы меня раскололи. Как орех. Вы удовлетворены?

– Слушайте, ну это же смешно, – с нервным хохотком сказала Шпак. Она выглядела раздосадованной. Переносица и подбородок у арт-критика покраснели, выглядеть она стала немного поживей. – Все слушают музыку, когда работают. Это обычная практика. Повсеместная. Даже я, хотя я не рисую, не леплю, а пишу. Думаю. Под музыку. Это нормально! Вот Америку открыли... Будем измерять количество Игги Попа в моих статьях? Смешно, – зло повторила арт-критик.

– Поверьте, ничего смешного. Не буду вас посвящать в историю этой... скажем так... взаимосвязи... точнее даже зависимости... Но все объекты... фигуры... сделаны мной в соавторстве... насчет коллективного авторства – тут, пожалуй, вы угадали – с паном Пендерецким. Все. Больше ни тайн, ни секретов, ни двойных дон... днов. – Дунин шлепнул большой ладонью по верстаку и встал наконец с табурета, который был ему маловат и впивался в задницу. Он хотел домой.

– Хорошо, – сказала Шпак. – Тогда проведем следственный эксперимент.

– Что, вы еще и следователь? Закончила курсы? – неприязненно спросил Дунин, от досады мешая ты и вы. – Я не удивлен, хватка у тебя бульдожья... Дорогая Алина, я дал вам все пароли и явки, дальше – сами. Я, честно говоря, устал и хочу домой. – Дунин на остатках вежливости свесил на грудь буйну голову, покаянно стянул с нее шапку.

– Э, нет! – возразила арт-критик. – Здесь и сейчас. Не сходя с этого места. Я не уйду, пока не разберусь. Заводите шарманку, – она кивнула на престарелый комп. – Ставьте своего Пендерецкого!

Дунин смотрел на Алину с изумлением, граничащим с восторгом. Вот же пиявка... Не женщина, а бультерьер. Даже немного похожа, такая же белая. Поразительно... Хотя. Все логично. Как бы еще такая пигалица сделала себе имя. И фамилию...

Его вдруг отпустило. В голове перестал щелкать секундомер. Пендерецкого хочет? Кшиштофа?

Да пожалуйста.

Нате на лопате!

Господа присяжные заседатели, это она меня совратила.

– Ну, дорогая Алина... Сами напросились! Я включу вам... *Polymorfia*. Слушайте. Проникайтесь. Могу предложить художественные материалы. Вдруг попрет... Что вы предпочитаете в это время суток? Глина, пластилин? Акварель, акрил? Сигареты, спички, коробок...

– Обойдусь! – отрезала Алина ледяным тоном, давая хозяину мастерской понять, что тот перегнул с сарказмом. – Я и без этого смогу составить впечатление. Теоретически.

– Хорошо, слушайте. А я пока покурю во дворике...

– Стоп! Сидеть! – завопила эта неясность. – Мы так не договаривались. – Она утянула Дунина вниз, вцепившись бледной рукой в рукав рабочей ковбойки. – Будем слушать вместе!

Как две совы, они уставились друг на друга в сумерках. Злой голодный Дунин запустил многократно закольцованную, нескончаемую *Полиморфию*.

Тринадцатый раз, произнес у него в голове голос Черных.

Ых.

Дунин смотрел на арт-критика с нескрываемым отвращением, как на крысу, пьющую из лужи у помойки. Она ответила ему долгим наглым взглядом.

Что за племя такое...

Музыка пошла красться из углов. Нарастая, клубясь, будто сделанная единой массой, не-симфоническим способом, и не электронным. Завизжали, заныли струнные, стало громко, слишком. Защелкала костяшки. Что-то упало, грохнуло, завывло. Атмосфера фильма ужасов довольно быстро установилась в небольшой подсобке. Дунин, уж на что был глубоко в теме и знал, чего ждать, поежился. Потом расправил вдруг плечи, вдохнул глубоко. Стало жечь ладони, забегали в пальцах мурашки, заныли мышцы рук.

Он слушал хорошо, почти наизусть знакомую ему *Полиморфию* – и все равно не знал, что там у нее за поворотом, в следующем коридоре, в незапертых комнатах.

Может, это и есть тайна настоящего искусства, подумал он. Неизвестное в уже известном...

На Шпак Дунин старался не смотреть, но беспокойное чувство заставило перевести глаза в угол, где в кресле с грифонами обычно сидел он сам.

Арт-критик свесила голову, руки, опустила плечи. Странная поза, как через плетень переброшенная.

«Вам плохо?» – хотел он спросить, но слова не шли. Коснулся арт-критика. – «Эй?» – тоже не сказал, подумал.

Она подняла на него глаза – две черных дырки. Он подумал, притворяется.

Сейчас, как подросток, крикнет: БУ!

Но Шпак опустила голову, выставив тонкую белую шею, ни дать ни взять – увядший тюльпан в вазе.

Такая впечатлительная, что ль?

Тайная меломанка?

Или впрямь поплохело?

«У тебя и музыкальное образование есть?» – подумал, не сказал он, радуясь собственному сарказму, признаку исправной работы защитных механизмов. – Вам плохо? Я выключу? – он потянулся к серой захватанной мыши, и тут Шпак дернулась как черт из табакерки и с неожиданной силой оттолкнула его руку.

Дунин не любил такие вещи. Он был человек широких взглядов (он так думал), но с четким пониманием границ. Экзальтацию, артистические экстазы дамочек не приветствовал.

Скульптор и арт-критик молча похватали друг друга за предплечья. У Шпак под черным льном перекачивались жгуты хороших мышц, Дунин оценил как спец по пластической анатомии.

Занимается, поди, какой-нибудь аштанга-виньясой...

Скульптор попробовал усадить арт-критика обратно в кресло, мягко нажал девушке на плечи, но Шпак вдруг бросилась на Дунина, – он честно решил, что драться, отпрянул, прикрыл лицо.

Но Алина сильной рукой вцепилась ему в брючный ремень.

Остатки *Polymorphia* Дунин в ужасе вколачивал выпускницу Sotheby's Institute of Art в крашенную синей краской доску-сороковку.

Скрипел верстак, ныли струнные, пан Пендерецкий тихо посмеивался в белоснежные усы.

Лето вышло отличное. Дунин растворился в меду тихих прекрасных дней в Сахарово. Любить, рубить, копать, красить, купаться, кататься на велике, сидеть в дождь с кружкой пива на крылечке.

Бодрили близкие путешествия. Они с Нютой шуршали картами, шелестели атласами, Дунин питал слабость к географической полиграфии. Навигатор навигатором, но маршрут он должен представлять целиком, а не быть песиком на поводке GPS.

Почему-то Дунин совсем не рисовал, не тянуло. Решил довериться себе, не тянет, значит, так надо. Приходили идеи, как всегда в неурочное время, и он не ленился, бросал лопату или топор, шел зарисовывать, в этом он себя вымуштровал. Много фотографировал, ездил на велике, плавал, спал, обнимал Нюту в бандане с мазком голубой краски на плече.

Алина Шпак написала о Дунине и его выставке у себя в блоге. Это был огромный пост, с отличными, действительно, фотографиями, именно они, скорей всего, и привлекли внимание. Пост собрал полторы тысячи лайков, обычных, «супер» и «ух-ты», и длинную бороду комментариев, в том числе, конечно, неодобрительных, язвительных и желчных.

Не спросясь Дунина, Алина назвала коллекцию *Imponderability*, *НЕВЕСОМОСТЬ*. Видимо, впечатлилась физической легкостью фигур, когда тягала их, фотографируя.

У Алины было 4996 друзей и 7856 подписчиков. По размеру поста и количеству фотографий все эти люди смекнули, что в современном искусстве произошло важное событие. Тектонический сдвиг.

Избегая сравнений, сопоставлений и рядов, колумнистка объявила коллекцию и ее тему болезненно актуальной. Шпак увидела в объектах «новую вещественность» и, откуда-то, «антицифровой пафос». Серию она назвала явлением. Там много было еще умного. Пан Пендерецкий не упоминался, и так и не ясно было, признала ли Алина музыкальную версию происхождения работ правдивой.

Текст перепечатали специальные журналы, перепостили профильные порталы. Но, если даже Дунин и прославился, он об этом не узнал. Скульптор испытывал к данному эпизоду своей творческой биографии равнодушие с нотами страха и отвращения.

Когда скульптор и арт-критик разомкнулись, Алина, не открывая глаз, сказала:

– Свалим все на Пендерецкого?

Дунин смолчал, не стал огрызаться и хамить, но и любезничать не тянуло, и это оказалось стратегически правильно. Его мрачное молчание Шпак истолковала в свою пользу, как, наверное, признак потрясения, пережитого катарсиса.

Невольные сообщники собирались в молчании и почти полной темноте, свет включать не хотелось. Алина шуршала льном юбок, прилаживала пиджачок, поправляла перекосившиеся от тряски серьги.

Дунин переоделся, рабочую одежду комком сунул в пакет, постирать. Или, нафиг, сжечь.

– Куда подбросить? – спросил Дунин, избегая личных обращений.

– Тут недалеко, на Киреевской. Да я могу и такси взять.

Он распахнул ей, как графине, дверь машины.

Ехали молча, что устроило обе стороны.

У подъезда Дунин корректно поцеловал бледную руку, оттянутую браслетом.

Хлопнула тяжелая дверь.

Скульптор сидел в машине, оглядывая незнакомый двор. Его мутило, скорей всего, от голода.

Жена еще не спала, лежала в постели с ноутбуком, смотрела фильм. Помахала голый рукой, все на плите, разогрей, крикнула, у меня еще минут двадцать осталось!

Дунин ел, не чувствуя вкуса еды, в ступоре усталости и безразличия. Хотя готовила жена вкусно, с азартом. Как любой азартный человек, Нюта иногда остывала до полной апатии. Интересно, какой это у меня уже суп, спрашивала она, триста пятьдесят девятый? Но уже на следующий день варила занимательные щавелевые щи с копченой уткой, подсмотренные в словацком кафе.

Рабочую одежду Дунин сунул в жерло стиралки, отправился в душ. В ванной он всегда зависал, обливаясь почти что-то кипятком. Первым делом смыл Алину. Он надраивал шею, грудь, предплечья как скульптор, понимая их устройство, пластику, мышцы, фасции, словно каждый вечер вылепливал себя заново. Под душем ему, как и многим, шли лучшие идеи, хоть зубной пастой их на кафеле записывай или рисуй пальцем на запотевшем зеркале.

Обмотавшись полотенцем, скульптор протер зеркало от банной мути и посмотрел на себя в упор. Дунин как Дунин. Все такой же, физически.

Жена досматривала очередное эстетское кино. Арт-хаусные и в этом духе навороченные фильмы она обычно смотрела без Дунина, тот от них быстро уставал, начинал зевать и маяться.

Пять минут, не поворачиваясь, жена показала ему растопыренные пальцы.

Дунин лег на свой край большой кровати, на глаженные хорошо пахнущие простыни. Укрылся с головой, мечтая забыться, но тут под одеяло к нему скользнула оживленная, разгоряченная фильмом Нюта.

– Миленький, я что-то устал, давай завтра, – жалобно пропел скульптор, но Нюту было не остановить. Она досмотрела фильм, это были «Страшные сказки» Маттео Гароне (кстати, Дунин вполне бы их снес, не такой уж и арт-хаус) и должна была поделиться с мужем впечатлениями, в доступной ему форме.

Если Нюте требовался секс, что случалось не так уж часто, она сметала препятствия, как цунами. Тоскующий, стыдящийся Дунин не успел даже поразиться коварству жизни, и подчинился напору маленьких рук и горячего рта.

Пендерецкий летом возник всего один раз, не в виде музыки. Солнечным июльским утром, уже к восьми набравшим жар, Дунин проснулся с готовой идеей, сверстаным эскизом и даже названием.

Скульптор ушел с кружкой кофе в мастерскую и там весь день рубил и вырезал из большого комля, вот и пригодилась давняя записка. Дунин раздраженно зыркал на безмятежную Нюту, которая приносила ему то завтрак, то обед, то морса и яблок.

Скульптура в духе Голубкиной и Эрзя изображала Кшиштофа Пендерецкого. Портретное сходство было налицо. Аккуратная борода, буравчики глаз, тонкий нос. Сверкали (как будто бы) маленькие очки. Маэстро был одет в рубашку и концертный фрак, ниже шли кудлатые ноги с копытами, с которыми мало вязалась грациозная скрипочка.

Флейту Дунин, подумав, отверг.

Называлась скульптура, ясное дело, Пан.

(А не «Сатир».)

Дунин почувствовал себя отмищенным, а гештальт – закрытым.

В день взятия Бастилии в Сахарово приехал Черных со своей юной Полиной, на выходные.

(Дунин и Нюта придумали между собой называть их ЧЧ, чета Черных.)

Гостей накормили прекрасным дачным завтраком. Дали час поваляться под яблоней. Тем временем Дунин выгнал из сарая велики, их накопилось за долгую жизнь как раз четыре штуки.

На багажнике хозяйского велосипеда закрепили большой велорюкзак, предполагалось, что остальные поедут налегке.

Гостям, конечно, неохота было тащиться незнамо куда, крутить педали под солнцем. Им и двадцать соток казались полнейшим раем, но Дунин был неумолим. Хозяева изнывали показать им окрестности Сахарово, местности с богатейшей историей.

Ехали час по грунтовке, полями, березняками, проехали насквозь отличный сосновый лес и добрались наконец до реки. Гостям обещано было суперкупание.

Река называлась Изма.

– Каааак?? – переспросил Черных.

– Изма! – гордо повторил Дунин.

Сооруди любую недлинную комбинацию из букв, фонетическую каляку-маляку, и обязательно найдется река с таким названием.

Топонимы рек изумляют. Некоторые дышат древностью, тайной: Скамба, Мжуть, Хмость. Есть речка с хулиганским именем Вонец. С кошачьими – Дымка, Гализка. Женственные Половья, Сомоль и Коробинка.

Однажды Дунин с Нютой в компании Терехиной, ее мужа и троих детей играли в слова. Нужно было вытащить сороковое слово из «ответственности». Перебирали буквы, тасовали слоги.

Маленькая Женя спросила с надеждой:

– А может, есть такое слово – «нет»?

Посмотрели в Википедии. Нет, река в Оренбургской области. А впадает в нее Исагинтамак.

– Правильное название, наше, художническое! – похвалил Черных. – КубИЗМ, абстракционИЗМ, маньерИЗМ.

– ФовИЗМ, – добавил Дунин.

– СупрематИЗМ, – вспомнила Полина.

– Ох, какие же вы зануды, – простонала Нюта, сдернула шорты, майку и бросилась в самую Изму, подняв фонтан брызг.

Потные, дымящиеся участники велопохода последовали ее примеру.

Дунин, кстати, отлично плавал. Выяснилось, что и Черных тоже. Обоим было приятно, что у них обнаружилась общая черта.

Мнительного Дунина не оставляло чувство, что Черных недостаточно безмятежен, это его задевало, как принимающую сторону. Поскольку все условия для полного релакса гостям были созданы.

Приехал с вестью, догадался скульптор.

– Девочки, мы на тот берег сплаваем? А вы пока... – Дунин комически подмигнул правым глазом, – того самого... А?

– Да плывите куда хотите, – сказала Нюта, с наслаждением затягиваясь тонкой сигареткой. Рядом вытиралась льняным полотенцем длинная Полина. Красивые девочки, подумал Дунин с нежностью, такие хорошие. Нюта была моложе его на одиннадцать лет, интересно, у Полины с Черных какая разница. На вид все двадцать...

Сейчас-то мы орлы, а что дальше?

– Ну, чего там у тебя? – спросил Дунин.

Они вылезли на берег, отдуваясь и капая на траву. Черных отлично сохранился. Стал, конечно, помясистей, но практически не имел живота.

Еще б, жена почти студентка...

Только белый, бледный как... Дунин внутренне поперхнулся.

– Тут метров сто, – оценил Черных расстояние. – Серьезная Изма. В смысле?

– Ну я ж не слепой...

– И течение довольно сильное...

– ...

– Ты, Миша, не слепой. Ты глухой! Ты же у нас в соцсети не заходишь. Фейсбук игнорируешь... А это, между прочим, социальная глухота. Как ты с людьми общаешься? Откуда новости узнаешь? Дикарь хренов...

– Я нормально общаюсь. С родителями созваниваемся каждый день. С Максом довольно часто разговариваем. С сестрицей мы все время на связи. Новости у меня в телефоне. Нюта регулярно в фейсбуке, она вообще там, считай, работает...

– Нюта, Нюта... Вот ты в Сахарово пузо греешь – уже сколько, месяц? А у нас Терехина из окна выбросилась...

Дунин закрыл глаза.

Людка, Людка...

Рыжая, в черном, с японской шпилькой и бокалом белого Терехина хохочет во дворе мастерской. Устраивает им «угадай мелодию» с Гочем... Он тогда обнимал их всех, мужиков, девчонок. Рука помнила Людкин бок, теплый, родной, виолончельный.

Ви... олончельный.

– Успокойся, жива. Слава те Господи... Еще в больнице. Поломалась, конечно, но могло быть хуже.

Как ломается виолончель? Рвутся с лязгом струны... Отламывается гриф...

– Леш... Но почему? Она ж веселая такая. Все у нее хорошо. Муж, дети вон, аж целых трое...

– Миша. А теперь слушай очень внимательно. Ее нашли когда... она удачно упала на кусты под окнами, самортизировала... потому и жива осталась... Люда была обмотана обоями... Бумажные фалды, какой-то маскарад...

.....

– Ну, ты понял.

– Сама говорила что-нибудь?

– Плачет все время... Сотрясение сильнейшее. Не помнит, или не хочет вспоминать.

– ...

– ...

– Думаешь?

– Ясно как день.

– Наши в курсе?

– Все, кроме тебя.

Девочки накрыли на поляне поляну, стоял даже в пластиковой банке букет из мелких цветов, в детстве Дунина такие назывались часики.

Манили и звали привезенные семейством ЧЧ изящные сыры, овощи-фрукты, первые, с детской кожей яблочки, отличный хлеб, гигантские, с грецкий орех, оливки. Зелень с грядки, горько-пряный любисток с его сводящим с ума запахом. В дунинском рюкзаке нашлись две бутылки белого и полуторалитровка «Новотерской». Вино девушки охладили в водах Измы.

Трагедия, Люда, шутовской наряд, турнюр из обоев, страшный хруст в кустах сирени, воющие струнные, переходящие в вой скорой, померкли. Отступили перед солнечной прелестью дня, шумящей листвой, кружевной подвижной тенью, вкусной едой. Близостью молодых красивых женщин... Вино увеличило эту дистанцию до почти забвения. Так при свете дня быстро забывается, как бы смаргивается страшный сон.

– Я, между прочим, собирался порисовать! – объявил Черных. – У меня с собой припасено! – Он погромыхал рюкзаком. (Опытное ухо различало в грохоте набор акварелиста: полноценную коробку «Черной речки», кисти, пластиковую банку, планшет с торшоном на зажимах.) – Я себе уже и точку заприметил...

– Ни дня без строчки! – похвалил Дунин. – Понимаю тебя. У нас тут и у безрукого руки зачесутся рисовать, – ловко перетянул он одеяло на себя. – Место, конечно, совершенно магическое! Мы когда с Нютой нашли его, лет семь назад, поклялись никому не показывать. И, заметь, сдержали клятву. Показываем только своим... Ни разу здесь никого чужого не встретили!

Тут, по законам правдоподобия, следовало бы сделать паузу в действии, на час-другой. Описать, как Черных нарисовал два отличных акварельных этюда, вертикальный с речкой и квадрат с толстой корявой ивой, и снова присоединился к пирушке, и все ему завидовали, что он поработал и день прожит не зря.

...Что девушки пошли вдоль берега собирать цветочки на венки и фотографироваться на старых морщинистых ивах, созданных для позирования на их выигрышном фоне молодых русалочьих женщин.

...Что неугомонный Дунин углубился в лес и нашел поваленное дерево с отличным комлем, который запланировал, вернувшись завтра с Лешей, распилить и доставить на дачу, для художественно-хозяйственных нужд.

Но все, что произошло, случилось непосредственно после хвастливых слов Дунина:

– ...Ни разу тут никого чужого не встретили!

Вслед за этой репликой скульптора на укромную поляну с пляжем рекой хлынули старики.

Это были бодрые мужчины лет шестидесяти пяти и старше, в бейсболках и банданах, многие с бородами, некоторые со скандинавскими палками.

Не обращая внимания на четверку отдыхающих, их скромный пикник и явную нерасположенность делить приватность с кем-то еще, деды стали рвать с себя одежду, раздеваться до трусов и плавок, ссыпаться с крутого берега прямо в Изму.

Обнажившись, они не стали выглядеть хуже. Сухощавые, жилистые, крепкие пожилые мужчины, с грудями в седых зарослях.

В воде деды фыркали, плескались, боролись с течением. Мелькали руки, ноги, животы, бороды.

– Ой. Сейчас вода выйдет из берегов. Разольется ваша Изма, – сказала замороженная происходящим Полина.

– Выйти не выйдет, но согреется. Вскипит, – ответил беззлобно Дунин.

– Какие-то гномы, – промолвила Нюта. – Может, здесь их страна? Вот тебе и заповедное место. Дунин, ты его сглазил, понял? Болтун...

– Я их знаю, – сказал Черных. – Это походы выходного дня. Я с ними ходил однажды, лет пять назад. Узнал руководителя. Аристарх Витальевич, кажется.

Деды все прибывали. При виде Нюты с Полиной один игриво присвистнул:

– О, девушки! Виталич везде найдет девушек!

Другой, скромный милый дед в зеленых плавках, смущенно сказал им:

– Не беспокойтесь, пожалуйста, еще минут пятнадцать, и мы уйдем.

Деды обсуждали дальнейший маршрут, какую-то заброшенную усадьбу. Звучали Большие Хрящи и поворот на Повелково, овраг, висячий мост. Они кучковались на ковриках, сворачивали головы термосам, пили чай, хрустели галетами и яблоками. Дунин подозрительно вглядывался в их копошение, но так и не разглядел стеклянный блеск чекушки, металлический – фляжки.

Симпатичные интеллигентные пожилые ребята с зычными голосами пили чай, воду и, наверное, какие-нибудь морсы со взварами. От них веяло организованной бодростью, радостью жизни, конструктивным задором.

Дед в зеленых плавках не обманул: довольно скоро пожилые мужчины дружно сорвались с места и ушли, будто и не было. После себя деды не оставили ни соринки, ни огрызка. Медленно разгибаясь, поднимали голову травы, примятые сидухами, полипропиленовыми «поджопниками».

– Сразу видно техническую интеллигенцию. Небось, преподы. Чего-нибудь вроде Бауманского или какого-нибудь КаГУ, – промолвил Дунин. – Мы с тобой, Леша, будем стариться по-другому. Не так спортивно и конструктивно. Драматичней... Кстати, где их женщины?

Дунин проснулся от громкого стука в окно. Со скачущим сердцем скульптор сел в постели. Далеко откатившись, под льняным пледом спала Нюта. Было совсем рано и очень тихо. Только начало светать, еще молчали птицы. Из окна тянуло травяной свежестью и соседскими табаками.

Показалось, понял Дунин, пить надо меньше.... И тут он услышал далекие, нежные, с другого конца дома доносящиеся стоны. В Сахарово давно не было гостей, Дунин отвык от человеческих голосов в доме, не сразу понял, в чем дело.

Ах ты, Черных, молодец, подумал Дунин братски. Скульптор одобрительно поприслушивался, подождал финала, но вырубился, не успев распалиться.

Дунин уснул с сердцем полным вчерашней реки, звонками тренькающих на ухабах великов, тепла, дружбы, приязни к миру.

Это были его последние безмятежные часы.

Когда около восьми Дунин проснулся, его сразу полоснуло: Людка, окно, обои.

Он уже не переставал думать об этом.

Следующий день был жарче прежнего. Мир тонул в запахах травы и цветов, гудел насекомыми, заливался птицами. Птицы в Сахарово пели совершенно незнакомые горожанину Алексею Черных.

Только под утро, засыпая, он узнал сорочий стрекот...

Еще кричали, тонко, пронзительно, озерные чайки, их тут было много.

Накануне Черных заметил: на крыше соседнего дома, вполне приличного, даже зажиточного, – прямо на коньке чайка устроила себе гнездо. Чайка сидела на гнезде, демонстративно белея, видная с любой точки.

– Чей это дом? – показал Черных. – Что за оптимистические формы запустения?

– Ирины, – ответила Нюта. – Она умерла этой зимой.

– Соседка, – вздохнул Дунин. – Молодая, пятьдесят с небольшим. Остался Саша-дурачок. Не приезжает...

К десяти солнце набрало силу, но на участке тени хватало.

Черных выполз рано, до хозяев. Свежий, в каплях после душа, с мокрыми волосами.

Тонкая, с выпадающими из-за ушей русыми прядями Полина явилась только к завтраку. Дунин смотрел на нее с новым интересом, после ночных открытий. Скульптор, ценитель формы как таковой, отметил хороший аппетит. Вот чем молодые женщины выгодно отличаются от зрелых...

Он и в Нюту в свое время влюбился из-за ее аппетита, не только в вопросах питания...

Решено было чуть позже съездить в райцентр, крошечный, но вполне себе старинный городок, с монастырем, гончарными мастерскими и еще много чем. Дунин расписывал прелести местного рынка: продукты здесь совершенно другие, вот увидите, вы такого сала и яиц в жизни не пробовали.

Пока девушки наводили марафет, все же какой-никакой город, Дунин повел друга в мастерскую.

– ...Я скоро уже комплекс заработаю с твоими мастерскими, – пошутил Черных. – Посадить дерево, построить дом, завести мастерскую... Я пока не преуспел ни в одном из пунктов...

– Слушай, ну, у каждого своя биография. Я вон на компьютере одним пальцем, как дикарь. А ты руководишь дизайн-студией, – примирительно сказал Дунин. – Вот, смотри. Узнаешь?

Он указал Леше на свое недавнее изделие.

Черных несколько раз обошел вокруг козлоногого композитора.

– Опять... музыкой навеяло?

– Нет! Нет... Это Пендерецкий без Пендерецкого. Без музыки! Я его припечатал. Поймал, как бабочку. Акт возмездия! Сиди тут у меня, в деревяшке, знай свое место.

– Стоп. А почему копыта? Сатир?! Миша, я чего-то не знаю?!

– Не сатир, а Пан.

– Да, я уже слышал этот каламбур. От Васильевой. Так, Миша, почему без штанов и с копытами? Это какой-то новый ракурс... Дуня, ты охотился на нимф?

– Слушай, Черных! – догадался вдруг Дунин. – Ты такой проницательный парень, я это ценю. А у тебя-то самого что с Пендерецким? Почему ты так хорошо осведомлен? «Наши давно им балуются...» А сам-то ты?

Черных смутился, реально. Он погладил деревянного Пана по бороде, как девочка, обвел пальцем скрипочку.

– У меня как раз ничего интересного. Нечего рассказывать... Скукота. Это вы, художники, живете ярко, горите пионерским костром. У меня, Миша, офис, МАС, режим, регламент. Задания, решения. Мне творческое горячее ни к чему. Мой бензин – вино, коньяк, виски. Пиво, если хорошее...

Проныл пролетающий самолет. У Дунина портилось настроение от этого нытья, с детства.

– Однако, Леша, ты уклоняешься от ответа. Темнишь.

Дунин начал приплясывать вокруг бывшего одноклассника, водить в одиночку хоровод и петь, импровизируя:

– Колись, колись, колись! Пярт, Пендерецкий! Рухнул мир советский! Пярт, Пендерецкий... Разговор не детский!

– Уймись ты, шут гороховый... Пендерецкий у меня кот. Назвал так. Мохнатый, как этот твой... Ему лет сто уже... как Пендерецкому. Столько не живут.

– Кот?! Кота назвал, скотина? Святым именем?

– Ну, так там была подоплека. Он выл, ныл, был музыкальный котейка... Усы как струны.

– Ой, я сейчас умру от смеха...

– Ничего смешного, Миша. Кот Пендерецкий – вечный. Он пережил двух моих жен... Они живы, живы... просто развелись со мной. Полина третья и, надеюсь, последняя. И вот, Мишаня, у меня кот Пендерецкий. Три жены. И ни одного ребенка! И, судя по магическому числу жен, дело именно во мне...

В начале августа позвонила Алина Шпак. Дунин с женой и друзьями был на Соловках, и за две недели отлучки забыл практически все. Практически...

Скульптор чуть не подпрыгнул, когда на экране загорелось, в одно слово, АлинаШпакритик.

Дунин преодолел инфантильное желание пропустить звонок.

– Алина? – пропел он, вложив в одно слово весь имеющийся запас светскости и приветливости. Жене и друзьям комбинацией жеста и гримасы показал, что, мол, важный разговор, и удалился в их с Нютой номер, выкрашенный в цвет поседелой бирюзы.

– Михаил, вы, вообще, где? Я вам отправила сообщения в мессенджере, в ватсапе, в почте.

От этого «вы» на Дунина повеяло спасительным спокойным официозом, здоровой деловитостью.

– Я на северах. В условиях, приближенных к экстремальным (успокоенный Дунин обвел взглядом отличный номер гостинички, с огромной кроватью). – Давно не выходил в сеть. Я ж в отпуске до конца августа... Что-то срочное?

– Да, что-то срочное. И очень важное. Вы когда назад?

– Эээ, – Дунин вдруг перепугался. Ноги стали ватными. Он потер грудь под рубахой. Скульптор вспомнил, со всей отчетливостью, какого джина выпустил на хоть и совсем юное, но весьма хваткое создание. – Алина, дорогая. Вы... в порядке?

– Дорогой Михаил, – пропела теперь уже Алина голосом сладким и противным, как лакрица. – Вам нечего опасаться. Напротив, я, кажется, готова сделать вам интересное предложение. Деловое, – она хмыкнула, а затем чем-то звякнула. – Восемнадцатого августа в восемнадцать часов, в «Мангусте». Знаете же, где это? Сможете?

Они планировали вернуться как в раз в середине августа.

– Можно, наверное, и у меня в мастерской, – проблеял Дунин неуверенно.

– Короче, мы договорились. Восемнадцатого в восемнадцать. «Мангуст». Пометьте себе где-нибудь, запишите. Узелок завяжите! Все, пока.

Они тогда очень мило съездили в Ч. У Дунина сердце распускалось, расцветало в маленьких российских городках, на тенистых улицах, на сонных площадях с их старинными торговыми рядами, оскверненными каким-нибудь сетевым ритейлом вроде «Магнита» или кафе «У Лукоморья». А эти провинциальные городские парки с циклопическими безудержными деревьями, Аллеей славы, неистовыми цветниками, гипсовыми львами, улитками и богатырями, и совершенно, абсолютно такими же, как в столицах, маленькими детьми. Он готов был умиляться любым муниципальным инициативам, проявлениям городского дизайна, наивным новым веяниям. В этом их городке, в Ч, например, был памятник подкове, город славился, понимаете ли, кузнечным промыслом. И эту подкову на бетонном постаменте, незамысловатую с точки зрения скульптуры и дизайна, без особых художественных достоинств, Дунин с гордостью показывал друзьям как невесту какой арт-объект, достопримечательность, и даже настоял на фотосессии, поскольку подкова, как известно, счастливый символ. Дунин большого города и Дунин, оказавшийся ненадолго в провинции, были два совершенно разных человека. Черных с удивлением наблюдал, как на городском рынке Дунин перездоровался сердечно со всеми продавцами, обсуждал с «хозяйкой» (мясной товар, Еленочка Дмитна) заботой кабанчика, особенности копчения, купил немерено, получил бонусом завитушку домашней колбасы. С прекрасной колбасницей он всех их перезнакомил: это супруга моя, это друг, учились вместе, и его жена-красавица.

Все и вправду оказалось невероятно вкусное, особенно знаменитые местные яйца с оранжевыми желтками. (Говорили, ради цвета желтков кур кормят календулой, в просторечии ноготками.) Вечером Нюта зажарила огромную яичницу, настолько живописную, что, выложенная Полиной, она в тот же вечер стала звездой Инстаграма, собрала длинную бороду лайков, сердечек и эмодзи в виде хлопающих ладошек и облизывающихся личиков.

А совсем вечером, практически уже ночью, Дунин сообщил Нюте, что уедет завтра с Лешей и Полиной, срочное дело, на пару дней. Вернется в среду.

– Что-то серьезное? – спросила Нюта. Она снимала платье и барахталась тонкими руками.

– Людка Терехина в больнице. Перелом, сотрясение. Хочу навестить. И родителей повидать, заодно отвезу продуктов, они любят.

– Боже, – сказала Нюта. – Кошмар... Конечно. Я с тобой не поеду, ладно? В среду встречу на станции. Обними за меня Люду.

Перед встречей в «Мангусте» Дунин как следует поел, с запасом, до ощущения легкой тяжести. Это казалось ему необходимым вкладом в собственную безопасность. Сытость делала его сильнее и уверенней.

Если б было можно, он и кольчугу надел под рубашку.

Что скрывать, скульптор боялся предстоящей встречи. И – собственно Шпак, исходящей от нее интеллектуальной агрессии. Прививку от которой Дунин, похоже, так и не получил...

Наоборот, эпизод в мастерской сделал скульптора более уязвимым.

Честно говоря, Дунин не знал, чего от Алины Шпак ждать.

В «Мангуст» он явился совершеннейшим красавцем: северный загар, буйны кудри и борода, умело укрощенные мастером по бородам. По настоянию Нюты он прихватил для арт-критика северный сувенир в крафтовом пакете: бутылку морошкового ликера производства Петрозаводского ликеро-водочного комбината. За морошковой они специально заезжали в город на Онежском озере и купили два ящика в фирменном магазине у краснолицего желтоволосого карела.

Когда Дунин пришел в «Мангуст», было без десяти шесть. Шпак уже сидела у окна и молотила тонкими пальцами с голубыми ногтями по клавиатуре маленького МАСа. За лето она совершенно не загорела и выглядела, в общем, хорошо, но было в облике Алины что-то такое, что пресекало возможность эстетического ее Дуниным приятия.

Необъяснимое визуально-физиологическое отторжение.

...Паршивая черта, Дунин знал за собой. Эстетический фашизм. Если кто-то не нравился ему внешне, совокупностью черт, вызывал какие-то ассоциации, кого-то или что-то напоминал, Дунин с трудом преодолевал этот барьер, шансов сблизиться почти не оставалось. Тем насильственней выглядело их, противу воли, стремительное сближение с Алиной Шпак. Возбуждавшей в нем с первого взгляда трудно формулируемое неприятие, отторжение.

Объективно, это была яркая, эффектная, привлекательная женщина, к тому же молодая.

...Поглощенная работой, Алина, не глядя, притянула к губам бокал бежевого непрозрачного напитка. Глаза скульптора и арт-критика встретились через стекло. Дунин подошел, бравурным жестом велел поставить бокал и протянуть ему для поцелуя руку. Ручку-с! Условная европейка Алина давно приветствовала знакомых тройным касанием разноименных щек, но старосветские манеры Дунина ей, скорее, нравились. К тому же позволяли продемонстрировать отличный маникюр.

По завершении поцелуя скульптор вручил арт-критику северный сувенир. Алина, неожиданно, растрогалась. Морошка, – прочитала она почему-то шепотом, – Боже, какая прелесть. Попробую сегодня же.

Еще минут пять заняли усаживания, отодвигание на периферию стола МАСа, изучение нетолстой книжки меню.

– Я почему-то думал, здесь подают змей, – заметил Дунин, водя глазами. Для чтения он вынул из массивного очешника очки в простецкой, без дизайна, оправе.

– Почему? – удивилась Алина. – А, Киплинг... Ну, не все же так буквально.

Дунин взмахнул веслом ладони, призывая официанта.

– Можно мне, как у девушки. Это?.. раф! У вас?.. лимонный! А мне... Какой есть? Вот, хорошо, можжевеловый. Нет, меню оставлять не нужно.

Только после того, как пышный непрозрачный напиток занял место перед Дуниным, скульптор счел интродукцию завершенной. Он уставился на Алину благожелательно-вопросительным взглядом.

В больницу к Люде Терехиной скульптор пришел с большущим букетом. Нюта срезала цветов, обмотала им ноги мокрой тряпицей, чем обеспечила сохранность и свежесть на все три часа пути. И банкой земляники, тоже Нюта. И то, и другое сильно пахло июлем, простором, свободой. Четыре Людиных соседки по палате в отделении челюстно-лицевой хирургии жадно втягивали ароматы лета.

Лица у женщин были разной степени забинтованности.

– Девочки, – сказал им впечатлительный жалостливый Дунин, – не побеспокою?

Уселся на стул у Людкиной кровати, удачно стоявшей рядом с окном. – Терехина, родная, – он обнял однокурсницу, не касаясь. Как фарфоровую, еще не обожженную драгоценную композицию работы Мейсенской мануфактуры. Заказ императрицы Екатерины II, благоволящей ко всему немецкому и предпочитающей мейсенский фарфор, хотя собственный, русский, уже создан, составлен гением эпохи раннего Просвещения Дмитрием Виноградовым.

В Мейсене в конце XVIII века трудился скульптором и модельщиком прадедушка Чайковского. Практически коллега, скульптор.

– Михаил. Мой однокурсник, – прошелестела Люда соседкам своим новым, искаженным голосом. Те понимающе покивали. Дунинский букет у Люды оказался далеко не единственным. – Прекрасный художник. И скульптор. Миша, нальешь им воды? Вот банка, вон раковина.

Люда в целом выглядела не ужасно. Светло-рыжие лисьи волосы горели почти так же ярко. Похудела с виолончели до альты, Дунин-скульптор просекал малейшие колебания формы. Следствие сотрясения мозга с субарахноидальным кровоизлиянием, страшные синяки под глазами, которые так ярко обрисовал ему Черных, – уже отходили, осталась лишь печальная лиловость. Сломанная голень покоилась в гипсе. Перелом челюсти лечили шиной и фиксацией: грубые хирургические брекеты, резинки, стиснутые губы. Говорила Люда сквозь эту конструкцию с трудом, питалась через трубочку.

Оплошал Дунин с земляникой. Только если нюхать...

– Как же тебя угораздило, мой хороший? – Дунин баюкал Люду в бесконтактных объятиях. – Ты... ничего не хочешь мне рассказать? ...если хочешь! – добавил он негромко и сделал предупреждающий жест лопатой ладони.

За распахнутым окном шумели здоровенные клены. Разлапистые листья сквозили контражуром. Неплохое, в общем место, подумал Дунин, но лучше, конечно, сюда не попадать. Особенно летом. Он неохотно отвел глаза от солнечно-зеленой шевелящейся массы за окном.

Людкино лицо собралось, щеки задергались, глаза покраснели. Она, как ребенок, судорожно вздохнула.

– Не надо! – завохтал расстроенный Дунин. – Ну что я за debil такой... Эркюль, блядь, Пуаро...

– Я все напишу, Миша. Мне... так проще. Ты только почту, пожалуйста, читай... – прошептала Люда, вытирая нос.

Оставшееся время визита Дунин травил байки, все подряд, армейские, студенческие, институтские, преподавательские, фольклорные сюжеты, накопившиеся на многочисленных пленэрах. Сначала скульптор старательно принуждал себя к веселью, потом вошел в раж, и уже не только Люда, но и другие «девочки» осторожно засмеялись под своими бинтами и засияли на скульптора глазами, немедленно похорошев.

«Девочки» показали ему наброски, шикарные, легкие, точные скетчи, быстрые портреты – Людка-художница развлекала себя и соседок как могла. Похваставшись, женщины бережно сложили подаренные рисунки в тумбочки, в файлы, журналы и пластиковые папочки.

Как, действительно, девочки, а не женщины с искалеченными-изувеченными лицами...

Принуждаемая Терехиной, землянику съела интеллигентная милая Нина с кровати напротив. Нина была укушена за лицо собственной любимой собакой. Сильно пострадал нос. Травма ее была более душевного, нежели медицинского свойства. Нина в палате единственная могла нормально функционировать ртом, остальные, как и Люда, были зашиты. На смущенно поедающую ягоды Нину смотрели единой матерью в пять пар глаз, переживая– пережевывая вместе с ней душистую плоть земляники.

Расчувствовавшийся Дунин, уходя, перецеловал всех обезображенных «девочек» в свободные от бинтов участки лица. Терехину обнял аккуратно, но ощутимо, желая убедиться в ее материальности.

Это за Ньюту, сказал, она просила.

Дунин оставался в челюстно-лицевом, пока его не попросила на выход дежурная сестра. Это была крошечная, совершенно неопределимого возраста женщина со следами ожогов на лице и скрипучим голосом горгульи. Когда Дунин уходил, она была на сестринском посту, сидела за столом, не доставая ступнями до пола. Скульптор сказал ей любезность. Маленькое средневековое лицо, пережившее ужас пожара, не выразило не удовольствия, ни раздражения.

– Михаил, а вы точно не голодны? – уточнила Алина Шпак. – Вам же решение принимать придется, – тут она широко и несколько принужденно улыбнулась. – На пустой желудок не айс...

Дунин решительно помотал головой и мысленно поздравил себя с хорошей подготовкой.

– Итак. Перейдем к сути. Ко мне, как к... человеку с определенным статусом... репутацией... иногда обращаются со всякого рода задачами. Искусство ведь многое может. Не только висеть на стенке в галерее. Современное искусство – это, в первую очередь, коммуникация.

Дунин прилежно слушал, пытаясь понять, куда клонит востребованная арт-критикесса.

– Ко мне обратились представители известной сырьевой компании. Вы ее тоже знаете, не можете не знать. Я назову, чуть позже. Им требуется привлечь внимание к одному из продуктов, производимых из данного сырья. Очеловечить его имидж. (Дунин почтительно поднял брови.) Там сложная система связей, иерархия: сырьевики, производители собственно полимерной продукции из добываемого сырья, вам сейчас в это необязательно вникать. Хотя потом, конечно, придется. Так вот, по счастливому стечению обстоятельств, Михаил, данным продуктом, нуждающемся в... пиаре, назовем это пока так, оказался... – Алина сделала шикарную паузу, – пупырчатый оберточный материал!

Дунин слушал изо всех сил, но смысл Алиных слов ускользал от него. Слово «продукт» упорно ассоциировалось с продуктами, с едой, хотя он знал, что в маркетинге так называют все что угодно. Острый, немного с клекотом голос Алины мешался в его голове с видами Соловков, еще не остывших в памяти, и криками чаек. Услышав слово «пупырчатый», Дунин вспомнил грозди морских огурцов, фукуса, разложенных по полотну литорали во время отлива. Вот кто пупырчат так пупырчат! Закусить водку студенистым фукусом Дунин так и не решился, и теперь об этом жалел. Представится ли еще такая возможность...

– Пупырчатый. Оберточный. Материал! Михаил, у вас что, правда, никаких ассоциаций?

– Почему никаких? В пупырку упаковывают хрупкие вещи. Скульптуры, в моем случае. У меня целая бобина в мастерской...

– Это все? – в голосе Алины слышалось неподдельное удивление.

Дунин был озадачен.

– Так. Дайте подумать... Ну, конечно! Пупырка – известный антидепрессант... говорят. Насколько мне известно, многие... да, наверное, все?... любят лопать эти пузырьки. Приятное занятие... тут есть что-то и от сладострастия, – умничал Дунин. – Я даже помню, была однажды рекламная кампания успокоительных средств. Там фигурировала пупырка. Однажды все метро плакатами завесили... Какое-то лекарство,

какое, конечно, не помню. У меня студенты втихаря ей шелкают, я их гоняю. Да я сам, Алина, иногда застаю себя за этим занятием, – признался Дунин с интимной улыбкой.

Алина, напротив, была пресерьезна.

– Вы, конечно, не пользуетесь успокоительными? – уточнила арт-критик странным голосом, интонацию Дунин не распознал. – Нет, Михаил, все это мимо... в молоко... так, кажется, вы говорили. Знаете, я поражаюсь вашему... что ли... целомудрию. Вы правда не понимаете, куда я клоню?

Дунин почувствовал себя неуютно. Куда она, действительно, клонит? Сырье, продукты, корпорация, пупырчатый оберточный материал. Ребус какой-то...

Несмотря на успокоительную наполненность живота, скульптор махнул принести меню.

Миша, привет. Пишу вот.

Спасибо за цветы и землянику. Девушки мои в тебя влюбились. Умеешь ты, Мишаня))

Про то, о чем не говорят вслух. Конспективно.

Услышала по ТВ, в Новой Опере играют Страсти по Луке П. И сам П приезжает в Москву на премьеру.

Это как из телевизора обращаются к тебе лично. Мадам Терехина, вас тут спрашивают. И всю четвертую группу)

Меня заело) наш, личный бес в Новой Опере. Не где-то в магнитофоне)) кассетном))) Думала, думала

Миша, и он меня достал) догнал. Что я думаю, тварь дрожащая, или право имею?

Завела себе Страсти по Луке, пока никого дома не было. Просто интересно же. П нам не чужой)

Дома никого, мебель накрыта, ремонт. Окна настежь жара. Думала, сейчас покрасим, поклеим и свалим, не могу летом в городе.

Пошли эти П-штучки. Музыка сложная. Хор, голоса. И я ее понимаю, Миша, чувствую. Не как тогда...

А утром меня сестра разбудила в больнице. В промежутке ничего. Черный квадрат Малевича

Хуже всего, Вадик решил, что я двинулась умом. Прочитал, такое бывает. В нашем возрасте)) (брань).

Обнимаю) Не наступай на мои грабли.

И контекстная реклама: летнее меню в «Граблях». Жареные лисички. Огуречный морс.

Тьфу.

Когда Дунин вернулся с Соловков, Терехина уже неделю как вышла из больницы. *Страсти по Луке* стоили ей восьми килограммов веса. Под челюстью остался малозаметный шрам. Пострадали, но поправимо, зубы. Появился тик правой стороны лица, не очень заметный. В целом, для полета с третьего этажа Люда отделалась малой кровью. Правда, смертельно напуганный муж и дети теперь не оставляли вольнолюбивую Людку одну.

На Соловках Дунин встретил Гоча. А может, и не встретил... И не на самих Соловках, а на теплоходе «Василий Косяков», доставляющем пассажиров из Рабочеостровска. То есть прямо в Белом море.

Туда добирались просто отлично. Небо синело, солнце слепило, все рвались сидеть на верхней палубе, где, несмотря на вроде бы жару в Рабочеостровске, было довольно холодно. Дунин и Нюта намотали на себя все что было. Чайки стаей преследовали «Косякова», выдирали из рук пассажиров еду, хлеб, рыжие пончики, которые бесперебойно готовили и продавали тут же, на теплоходе. Дунин и Нюта тоже пошли кормить чаек, конечно, не ради сытости наглых пернатых, а ради фотографий, чаячьих морд, круглых глаз, лап, бьющих крыл. Все смешалось на задней палубе: чайки, пончики, брызги, крошки, поднятые руки, задранные телефоны и камеры, градом летящий в обратку птичий помет, от которого все ловко уворачивались.

Потом кто-то завопил, заухал: белухи, белухи, все бросили чаек и побежали на нос, где давали белух. Далеко, едва видные, бледно-серым колесом крутились в темной воде северные киты.

Остров и на нем монастырь, показавшиеся вскоре после белух, приближались как в кино, как прибытие поезда. Замерзшие и счастливые, Дунин и Нюта слезли с «Косякова», и снова сделалось тепло, и они тут же попали в объятия приехавшей на пару дней раньше Веры, верного друга семьи, тоже художницы, но не с Дунина, а с Нютиной стороны.

На Соловках больше недели стояла неестественная, но радостная и желанная для всех жара. В сочетании с белыми ночами это дало опьяняющий эффект, Дунины качало от счастья, спокойной любви, трагической красоты острова и его истории, от каменных лабиринтов, черных озер, монастырских копанок, морских брызг, белух и чаек и, самую малость, от морошковой, под золотистым переливчатым знаменем которой прошел весь соловецкий период лета.

Дунина распирало от полноты бытия. Жизнь, казалось, незаслуженно щедра к бородатому скульптору. Он изнемогал от благодарности, ходил и улыбался, был скор на слезу умиления. Кто только не обращался к нему с вопросом любого свойства, как дойти, где найти, который час, Дунин притягивал людей как намагниченный.

И Дунин, и Нюта были на Соловках впервые, в совокупности с жарой и солнцем это дало эффект медового месяца и фиесты. Они постоянно встречали здесь знакомых, кого на велике, кого с гитарой, кого с этюдником, знакомых педагогов, экскурсоводов, и все – прекрасные люди. Экспромтом собралась чудесная легкая компания. На великах они сгоняли на Муксалму. Пешком – на мыс Печак с его седым песком и образом края земли. Разведав расписание приливов-отливов, самостоятельно спланировали и осуществили экспедицию на мыс Белужий. Здесь увидели не просто белух, а целое белужье семейство, родителей и малыша, те крутили свои колеса совсем рядом, в заповедной близости, и еще несколько белух обнаружились поодаль. Людей звери не боялись и не стеснялись, настолько ощущали мыс своим местом. От берега на Белужий и обратно шли по заголившейся, почти сухой литорали, обходя пучки обмякших водорослей, связки фукусов, цветы морских звезд. Велики, на которых доехали по грунтовке до нужного места (асфальтовых дорог на Соловках не было), спрятали в лесу, забросали лапником и, что удивительно, нашли (чудом, казалось девушкам). Прекрасное, как по нотам приключение, они сами срежиссировали вместо того, чтобы вместе с экскурсией идти к белухам втридцатером. Путешествие было слегка омрачено падением на обратном пути легонькой Веры с велика, сильно разбила коленку.

Правда, на Анзер не попали, не успели, но решили, будет повод вернуться...

Погода испортилась за пару дней до отъезда, и пришли одновременно холод, морось, промозглость. Дунин немедленно простудился. Ну и ничего, зато не обидно уезжать. Уже когда шли утром на причал, стало ясно, что будет качать. Загрузились на «Василия Косякова». Сек мелкий дождь, на верхнюю палубу никто не рвался, на лестнице образовалась маленькая пробка.

Поплыли, и довольно скоро закачало так закачало.

Сначала все сидели, переговаривались. Крупная блондинка сзади рассуждала в том духе, что совершенно нечего на этих Соловках делать, за несколько часов можно все

посмотреть. Хваленые Соловки ей решительно не понравились, в отличие от Петрозаводска с его прекрасной набережной, услышал Дунин. Дама путешествовала с туристической группой и возвращалась к себе в Липецк.

Довольно скоро разговоры стихли. По рядам, почти видимая глазу, поползла дурнота.

Доползла она и до Дунина. Скульптор решил пойти на верхнюю палубу, веря в целебную силу свежего воздуха, внизу и вправду было душновато. Нюта, которой тоже поплохело, наверх идти отказалась, она нашла безопасную позу и замерла в ней. Приплясывая и раскачиваясь, Дунин пошел к лестнице. Наверху, несмотря на свежесть, ветер и морось, было не лучше. «Василий Косяков» плыл по серому Белому морю под серым небом, и то слева, то справа пропадал из поля видимости горизонт. «Косякова» катало как яблочко на тарелочке. Дунин никогда не плавал по морю в шторм, а это был шторм, хоть и не великий по баллам. Здесь не было ничего от пышных, эффектно переливающихся волн Айвазовского, а была просто пляска горизонта, качание на серой бескрайней доске морских качелей. Дунина вывернуло прямо за борт, тогда он осознал, что неспроста многие пассажиры любят в непогоду морем, а не сидят внизу.

Вроде полегчало. Скульптор пошел вниз к Нюте доложить обстановку. Навстречу, наверх, шли люди с серыми лицами. Стояла плотная очередь в туалет. Плакал ребенок.

Нюту тошнило в серый пакет для мусора, их, отрывая от рулона, раздавал средних лет разбитной матрос, тот же был и на пути туда. Может, это и был сам Василий Косяков.

Почему бы им не раздавать еще и карамельки, подумал Дунин, не обеднели бы...

Морская болезнь разметала ряды. Раздавались характерные звуки и, к сожалению, запахи. Прямо за дунинской спиной тошнило девочку лет восьми, и он вслед за ней почувствовал новые позывы. Скульптор снова встал и, качаясь, пошел по салону к матросу за пакетом. Матрос стоял твердо, как вкопанный, со сдержанной улыбкой на красном прокаленном лице.

Вальсируя к нему по салону нижней палубы, Дунин заметил новые лица. Двое пожилых мужчин уютно расположились на полу у стенки, они пили водку и закусывали крутыми яйцами.

От страшного зрелища внутри у Дунина все взмыло, взлетело, и тут в одном из мужчин он узнал постаревшего Гоча.

Скульптор несколько раз глубоко вздохнул, осаждая внутри волну. Огромным усилием добился от себя устойчивости и твердо подошел.

– Эээ... Эдуард Львович?

Все тот же лоб, прорезанный линейками нотного стана. Плешь. Яркие светлые глаза. Одет – турист не турист, художник не художник. Неухоженный, подумал Дунин не своим словом, Нютиным.

Гоч откликнулся после небольшой паузы, всмотревшись.

– Да, Миша... Михаил Дунин? Я ведь не ошибся?

– Вы... меня помните?? – потрясенно сказал Дунин. Он почувствовал себя худым, безбородым, двадцатидвухлетним.

– Прекрасно помню! И всю вашу группу. И наши замечательные сессии с авангардной музыкой. У меня сохранились снимки! – Гоч всем телом повернулся к бородатому соседу, – Толя, я ведь не рассказывал тебе? Это был очень интересный опыт соединения музыкального, визуального и пластического... Вот, Миша свидетель.

– Так вы – писатель, Эдуард Львович? – с места в карьер спросил ослабленный морской болезнью Дунин. В здоровом состоянии он вел бы разговор понадежней.

– Ну, какой там писатель... Сочинитель. Как и все мы... Как, наверное, и вы, Миша? – и Гоч посмотрел на Дунина в упор, засмеялся клекочущим смехом. Только сейчас стало заметно, что он сильно пьян. – Миша, а давайте-ка присоединяйтесь к нашему скромному фуршету...

Гоч откуда-то из-за пазухи, из-под слоев клетчатой фланели и серого трикотажа, вытянул ополовиненную бутылку водки. Его сосед радушно протянул Дунину яйцо и пустой пластиковый стаканчик.

Тошнота накатила девятым валом. Дунин со стоном, прикладывая руку то к сердцу, то к желудку, качаясь, помчался к лестнице на верхнюю палубу, к свободному месту у борта.

...Его тошнило всеми завтраками, обедами и ужинами, вчерашней вкусной ухой, нежной золотистой морошковой.

Страдая и стыдясь, Дунин надеялся, что борта «Василия Косякова» с развешанными по ним обедами и ужинами умоет холодное, редко выдающее летом больше двенадцати градусов Белое море.

Качающего его, как горошину, на своих серых мокрых качелях...

Когда скульптор пришел в себя, выяснилось, что страданиям пришел конец. «Василий Косяков» практически прибыл в порт Рабочеостровска, где супругов ждала на стоянке их машина и был забронирован номер в гостинице «Причал», миновать которую не удалось, кажется, никому из путешествующих на Соловки.

С бледной пошатывающейся Нютой они не без труда отыскали в багажном отсеке свои вещи, два рюкзака, большую на колесах сумку и папку с художественной амуницией, но напрочь потеряли Гоча.

Он не увидел Гоча ни среди сходящих по трапу пассажиров, ни среди постояльцев единственной в Рабочеостровске гостиницы, ни в паломнической службе, где можно было за недорого заночевать на нарах, скоротав время до автобуса на Кемь.

Глазастая наблюдательная Нюта вообще не заметила выпивающую парочку.

Веселые питухи, Гоч со спутником, как сквозь землю провалились.

– Значит, Михаил, мы начнем с вами с чистого листа, – сказала Алина Шпак терпеливо. – Раз вы не считываете мои намеки и подсказки.

Дунин пожал плечами, развел здоровенные ладони. Тут же на освободившееся перед ним место официант поставил заказанное блюдо, неожиданно, хачапури по-аджарски. Горячая лодка из теста с запеченным сыром и яйцом.

Хачапури пахло успокоительно.

Алина благосклонно подождала, пока Дунин разрушит конструкцию и препроводит несколько кусков в бородатый рот. Она явно одобряла его интерес к еде.

– Вы ешьте, а я пока буду рассказывать. Кстати, здесь хорошо готовят. Итак, пупырчатый оберточный материал. Отделу продвижения уважаемой компании, ее имя я вам назову чуть позже, наприходили в голову прекрасные идеи. Превосходные, правда. Фестиваль пупырки – как вам? Прямо мурашки по коже... Тут контент можно привязать какой-угодно... Тема богатейшая. Хошь ландшафтный дизайн, хошь уличный театр. (Дунин кивнул с полным ртом.) Проект с подключением дизайнерских институций: международный конкурс проектов из пупырчатого материала. Чуть ли не литературный поединок: за что я люблю пупырку. Звучит дико, но идея не самая тупая, учитывая упомянутый успокоительный аспект.

Хачапури было только из печки. Яйцо и сыр утекали из лодочки. Дунин сражался за вкусную начинку, старательно вслушиваясь и не забывая изображать живой интерес.

– Возглавить эту историю в качестве куратора коллеги пригласили меня. Благо это уже шестой подобный проект в моей практике. (Дунин уважительно поднял брови.) Да, Михаил, вы ведь ничего про меня не знаете. Не интересуетесь... Мне кажется, ваше поколение все такое. (Дунин собрался горячо возразить и взмахнул вилкой, но Алина остановила его решительным движением руки.) Позвольте, я закончу.

Дунин, наконец, справился с аджарцем. Как он и опасался, еда подточила его силы и ослабила внимание.

– Когда коллеги изложили мне задачу, я сразу же, прямо на встрече, поняла: ну вот же, все сходится! Эта пупырка, которую нужно прославить каким-то особенным, концептуальным способом. Обстоятельства двух наших встреч. Этот ваш, Михаил, загадочный проект, который вы презентовали нам в мае. Imponderability. Мой огромный пост о нем, с фотографиями, вызвавший большой интерес и резонанс... Вы хоть читали?

– Каак? – поразился Дунин. – Им-пон...

– Я так его назвала, – не моргнув глазом сказала Алина. – Imponderability. Невесомость. По-моему, идеально. Тем более что мне ведь пришлось двигать скульптуры с места на место. Они и правда ничего не весят... К тому же название отражает, помимо всего прочего, суть материала. Из которого сделаны объекты. Из, Михаил, ПУПЫРЧАТОГО. ОБЕРТОЧНОГО. МАТЕРИАЛА.

– Да, интересное совпадение, – удивился Дунин. – Там пупырка, и у меня пупырка... Бывает же такое.

– Это не совпадение! И не стечение обстоятельств... Да как же вы не понимаете! – Алина всплеснула руками. – Это... пришествие в баланс и соответствие всех возможностей, совокупно, моих и ваших! И, давайте уже спустимся с небес, это шанс нормально заработать!

– Таааак, – оживился Дунин. – Тут я вообще не понял.

– Заработать. Денег. У проекта вполне приличный бюджет.

– На чем именно? – удивился скульптор. – Заработать денег...

– А вот здесь вам придется довериться мне. Я продам и подам ваш – наш! – проект. Неважно... нет, даже хорошо, что он был создан ДО поставленной коллегами задачи. А не сделан на заказ, под бюджет. Вы шли собственным путем! Независимо от. Вы самостоятельно докопались до художественных возможностей материала... Пластических, эстетических. И построили на них коммуникацию... Вы поняли, вытащили самую суть материала! Показали его красоту. Это странно, Михаил, но вы что-то почувствовали. Уловили... Считали... Оно носилось в воздухе... И вы его поймали (Алина сделала жест, будто схватила комара или муху.) Что именно? Актуальный запрос! И создали эту серию объектов. Знаете, а ведь я не зря тогда вас пытала! Мне казалось: откуда, на ровном месте? С какого такого перепугу? Но вот все и разрешилось. Пазл сложился. Это никакая не художественная мистификация! Это – ответ на сформированный художественно-коммуникационный запрос. Ответ, появившийся чуть раньше вопроса, предвывая, предчувствуя его! Понимаете? Вы гений, Михаил, вот что я вам скажу. Вы гораздо умней, интуитивней и тоньше, чем я могла предположить. И я вас поздравляю!

– Спасибо, – скромно сказал так ничего и понявший Дунин.

Помолчали. Алина явно устала от долгой речи, выдохлась. Дунин пытался уложить сказанное в голову. Главное, что он уловил, – можно заработать. Это привлекало. Скульптор всегда с радостью (мужественно скрываемой) брался за любые виды художественной халтуры (в хорошем смысле этого слова). Преподавательское жалованье было не самое ничтожное, но заработать хотелось. Вот, например, в Сахарово до сих пор не было бани!!! Это ж стыд какой... Дикость! Дунин все собирался срубить баню сам, но постоянно не хватало то времени, то денег. А тут банька, небольшая, но основательная, с осиновой обшивкой, с аккуратным предбанником, с крылечком, с запахами шалфея и зверобоя... Душицы! Как живая, баня встала у Дунина перед глазами.

– И... как? Что нужно делать? – первым нарушил молчание скульптор.

– Вот! Хороший вопрос. Я стою перед выбором... Не знаю, как лучше поступить... Либо выставка ваших работ, Невесомости. Снять хороший престижный зал в художественном кластере. Какую-нибудь АРТ-БОЧКУ. Или АРТ-ЛОФТ на МЫЛЕ, цеха бывшего мыльного завода, там сейчас очень элегантное место, концептуальное. Либо. Я сделаю так, что они выкупят серию. И будут выставлять. Экспонировать. Возить. По стране. По миру. Под, разумеется, моим чутким руководством. Выкуп коллекции и вам выгоднее, больше денег. Это будет сумма с пятью нулями.

– Вы... собираете выставлять Пендерецкого? Продавать? Милая Алина, это абсолютно невозможно! Этого делать нельзя...

Алина сложила руки замком, голубые овалы ногтей встали узором. Опустила голову. Уставилась на стол перед собой. Тонкие ноздри фестончато задрожали.

Пользуясь паузой, Дунин собрал соломинкой остатки можжевелевого рафа.

Алина Шпак обессиленно молчала. Похоже, она меньше всего была готова к отпору и перестала ориентироваться в пространстве.

Скульптор миролюбиво коснулся бело-голубой руки. Арт-критик дернулась как ошпаренная.

– Дорогая Алина, – сказал Дунин ей в макушку, Шпак продолжала смотреть в стол. – Я вообще не вижу проблемы! Я весь ваш... Я ценю и вашу статью, и все, что вы сделали. Я дико благодарен за то, что вы выдвинули, так сказать, мою кандидатуру. Я готов сотрудничать! Мне все это очень интересно... Я не только скульптор, я ведь еще и педагог. Я могу провести мастер-класс... серию мастер-классов по работе с пупыр... чатым упаковочным материалом (Дунин почтительно назвал пупырку полным именем.) Воркшопы, что хотите. В рамках этого вашего пупырчатого фестиваля...

Алина молчала, глядя в стол.

– Если вам так дорога тема объектов, я легко сделаю новую серию. Какую хошь, дайте тему, задачу и две... три... а лучше четыре недели сроку. Я могу сделать их большего размера, крупнее. Эти мои все же мелковаты. Для ваших грандиозных кураторских планов... Я могу сделать очень большую серию... несколько десятков скульптур! Ну? Алина, кончайте дуться. Покажите личико! Я хочу снова видеть энергичную улыбку на красивом лице художницы-авангардистки.

Алина Шпак подняла голову и показала Дунину перекошенное яростью лицо. Щеки тряслись. Губы змеились. Болотистые глаза протухли, затянулись ряской.

Алина Шпак заговорила. В тихом голосе арт-критика стыл могильный холод.

– Знаете. Михаил. Я еще сохраняю. Остатки надежды. Что вы. Не клинический идиот. Не шут гороховый. С дурацкими. Принципами. И копеечными. Целями. Полный. Нелепых суеверий. А трезвый. Взрослый. Умный. Рациональный. Человек. Талантливый! Грамотный. Вы – еще не поняли? – Я даю вам шанс. Вылезти из вашей пыльной... институции. Из круга этих ваших камерных тусовок. Пьяных междусобойчиков. Обнимашек. Пейзажиков, скульптур. Выйти на нормальный – слышите – уровень!

Настал дунинский черед прожигать дырки в столешнице.

На визави он боялся взглянуть, руки чесались схватить, придушить, заткнуть рот.

– ...мне не нужны, – продолжала Алина, – ни ваши сиротские мастер-классы. Ни ваши слепленные на заказ произведения. Заранее смешные мне своим старательным показным концептуализмом. Наше сотрудничество возможно только в одном случае. Одном-единственном! Если вы. Предоставите. В мое полное распоряжение. Как куратора, как продюсера – серию Imponderability!

Дрянь, думал Дунин, вот дрянь. Она не позволила бы себе этот омерзительный уничижительный хамский тон, если б я тогда ее не трахнул.

Скульптор поднял на арт-критика глаза. Столешница, несмотря на силу чувств, осталась неповрежденной.

– Нет! Нет, и еще раз нет, как говорили в старину, когда я был молод, силен и полон надежд, как вы, дорогая Алина. Рассчитайте нас, пожалуйста! – и Дунин помахал, как флагом, замершему у стены официанту.

На открытие позвали всех. По списку, чету Че (ЧЧ), Люду с мужем и детьми в любом составе, Лизу с Германом, Саакаянц с кем захочет, аналогично Игнатьева, Витала, «всех наших». Из ненаших планировалась только подруга Нюты верная Вера.

Миша собирался попарить каждого лично. По случаю премьеры.

Баню замыслили в сентябре. В первых числах октября она была уже полностью готова к эксплуатации.

Это была баня мечты. Такая не посрамила бы Абрамцево или Талашкино. Помимо необходимого функционала, в ней была и эстетика. Архитектура! Сочиняя проект, Дунин оторвался по полной. Дал себе волю. Все продумал и предусмотрел. Точный расчет шел рука об руку со смелыми фантазиями; в кои-то веки сошлись воедино необходимые факторы, во главе, конечно, с деньгами. Дунин вымерял и вычерчивал баню, будто это был секретный завод по производству таинственных веществ. Эндорфинов. Или летательный аппарат, что – в образном, эмоциональном смысле – соответствовало хозяйским чаяниям. Уже на стадии проекта Дунин знал в своей бане каждый угол, каждую доску, каждый гвоздочек. Где что будет и как встанет.

Скульптор советовался с лучшими банными специалистами. Пропадал на банных форумах.

Слава возможностям, баня в Сахарово не обязана была быть крошечной и даже маленькой. Это была баня с размахом, с учетом гостей. Баня щедрая, призванная оздоровить и порадовать всех, друзей и родственников Дунина и Нюты и друзей их друзей.

В состав бани вошли такие архитектурные излишества, как переворачивающаяся бочка. Кедровая купель. Просторный предбанник. Большой стол с лавками. Огромный красивый ларь для банного текстиля, простынь-полотенец.

Сооружала баню опытная, даже матерая банная команда во главе с Игнатом, в рифму, как и заказчик, бородатым. Игнат догадался про эту баню, что она больше, чем баня, что-то почувствовал и выкладывался как Барма и Постник, понимая, что сооружение войдет в историю. Про Дунина он почуял, что тот крупный деятель искусств и, скорее всего, знаменитость, но сколько Игнат не силился соотнести виденные по телевизору бородатые лица, Дунина не узнавал. Тактичный человек, работающий с особым контингентом гедонистов, Игнат не приставал, не уточнял и не выпрашивал.

У скульптора было искушение, просто руки чесались, вырезать для украшения банного пространства мясистых русалок и банного черта, хтонь в духе Голубкиной и Коненкова.

В порядке жертвоприношения и для усиления банного культа.

Но, крепко подумав, Дунин все же не стал этого делать, решил не разводить нарратив с фигуративом. Раз он теперь актуальный художник.

Функционально, элегантно, красиво. Все!

Строго по науке, банной.

Закупились алкоголем, Нюта наварила морсу. Привезли из Ч полный багажник свежего, ароматного, вкусного. Дунин замариновал чан шашлыка.

Хозяйка любовно, как цветы, срезала на единственной грядке припозднившуюся зелень, спасибо теплой осени. И поздние цветы, их-то как раз было много.

Специально для приема Нюта накупила в ИКЕЕ постельного белья, полотенец всех размеров и видов, ковриков, тапочек и миленьких керамических емкостей с дозатором.

Встреча с Алиной Шпак чуть не стоила скульптору здоровья.

Из «Мангуста» он вернулся с полным желудком и, хотя не пил, по пьяному лихой. Восполнил пробел морошковой, ее запасы быстро таяли. Чисто символически отпраздновал победу.

К утру подскочило давление. Нюта вызывала скорую, испугались.

Приступ купировали.

Все вошло в колею, но шуршащим по ночам древоточцем в сердце завелась тоска.

Ощущение победы сменилось похмельем, оскоминой проигрыша.

Дунин чувствовал себя набитым дураком. С Алининой интонацией: Претенциозным. Старомодным. Суеверным. Цепляющимся за ему только ведомые принципы. И идеалы. Непроходимым дураком. Упустившим. Свою. Удачу.

И, главное, не с кем, абсолютно не с кем было обсудить... И, особенно, посоветоваться.

Не с Лешей же.

Не с травмированной Людкой.

И не с Нютой.

Хотя почему?

Не поздним вечером в самом конце августа Дунин усадил Нюту в кресло-качалку из лозы. На улице, под навесом из зеленого поликарбоната, пропускавшим розовое закатное солнце с цветовыми искажениями.

Сказал, имеет сообщить что-то важное.

Нюта немного испугалась, сбегала в дом за пледом и сигаретами...

Настроила пепельницу, закурила, кивнула ему, как концертмейстеру: можно.

Дунин начал с хорошо ей известной байки про занятия ТСО. Про то, как их заставляли рвать и мять под музыку авангардистов.

Разумеется, в качестве смешилки из студенческой юности история рассказывалась, и не раз.

– Стоп, – сказала Нюта. – Это тот самый Гоч? Который примерещился тебе на «Косякове»? С яйцами?

Дунин кивнул, продолжил.

Эпизод с погромом столовой Нюта тоже в общих чертах знала, он фигурировал в качестве продолжения музыкально-художественного сюжета с арт-сессиями. Не знала она о совпадшем по времени романе с Лизой Капустиной и о тяжелом разговоре с замдекана, в графу «забавное» тот не входил. Сейчас про скандал в деканате Дунин решил дорассказать, для усиления драматизма. Про Лизу, разумеется, нет.

– А теперь, внимание, начинается мистика, – продолжил Дунин. – Или не знаю как еще это назвать. Мне, конечно, нужно было раньше тебе рассказать. Да вроде повода не было...

Нюта закатила глаза, выпустила в небо завитушку дыма в форме скрипичного ключа.

Последовал рассказ о новой, двадцать лет спустя, встрече с Пендерецким.

О памяти жертвам Хиросимы.

О бобине пупырчатого упаковочного материала.

О рождении УЖАСА в испарине творческой радости.

О выросшей из коллаборации с паном Пендерецким серии скульптур, на тот момент еще безымянной.

О Невесомости. Дунин назвал объекты поименно, буднично, как рядовых на утренней поверке.

О своих догадках.

О коллекции «Пан» Нельки Васильевой.

Об истории, произошедшей с Побельским.

О коте Пендерецком.

О Людке и обоях.

Потом он рассказал в деталях и подробностях историю с Алиной Шпак и ее исканиями, включая знаменательную встречу в мастерской в день рождения Пушкина, исключая половой акт на верстаке.

Чтоб избежать скользкой темы, пришлось опустить и принципиально важный, ключевой эпизод следственного эксперимента. В противовес Дунин усилил линию сомнений и гипотез Алины, вывел ее еще более агрессивной, напористой, наглой, – для логичного перехода к кульминации.

А именно – к звонку на Соловки, последовавшей встрече, фестивалю пупырки (Нюта оквадратила глаза) и, наконец, лестному предложению.

От которого он отказался... Сгоряча? В сердцах? Радуюсь возможности дать отлуп наглой самоуверенной Алине? Страшась выпустить на простых смертных странное лихо, неуправляемую стихию, тайную благодать? (он не знал, что именно...)

По этой последней версии Дунин выходил защитником человечества и супергероем, благородным и бескорыстным.

– Так чего ты хочешь от меня? – до обидного спокойно спросила Нюта. Красивым движением жена скульптора стряхнула пепел. Дым уходил в закатное небо, чистое, гладкое и грустное, какое бывает только в августе.

Похоже, Дунину не удалось передать драматизм, мистическую подоплеку, экзистенциальную путаницу этой странной истории.

– Так, Нюта. Речь идет... шла. О деньгах. Больших деньгах. Деньжищах. Мы с тобой что, миллионеры?..

Нюта смотрела на мужа в упор. Риторический вопрос оставила без ответа. Кивком предложила продолжать.

– ...вот я и думаю. Может, я сочинил весь этот Пендерецкий хоррор? Придумал себе? И все мы? Групповой морок. Коллективное помешательство... А на самом деле – просто цепочка совпадений? Художественная мистификация. Само-мистификация! – Нюта спокойно слушала, глядя на запад, в самую яркую часть неба, куда засасывало ее аккуратные дымки, и молчала.

– Я в детстве читал повесть Виталия Губарева. Не помню, как называется. У меня сборник был... В повести фигурировал волшебный платок. С помощью этого платка трое друзей-пионеров из московской квартиры попали на необитаемый остров, затем в лапы пиратов, и спаслись тоже благодаря платку, волшебному. Его так в семье называли, волшебный платок. В самом конце повести выяснилось, что это из-за бабушки. У нее часто были мигрени, она обвязывала этим платком голову, стягивала, и ей легчало. Потому и волшебный. Может, Пендерецкий потому и «волшебный» (Дунин показал пальцами кавычки) для нас! Что он у нас в голове что-то стягивал. И у нас что-то под его музыку получилось. Вот у меня, например. Не под Баха же. Не под Сибелиуса. Не под Лед Зеппелин. Не под Шнитке, Карамазов Твинс... У меня ведь все время музыка в мастерской... Но таких приходов ни разу ни с кем не случалось. Пока не завел Пендерецкого... Видно, Гоч нас так выучил. Как собаку Павлова. Развил нам условный рефлекс. Под Пендерецкого у нас течет слюна – хочется творить, образы прут, руки сами собой что-то выделывают...

– А Людка? А Побельский? – трезвым, звонким голосом уточнила Нюта.

– Побельский... Честно говоря, он всегда был с тараканами. Рыхлый, маленький говорун. С расплывчатой ориентацией. Ну, или мне сейчас так кажется. Послушал Пендерецкого, расчувствовался... И полез. Может, даже ничего дурного – полового – не имел в виду. Просто напугал ребенка. А вот с Людой – не знаю! Темная история... Самый непонятный эпизод. Может, у нее был депрессняк? Какие-то проблемы, мы же не знаем. А тут музыка эта... Только вот обои... На бумагу у нас как раз условный рефлекс выработан. Тут явный след Пендерецкого и Гоча.

Оба молчали. Небо гасло, Нютина сигаретка индифферентно коптила на краю пепельницы.

– Зачем ты все это мне рассказал, Дунин? Именно сейчас. И с такой загробной серьезностью...

Дунин поскреб в бороде. Он изнемог от дурацкой исповеди.

– Так, Нют, я посоветоваться хотел. Мне соглашаться? Или послать эту Алину Шпак и ее пупырчатый фестиваль куда подальше? Я не пойму... Каша в голове. Все смешалось: страхи, суеверия. Корпоративная этика (он невесело ухмыльнулся). Это вроде как наша общая тайна, не моя. Но при этом и наш капитал, да? Саакянц правильно назвала: «ресурс». И еще – желание денег.

– И славы? – быстро уточнила Нюта.

– И славы...

На столе заерзал, замигал дунинский смартфон.

– Подождешь, – зло сказал ему скульптор. – Не до тебя, блин... У нас есть... что-нибудь выпить?

Звонила Алина Шпак.

От нее же синела смс-ка.

Согласовала ваша ч 1 000 000

Что за ч?

– Миша, я не знаю. Я ж не экстрасенс... Не провидец... Я, правда, не знаю, – сказала Нюта тусклым голосом. Будто у нее внезапно разболелась голова.

– Ты не боишься?

– Я в принципе боюсь. За тебя. Ты старше. Приступ вон был... Давление скачет. Я всегда боюсь, Миша. Мне кажется, я всех вас, тебя, родителей, племянника, друзей, Макса, Веру, держу на кончиках пальцев. Вот так... Иначе все рухнет. И мне нельзя опускать руки... Но, – голос ее скомкался. Дунин хотел что-то сказать, Нюта жестом велела ему заткнуться.

– ...но я боюсь страхов. Страх подлая стихая. И хитрая! Я не хочу, чтобы мной управлял... повелевал страх. Не собираюсь. Страх – это вызов. Всегда нужно идти против страхов. Там, куда они нас не пускают, есть что-то важное. Они боятся, что мы увидим и узнаем...

Нюта смяла сигарету в пепельнице и тут же закурила следующую.

Дунин смотрел на красивое честное лицо, правдивые губы, искренний подбородок.

– Мой хороший, – сказал скульптор тонким голосом, – спасибо тебе. Ты все правильно говоришь. Надо же, молодая жена в два раза старше и умней дурака-мужа...

– И еще, – перебила его Нюта. – Пендерецкий – восьмидесятилетний старик. Старишка. Знаю, он гений, классик. Бодр, свеж, животворящ. Но – что он тебе сделает? Проткнет дирижерской палочкой? Как шашлык. Заколдует? Просто подумай... Чего ты боишься, кого? А деньги! Есть – хорошо. Нет – нормально. Мы что с тобой, нищие?

Ну вот. А начали за здоровье...

Объекты успели вывезти до того, как институт забурился студенческими массами. Перевозкой руководила лично Алина Шпак. Это было ее третье посещение мастерской.

Дунин с самого утра упаковывал скульптуры. Так мать отправляет дитя в зимний лагерь, со смешанным чувством легкой вины и скорой свободы набивает ему сумку

теплыми носками и шапками, сует три блока бумажных носовых платков, повязывает шерстяной шарф.

Для перевозки скульптуры оборачивались все той же пупыrkой, из которой они были сделаны. На глазах Дунина происходило ментальное расслоение упаковочного материала.

В составе объектов он был, практически, каррарский мрамор. Вобравший всю ценность и энергию художественной мысли, образов и аллюзий. В качестве упаковочного материала пупырка недалеко ушла от газет, стружки и фанеры, только стоила подороже.

Дунин проводил свой выводок до порога.

УЖАС. СТРАДАНИЕ. ЧИСТИЛИЩЕ. СОМНЕНИЕ. ВНЕЗАПНОСТЬ. ОДЕРЖИМОСТЬ. СТЫД. АГРЕССИЯ. НЕОБРАТИМОСТЬ. БЕСПОМОЩНОСТЬ. ПАДЕНИЕ. БЕЗУМИЕ.

Укутанные пупыrkой, скульптуры были неразличимы, но Дунин точно знал, где какая.

Двое грузчиков вставляли огромные свертки в фургон для перевозок.

– Лехкие, – похвалил тот, что подавал.

– Схуяли, – одобрил тот, что принимал.

– Imponderability, – выговорил про себя Дунин. Только он привык так их называть, и нате вам...

Почему-то скульптору стало обидно, что грузчики не поинтересовались содержимым пухлых коконов. Профессиональная деформация, полная утрата любознательности...

Когда с погрузкой было покончено, в фургон полезла Алина Шпак, проверить, все ли в порядке. Ей бы там и поехать, подумал Дунин, для пригляда. Втиснуться между *ВНЕЗАПНОСТЬЮ* и *СОМНЕНИЕМ*, под спину подложить *НЕОБРАТИМОСТЬ*, в ноги – *АГРЕССИЮ*... Но арт-критик выбралась наружу.

– Едете сейчас на Панскую, 12. Там складское помещение. Я вас буду ждать. Или вы подождете... Без меня не разгружать! Еду за вами, – скомандовала Алина водителю.

– На связи! – арт-критик сделала скульптору ручкой и, подобрав фалды трикотажного пиджака, унеслась.

А поцеловать, вспомнил Дунин зоотехнический анекдот про искусственное осеменение.

Фургон с арт-начинкой поурчал, повонял, развернулся в тесном дворе института и был таков.

Переваривая тишину и безлюдье, Дунин присел покурить на красный тонконогий стульчик. Вот и все, с грустью подумал скульптор, хотя все было вроде как совсем наоборот.

В мастерской сделалось просторней и светлей. Объекты занимали много полезной площади, Дунин вообще-то был жаден до рабочего пространства.

На душе у скульптора, наоборот, становилось все темнее и теснее. Зная себя, Дунин подготовился, купил шкалик коньяка.

Наливал по чуть-чуть в большую кружку, хоть стопки и рюмки в мастерской имелись на любой вкус и цвет. Скульптор ходил с алой кружкой I love Lviv по мастерской из угла в угол. Заглянул в цветочные горшки, здесь было сухо, как у него на сердце. Полил из маленькой жестяной лейки. Осмотрел собственные пейзажи, скульптуры по стенам и стеллажам, в мастерской висело-стояло только то, что он считала особо удачным. Дунин проведal запасы скульптурного пластилина. Упакованные во многие слои полиэтилена, интимно просвечивали валюшки глины. Отвернул пленку, понюхал глину, живой свежий запах обычно его успокаивал. Придал ускорение турнеткам, закрутил все десять против часовой стрелки. Равнодушно осмотрел инструменты, над которыми он, куркуль, тряся и знал их наперечет и поименно. Как у всякого рачительного хозяина, в мастерской у Дунина было очень много всего, и все нужное.

Но почему же, бляха муха, почему такая пустота?
Новые сделаю, догадался Дунин.

Запуск бани удачно совпал с государственными праздниками: строенные выходные. Приехали все, по списку. Правда, Люде с Вадимом не удалось вытянуть в их старперскую компанию никого из своих детей, раньше-то они охотно присоединялись. Отъезд родителей, выяснилось, вызвал встречную активность, квартире со свежим ремонтом предстояло принять однокурсников средней дочери.

Зато верная Вера, единственная из «ненаших», привезла бойфренда Диму, филолога. Вообще это было не по правилам, привозить не спросясь, но Вера была любимая подруга Нюты, и раз привезла парня в компанию, значит, так надо и он того стоил. В массивных очках приветливый Дима был даже моложе Веры и как раз стал в компании представителем младшего поколения, вместо не приехавших детей Вадима и Люды.

В качестве свежеиспеченной пары Вере с Димой достался односпальный топчан в самой маленькой комнатке, кладовке с функцией библиотеки. Зато с новыми хрустящими простынями из ИКЕИ и связками сухих травы под потолком: зверобой, полынь, душица. Тесноватое, но аутентичное и очень сексуальное гнездышко для людей, проверяющих чувства.

Всех расселили-разместили. Просторный дом во мгновение ока оброс сумками, расцвел дамскими косметичками. В прихожей, как в будни на служебной парковке, стало тесно от обуви.

– Съездим на Изму? – напрыгнула на Дунина Полина. – Она мне снится! Может, опять гномы придут... У них тут гномы водятся, Миша вам рассказывал? – обернулась она к остальным.

После чего довольно чисто почти целиком пропела «Пещеру горного короля».

Тоже, что ль, с музыкальным образованием?

– Какую тебе Изму, ноябрь на дворе, – пробурчал Черных, притянул жену, поцеловал в блестящие рассыпающиеся волосы.

Договор был на восьми страницах. Автор в лице Дунина М.И. отчуждал Заказчику в лице генерального директора Заповедова О.В. художественный продукт (далее Произведение) в составе 12 (двенадцать) объектов.

В числе прочего, Автор передавал Заказчику нижеследующие права на использование Произведения:

- право переименовывать Произведение и составляющие его объекты на свое усмотрение согласно задачам Заказчика;

- право на корректировку концептуального наполнения Произведения (в пресс-релизах, интервью, печатных и рекламных материалах и т.п.) и комментирование Произведения, с обязательным указанием авторства Автора, при этом содержание комментариев остается на усмотрение Заказчика.

- право на экспонирование Произведения в РФ и за ее пределами.

- право на воспроизведение Произведения в виде фото- и видеоматериалов.

- право на демонстрацию фото- и видеоизображений Произведения по своему усмотрению в любых СМИ и печатных материалах.

- право на мерчендайзинг (merchandising), то есть право на использование изображения Произведения для изготовления сувенирной продукции (значки, предметы одежды, печатная продукция и т.п.).

Этот пункт Дунин перечитал два раза.

– право на любое иное коммерческое и некоммерческое использование Произведения.

И еще шесть пунктов только в этом разделе.

В Приложении номер 1 фигурировала сумма, которую Заказчик обязан передать Автору, те самые 1000000 из Алининой смс-ки, не включая 13% подоходного налога.

Это была ч (часть) Дунина.

Размеров ч Алины Шпак Дунин не знал и не интересовался.

Розовые нимфы в простынях с влажно блестящими лицами и плечами.

В тогах и войлочных шляпах краснолицые фавны разной степени волосатости.

Жирных нет, гордился друзьями Дунин. Даже Витал вон здоровый как бык, но не рыхлый, крепкий. К Людке вернулась ее красивая крутобокость, только плечики худенькие.

Амфора, подумал Дунин с нежностью.

А вот у Верочкиного Димы-филолога, в его тридцать-с-чем-то-там-лет, конкретное брюшко и руки как бежевые лианы. Но, наверное, силен чем-то другим.

В парилку, естественно, ходили по очереди, женщины, мужчины. Не немцы, чай.

В один из заходов Дунин оказался на пару с Лешей.

Скульптор разложил однокурсника на широком полке, хозяйски, как цыпленка на противне. И пошел охаживать друга березовым веником. Из ярко-розового Черных сделался пунцовым. Ароматной березой, вымоченной до девичьей гибкости и ласковой податливости, Дунин изгонял из однокурсника хвори, соли, боли, включая будущие, и, с молчаливого согласия, их общего беса на букву П.

Черных расслабленно мотался под ударами. Доверившийся Дунину телом, издавал звуки, средние между негромкими стонами и кряхтением.

– Молодец, живота нет. Хвалю! – удар, змеей перетекающий на ноги, ползущий к пяткам.

– ...

– А Полина что не парится? Не переносит? – короткие хлесткие удары: загривок, плечи, вниз по рукам.

– ...

– У меня первая жена не могла даже войти в парилку. Тут же головная боль! Из другого теста была женщина... – серия коротких злых ударов по туловищу.

– ...

– И не пьет, заметил. Твоя, – взбить в пену ягодицы и заднюю поверхность бедра.

– ...

– Что? – долгий, с приплясом, извивающийся удар по спине.

– ...

– Леш, я правильно понял? – похлопывающе-ласкающие движения по ногам к пяткам.

– ...

– Сколько уже? – в ожидании ответа Дунин перестал работать веником.

– Четвертый месяц. Только прошу! Мы пока никому не рассказываем. – Красный Черных, качнувшись, сел на полке. Голые блестящие плечи украшал модернистский узор из листьев, как в театральных костюмах художника Бакста. Дунин бросил истерзанный веник. Стиснул голое беззащитное тело друга. Сел рядом, касаясь.

Молчали, дышали.

– А... кот? – спросил Дунин глупым голосом.

– Все. Не будем об этом... кладбище домашних животных. Хорошо? Давай, ложись, теперь я тебя.

– Ой, а это у вас кто? – заинтересовался Верин Дима. – Сатир?

В предбаннике деревянным привратником стоял Пан во фраке, со скрипкой и мохнатыми козлиными ногами. Автор довел скульптуру, отполировал, завошил, красота дерева цвела в каждом повороте, изгибе и завитке.

На голове Пана, одна на другой, виселись войлочные шляпы. Даже на непосвященный глаз сочетание скульптуры музейного качества и банной амуниции выглядело неуместным и вызывающим.

– Это Пан. Только не с куклами, а со скрипкой. Муж так решил...

– А кто у нас муж? – пошутил Дима, снимая очки и протирая их краем терракотового худи. А может, новичок Дима и вправду недоразобрался в хитросплетении профессионально-родственных связей шумной компании Верочкиных друзей.

– Муж у нас художник. Скульптор... Вера, что ли, не рассказывала? – Нютины губы что-то говорили, а сама она тем временем превращалась в мягкий горячий пластилин, влюбленное пульсирующее тесто.

Весь этот пластичный материал рвался в руки новенького Димы, звал лепить и ваять из него новую Нюту.

Что за еб твою мать, в панике подумала хозяйка дальними завитками мозга, еще не охваченными пожаром.

Черт, черт, черт!

...Им с Верой с детства нравились одни и те же мальчики!

1. УЖАС – Стратегия
2. СТРАДАНИЕ – Надежность
3. ЧИСТИЛИЩЕ – Устремленность в будущее
4. СОМНЕНИЕ – Уверенность
5. ВНЕЗАПНОСТЬ – Единство
6. ОДЕРЖИМОСТЬ – Одержимость
7. СТЫД – Настойчивость
8. АГРЕССИЯ – Синергия
9. НЕОБРАТИМОСТЬ – Прозрачность
10. БЕСПОМОЩНОСТЬ – Величие
11. ПАДЕНИЕ – Равновесие
12. БЕЗУМИЕ – Эволюция

Следующая встреча с Imponderability произошла у Дунина в конце ноября.

...Так горец-отец навещает дочку, отданную замуж в дальний аул, и не узнает свое робкое нежное дитя в статной женщине с потухшим взором и горой живота.

Дунин был на самом первом/главном/важном открытии. Куда вход осуществлялся по приглашениям, упакованным, конечно же, в пупырку.

Мероприятие проходило в роскошно-аскетических пространствах ART-ФАРТ-ЛОФТА. Двенадцати объектов, на дунинский взгляд, было мало, маловато для огромного помещения. Но тут следует отдать должное арт-директорским мощностям и кураторским талантам Алины Шпак. Скульптуры стояли на стеклянных светящихся подиумах разреженно и разноуровнево, организуя огромный зал двенадцатью пиками. Объекты эффектно подсвечивались пульсирующим белым, алым и лиловым светом (корпоративная палитра). На прочных ножках латунные таблички с названиями и описаниями выглядели

по-музейному шикарно. Смотреть экспозицию следовало не абы как, была продумана логистика, светящиеся стрелки на полу вели приглашенных по лабиринту скульптур.

Не успел Дунин войти и осмотреться, как в нижние ребра ему уперлось холодное: поднос. Яркие шоты подавали в ледяных пупырчатых стопках. У молодых официантов на груди медузами трепетали розы из пупырки, и у всех были бороды, по типу дунинской. Скульптору показалось даже, что этими официантскими бородами Алина Шпак дразнит и поддевает его лично. Уменьшенные молодые копии Дунина были повсюду. Лакеи с подносами.

С ними дядька Черномор, подумал скульптор и закинул в рот содержимое ледяной стопки, начавшей жечь ему пальцы.

Морошковая, изумился Дунин.

Собрались все топы отрасли. Даже на самых молодых лежала печать солидности. Пиарщики и продвиженцы, наоборот, солидности были напрочь лишены, многие из них носили тоже бороды и сочетали пиджаки со штанами типа шаровар, треников и немыслимыми кедами ярчайших расцветок.

Несколько художников, известных мастеров паблик-арт, перформансителей выделялись в толпе гостей человеческими, а не менеджерскими лицами и внимательным выражением глаз.

Дунина наряжала Нюта. Сама она идти отказалась, сославшись на то, что все уже видела. Потом, кажется, ей не очень хотелось видеть Алину Шпак (в этом они с мужем совпадали).

В прикиде скульптора сошлись в хрупком балансе официоз и артистизм. Умеренно рваные джинсы и черный пиджак. Васильковые кеды и синий платочек в петлице (это тебе волшебный платок, чтоб не очковал, съязвила Нюта). Свитшот с изображением таблицы Менделеева и заметные запонки в виде знака вольфрама. Нюта соорудила на голове у Дунина из коротких вьющихся волос маленькое аккуратное торнадо. Прошлась по бороде расческой и спреем.

Результатом скульптор остался доволен. Что-то маскировочное, игра, карнавал: если и звезда вечера, то инкогнито. Дунин в душе рассчитывал на триумф, но собирался принять его с прописанной в Договоре холодноватой отстраненностью.

Зато Алина Шпак царила умело и страстно. Вот кто был визуальным, смысловым и эстетическим центром мероприятия (не считая все же скульптур). Особенное, будто шевелящееся платье выдавало королеву вечера. Ногти были черные, губы алые, лицо меловое с горящими точками лихорадочных румянцев. За Алиной, не отставая, шествовали двое парней из дирекции по продвижению, один худой, другой упитанный.

Открытие снимали два федеральных канала и один городской, были также журналисты помельче: PR-служба сработала на славу.

Дунина в качестве автора опознали молниеносно, слетелись.

Рядом, как по волшебству, выросла Алина, заслонив, насколько это было возможно, фигуру скульптора.

– Куратор проекта Алина Шпак. (Она отодвинулась, демонстрируя камерам Автора.) Хочу представить вам всем Михаила Дунина. Его руки... смотрите, какие руки (укрупнение на руки), талантам художника и визионера мы обязаны сегодняшним праздником... да, именно праздником! ...Знаете, у выставки ведь совершенно мистическая предыстория. Даже я, человек предельно рациональный, честно говоря, ПРИПУХЛА. – (У Дунина заболело под солнечным сплетением, Алина пошла чесать дальше.) – Работая над проектом, мы столкнулись с фантастически сложной задачей – соединить в одном смысловом поле большой бизнес, добывающую и перерабатывающую промышленность, и современное искусство. Звучит жутко, да? Не просто соединить, механически, конечно, нет! Смешать, но не взбалтывать (Алина хохотнула, укрупнение на рот). Вообще же, весть – если угодно – об этой творческой... смеси... рвалась наружу. Из самых глубин! Сырьевые ресурсы таятся в недрах земли и добываются оттуда в строгом согласии с

наукой, законами здравого смысла, ответственности и пониманием природного баланса (Алина сказала это несколько заученно). Затем они проходят долгий цикл превращений. Полезные ископаемые становятся полимерами, а после – промышленными материалами широчайшего спектра назначения. Пенополистирол, твердый и мягкий полиэтилен... я могла бы долго перечислять, но с этим лучше справятся представители компании... – Алина сделала красивый энергичный жест в сторону своего полного спутника. Рукав ее сложного платья взметнулся и опал. – Моя задача как куратора была найти... образно говоря... (Алина сделала эффектную паузу) МЕСТО УТЕЧКИ ГАЗА. Да! Тот момент, ту формулу, когда функционал становится новым смыслом. Как в математике – числитель один и тот же – формула полимера, а вот знаменатель разный. Щелк: и обычный-привычный – простите! – ПОЛИ-ЭТИ-ЛЕН становится... художественным материалом. В отличие от холста и красок, – материалом актуальным! Говорящим на языке нашего времени. Как ученые открывают новое месторождение полезных ископаемых... нефти, газа, – мы нашли в пупырчатом оберточном материале богатейшее месторождение смыслов. Это просто сенсация! Но что интересно! Мы с коллегами пытались просчитать это месторождение... ходили, не знаю, с лозой, делали сложные расчеты... – а художник Михаил Дунин просто НАБРЕЛ на него. ИНТУИТИВНО. Методом дикой кошки. Знаете, КОПНУЛ, а оттуда забил фонтан... актуальных смыслов и значений. Как в голливудском фильме... И в этом и заключается чудо. Наши концептуальные задачи нашли свое воплощение в серии скульптур из пупырчатого упаковочного материала... Мы-то его по-свойски фамильярно называем ПУПЫРКОЙ... (укрупнение на очаровательную озорную гримаску куратора). Все сошлось! Пазл целеполагания, смыслов и материального воплощения – сложился.

Раскрасневшаяся Алина подняла руки, как бы приглашая зрителей убедиться в парадоксальной красоте вышесказанного. Проиллюстрированного собственно выставкой.

Рукава ее платья опали черными крыльями и встали за спиной.

После долгого монолога, Алининого клекочущего голоса образовалась гулкая воронка тишины, неслышимое эхо.

Четверо журналистов и несколько человек, стоявших в сторонке и прислушивающихся, робко, затем увереннее захлопали. После паузы к ним присоединился и Дунин.

На аплодисменты не пробило только операторов. Они воспринимали происходящее строго на визуальном плане, и речь Алины была для них просто сокращениями рта, движениями пальцев, порханием рукавов.

– Наташечка, я украду тебя? – спросил Дунин и продел руку под локоть Саакянц. – Пройдемся?

Они вышли за калитку и пошли по поселку. Дома светились через два на третий, слишком далеко от большого города, чтобы приезжать на пару дней. В конце улицы догорал закат. Вкусно пахло лохматыми лиловыми хризантемами, опавшей листвой. Белел снежнoгoдник.

– Ну, – боднула его боком Саакянц, – чего хотел? Про личную жизнь узнать?

– Наташечка! Я это... хотел давно спросить. Ну, ты сама знаешь, о чем.

Он скосил глаза на Саакянц, идущую рядом. Подруга не делала попыток подать встречную реплику.

– Смотри, – продолжил скульптор. – Со мной все ясно. С Васильевой понятно... С Черных. Даже с... – он запнулся, оба подумали про Люду, и оба промолчали. – А у тебя-то с ним что? Ты сама назвала – «ресурс». В каком смысле?

Саакянц остановилась, похлопала себя по карманам, вытащила сигареты, Дунин хрустнул зажигалкой. Они обступили в темноте огонек, оба закурили.

– В каком-каком... В мистическом! – хрипло хохотнула Саакянц, выпуская дым. – Миша, это темная история. Или, наоборот, светлая... освещающая, так сказать, некоторые моменты. Я же, Миша, пишу... Работа у меня такая: искусствовед. Пытаюсь на городском канале сделать образовательный проект, но пока не получается. Статьи пишу, колонку веду... Ну и не только это. Всяко-разно. Эссе там, рассказы. Но ты ж не в курсе, на фейсбуке не бываешь, и вообще особо не интересуешься... Короче, с некоторых пор... я пишу... сначала это был рассказ, потом разросся в повесть... И, Мишаня, оно не заканчивается. Расширяется во все стороны, не только в длину. Прет, как тесто. Будто само пишется. Миша, знакомо такое ощущение? Про что? – про нас, про всю эту историю. Ты только не пугайся, Миша, но про твою, прости, баню, я написала раньше, чем ты ее задумал. Завтра мы поедем в Ч, ты в курсе? В монастыре нам дадут позвонить в колокола – сами предложат. Вот увидишь. И я еще кое-что знаю, но, Миша, это не важно. Тебе не нужно это знать, голову забивать. Про Люду, кстати, у меня был другой сюжет, не буду рассказывать. Но я почти докопалась до истины.

– Наташ, а Алину Шпак – это ты... придумала? Ввести в сюжет...

– Стоп! Не надо передергивать! Алину Шпак я ПОЗВАЛА на твою выставку. Это разные вещи. Думала, заинтересуется, напишет...

– Она и написала.

– Знаю, и все знают.

Дунин скосил на Саакянц глаза: что именно она знает. Наташа продолжила:

– Гоч приучил нас терзать бумагу, под музыку Пендерецкого. И мы все, каждый на свой лад, этим занимаемся. Рисуем, пишем, лепим. Я пишу, пишу, как заведенная.

Дунин на ходу захватил несколько соцветий голубеньких мелких хризантем, они запахли у него в ладони горько и трезво.

– Ну что? Интересуешься, что будет дальше? – спросила Саакянц с демонической усмешкой и оскалила отличные белые зубы.

– Нет. Или да. Скорей, нет.

– А я и не владею информацией. Мне порционно отпускается. Знаю не дальше, чем на день вперед.

– Саакянц, – сказал Дунин, – дай обниму. Такая родная! А хорошо, что мы с тобой тогда не...? Да? А то б...

Дунин обнял подругу, поднял, нетяжелую, покрутил в руках.

– Блин, почему я вас всех так всех люблю, а?

– Миша, это и есть ресурс. Самый важный. А с Пендерецкого нужно слезать. Тебе, Дуня, точно!

– Это ты в своем романе прочитала?

– Иди в жопу.

Вместо промозглой Измы поехали в теплый сухой Ч.

Набились в три машины.

В остатках позолоты маленький городок был мил и по-осеннему уютен. Огромная голова Ленина из полированного гранита едва умещалась на постаменте. Главная площадь количеством голубей не уступала Сан-Марко; к ней тесно прилегали старинные краснокирпичные здания школы и пожарной части и новенький пластиковый «Магнит Косметик». Сразу два театра – небольших, пропорциональных городу, зеленый и красный, выделялись на главной улице. Старинные торговые ряды были выкрашены в венерический розовый цвет. Напротив стандартной стелы «Я#СЕРДЦЕ#Ч» пыхтел пухленький старый автобус цвета зеленки со сливками. Маршрут № 1, ОДНЁРКА. Прямо на тротуаре, на икеевской табуретке-ступеньке стоял парень в клоунском костюме с вязанкой шариков. Он зазывал прохожих в розовые ряды на распродажу ростовской

обуви. За рядами высились купола старинного монастыря; колокольный звон лился щедро и безудержно, как из сорванного крана.

– Прелесть, прелесть, чудо, – растрогано повторяла Терехина и снимала, снимала на телефон. Компания растянулась по главной улице.

Зашли в монастырь. Мужчины наполняли многочисленные баклаги водой из святого источника, подставляли пластик под неторопливую струйку. Девушки ходили по территории монастыря, где еще колыхались под ветром последние хризантемы, желтели на березках и на брусчатой площадке перед главным храмом остатки листьев. Вошли внутрь. В платках, капюшонах, женщины были, конечно, без юбок, как-то не сообразили. Они навязали опрятные монастырские фартуки из деревянного ящика. Осмотрели маленькую древнюю церковь. Очень худая, с красивым увядшим лицом пожилая монахиня отвечала на вопросы и была гостям искренне рада. *Дежурная по храму*, значилось на бейджике.

У выхода перетаптывался мальчишка лет десяти. Чей-то сын? Чей, в монастыре?

– Хотите на колокольню подняться? – спросил он у Нюты.

– Да! – радостно сказала она. – Хочу! Девушки, нас тут на колокольню приглашают. Пойдем?

– Матушка Анисия! Матушка Анисия! – позвал мальчик радостно. – Они хотят на колокольню!

Вошли в храм сбоку, по широкой красивой лестнице. Две пожилые монахини мыли-натирали каменные полы. Нюта, Полина, Люда, Вера и Наташа, войдя гуськом, почтительно поздоровались. Монахини распрямились и молча смотрели прозрачными глазами.

Зато матушка Анисия, за всех, была разговорчива, энергична и похожа на тренера женской сборной, по, допустим, синхронному плаванию, только в монашеском одеянии.

Она повела их вглубь собора. Они прошли мимо не тронутого реставрацией куска старой стены в маленькую, будто усохшую дверку, ведущую на колокольню. Ступеньки были крутые, вытертые. В отсутствие перил все держались за шершавый съеденный временем камень старых стен. Возглавлял восхождение мальчик, он включал на маршах свет, матушка Анисия замыкала и гасила.

Раздался плеск крыльев. Прямо из-под ног выпорхнули голуби. Хорошо, что первым шел привычный, знающий здешние особенности мальчик.

Они выбрались на самый верх, под нестерпимо синее небо, сахарные плотные облака, ветер, как в песне: *веселый. А ну-ка песню нам пропой веселый ветер, веселый ветер, веселый ветер!*

С тесноватой площадки открылся вид на город, реку, холмы за ней. Огромный Ленин не был виден, скрывался за монастырскими постройками. (Люде хотелось запечатлеть гранитную голову среди голубей.) Совсем внизу, под собой, они разглядели другую часть компании, группку людей в яркой одежде. Дунин был в красной куртке (цвета комариного брюха, уточнял он). В синем стеганом жилете виднелся Верин Дима. Увидели Вадима в фиолетовом тонком пуховике, Витала в оранжевой жилетке с капюшоном, в стороне от всех бродили Лиза, Игнатьев и его Лена в защитном, обсуждали что-то, тыкали в горизонт, снимали. Герман в лимонной альпинистской парке, закинув голову, пил из фляжки.

Матушка Анисия и мальчик зазвонили, слившись в маленький оркестр. Мальчик равномерно, ловкими центрально-симметричными движениями стучал в плоские била. Матушка, наклонившись и раскачиваясь вправо-влево, ударяла чугунной колотушкой по большим тяжелым щиткам.

Они шикарно звонили, увлеченно, долго, а их компания стояла в эпицентре звона, в самом его сердце. Нюта заметила мокрые полосы на щеках у Люды и Наташи, такие оставляют виноградные улитки на гладком камне южных парапетов.

Полина, наоборот, была розовая, безмятежная, она крутила головой, осматриваясь, и одновременно старалась не спускать глаз со звонарей.

Они закончили, звон таял долго, плавно сходил на нет.

– Хотите? – матушка Анисия протянула колотушку Люде. На мелкие била встала Нюта с двумя маленькими деревянными, вроде кеглей, штуковинами.

– Все просто, – показала монахиня, просунув ладони и указывая на чугунные пластины, – раз-раз-раз, раз-раз-раз, три шага в центр и обратно, одновременно, обеими руками. – Это легко. Начните, все поймете.

– Бом-бом-бом, – начала Нюта, – бом-бом-бом, – в обратную сторону.

– Бооооом-бооооом, – откликалось большое било Люды, – бооооом-бооооом.

Без малейшего музыкального образования и опыта, они лили на маленький город музыку райской красоты и гармоничности. Люда-Нюта вошли в ритм, их руки, плечи действовали самостоятельно, Нюта даже стала осматриваться, аккуратно поворачивая голову. В поле зрения попало довольное лицо матушки Анисии: она и правда смотрела на них как тренер, гордый успехами собственных учеников. У нее было свежее пожилое лицо, из подбородка росли жесткие белые волосы, и Нюте даже они показались симпатичными.

Нюта с Людой закончили не сговариваясь, не по команде, просто музыка иссякла, звон погас, сошел на нет естественным образом.

Мальчик, забрав у Нюты, протянул колотушку Вере. Она вежливо отказалась, прижала руки к груди:

– Спасибо, мой хороший. Мне в детстве медведь на ухо наступил, я стесняюсь. Правда! Давай лучше ты, у тебя замечательно получается.

– Хотите? – спросил мальчик у бледной взволнованной Сааякянц и протянул ей колотушки.

– Она у нас с музыкальным образованием! – похвасталась Люда. – Давай, Наташка, сыграй, так здорово!

Но Сааякянц смутилась, закашлялась, замотала головой. Жестами показала, что хочет спускаться. Они еще раз жадно осмотрелись, фотографируя глазами и памятью, Люда хаотично снимала на телефон. Нюта погладила тяжелые била. Полина запахнула ворот куртки, подсунула под платок вылезшие пряди.

А хорошо я устроилась, думала Сааякянц, спускаясь вслед за Людой. Хочу, с успехом изображаю молодуху, ДЕВУШКУ. А когда надо, можно сказатьс дамой, ЖЕНЩИНОЙ средних лет, схватиться за бок, ойкнуть, охнуть, давление, дурнота, все такое...

И никто не догадается, что тебе страшно.

Совсем уже вечером Дунин пошел в мастерскую. Он на свой лад претворял в жизнь принцип «ни дня без строчки». Даже если не было начатой работы, он наводил быстрый порядок, осматривал инструменты, сушащиеся деревянные заготовки, проверял, охлопывал укутанную глину, готовил замазку-вощилку по собственному рецепту, что-то переставлял. Листал иногда альбомы: любимая до дрожи Голубкина, Коненков, Сидур, Паоло Трубецкой, Андреев доленинского периода. Иностранцы Генри Мур, симпатяга Майоль, гениальный и чудовищный Вигеланд, весельчак Ботеро с его толстухами.

Со скульптором увязался Дима-гость. С ним, на правах хозяйки, пошла Нюта. После вчерашней бани она была умиротворенная внешне, размягченная, плавная, гладкая, волосы пушились и вкусно пахли.

Филолог Дима, человек кабинетный, чрезвычайно впечатлился мастерской. Во-первых, самой архитектурой, конструкцией, большими окнами на скате крыши (верхний свет). Внутри помещение (будто бы) в разы превосходило внешние размеры домика, какой-то пространственный фокус.

Как и в городе, в Сахарово Дунин содержал художественное хозяйство в идеальном порядке. Резцы, штихеля, топорики, кисти, скребки, банки и бутылки со смесями, олифа, морилки. Услыхав слово *морилка*, Дима затрясся каким-то своим лингвистическим восторгом. А что с ним стало, когда он услышал, а потом и увидел *комель*...

А это как называется? А это для чего? – Дима задавал вопросы, Дунин отвечал подробно и терпеливо, а иногда за скульптора отвечала Нюта, накачавшая компетенции за восемь лет совместной жизни. Деревянные заготовки Дима гладил своими, без мышц, длинными пальцами, нюхал. Филолог словно опьянел от этого деревянного изобилия.

Щурясь через верстак, Дима рассматривал стоящие на полках книги, альбомы, прикреплённые к стене наброски, эскизы, фотографии. Среди прочего здесь было красивое, просто очень красивое фото Нюты, не позирующее, а удачно схваченное. Явный эскиз для скульптуры. Нюта полубовалась собой.

– Кстати! – Дима повернулся к хозяевам так резко, что у него слетели очки. – Чуть не забыл! Ваш, из бани... сатир... стоп, нет! не сатир... – пан! – это же копия Кшиштофа Пендерецкого! Композитор такой, авангардист, поляк по происхождению... Я все мучился, где ж я его видел... Лицо такое выразительное, запоминающееся... И фрак, очки, скрипка... вы, Михаил, конечно, большой мастер... А я ведь в некотором роде меломан, тяжелое семейное наследие, детские травмы... (Дима гоготнул). А тут в июне в Новой Опере играли «Страсти по Луке». Концертное исполнение. Всего один спектакль, представляете? На российскую премьеру приехал сам автор! Пендерецкий ведь гений, живая легенда... Хотя его музыка специфична, трудна, далеко не все воспринимают. Так вы тоже его фанат?

Востроглазые студенты обнаружили пропажу Imponderability. Немедленно.

– Ой, а гдее? – развесила губы Евграфова. – Такие клааасные, я их полюбила... На выставке? А они вернуутся?

– Нет, Анфисочка, они покинули нас навсегда! – сказал Дунин патетически. – И зажили своей отдельной жизнью! И не вернутся к нам больше... Это как уехать в Москву из каких-нибудь Верхних Лямок Кудыкинского уезда. Ты бы вернулась?

Тема, неожиданно, увлекла Евграфову и других. И временно отвлекла от Imponderability.

Почти у каждого нашлись примеры удивительных, почти героических возвращений из столиц на малую родину.

Угомонились поздно. Дом, наконец, утих и погас.

Дунин и Нюта лежали на своей широкой богатырской кровати. Усталые, довольные, еще и тем, что завтра трехдневный марафон братания и деревенских развлечений завершится.

Наслаждаясь неподвижностью, Дунин внимательно смотрел в потолок.

– А Дима-то Веркин... – сказал он вдруг. – Эркюль, блядь, Пуаро!

Снаружи уютно выл ветер, дребезжали стекла.

С Нютиной стороны донеслись тихие всхлипы.

– Нют, ты чо? – испугался Дунин. В темноте потянулся к жене. Та откинулась, откатилась и засмеялась в полный голос, грубым солдатским смехом, подвывая и хрюкая.

Дунин всегда был смешлив, как мальчик, легко заражался, но этот Нютин хохот ему не понравился. Таким смехом, подумал он, можно захлебнуться. Как рвотой.

– Эй, перебудешь всех. На, запей, – сказал он жестко. Сунул ей в руки бутылку минералки.

Обулся, пошел на улицу курить.

Кстати! Возвращаясь к бане.

Собирая членов Пендерец-клуба Дунин совершенно не думал устраивать признаний. «Я пригласил вас, господа, чтобы сообщить вам...» И сцен разоблачения в духе Эркюля Пуаро не замышлял. Круговую исповедь в банных простынях и войлочных шапках не планировал...

Вообще не собирался касаться данной темы (Пендерецкого).

При этом у Дунина было смутное чувство, что (баней) завершился какой-то этап. А лучше б это был не этап, а финал. Истории, к которой все они причастны, так или иначе. Хотелось уже поставить жирную точку в этом музыкально-художественном квесте.

И, как раз, символически и физически очистить поры в свежесрубленном бытовом чистилище. В клубах пара, в ароматах душицы и эвкалипта.

Выпарить из голов юношескую глупость, нелепые страхи, фобии, стыдные для взрослых теть и дядь. Баня, надеялся Дунин, станет последним актом этой их Пендерец-комедии. От которой скульптор откупился (думал он) и освободился.

...Если было чего и жаль, так это творческих приходов, острого, почти полового накала, вдохновения. С которым прочно ассоциировался у него Пендерецкий.

И-эх! Ах... А! А! А! О! А!

Дальше пошла жизнь тихая, обыкновенная. Дунин работал, студенты учились. Пупырка, низведенная до упаковки, больше не искушала его.

Imponderability жила своей отдельной жизнью, Дунин не интересовался. Отрезанный ломоть.

А еще Дунин перестал слушать музыку. В мастерской. И вообще.

У него появилась новая страсть – лекции Димы Быкова.

Для него, не-филолога, в этих лекциях было что-то целебное, умывающее мозг. Дима лепил мысль, показывал анатомию литературы, мышечные узлы, биохимию прозы, объяснял, как вообще там все устроено, как работает и каким образом приводится в движение.

Быков настолько завладел Дуниным, занял его помыслы, что препод слепил из серого скульптурного пластилина отличнейший бюст писателя. Серое вещество, вот оно, серое вещество, думал Дунин, катая в руках послушную массу. На бюст пошло у него три четверга и два понедельника, дни, свободные от студентов.

Дима вышел отличный: раблезиански волоокий, ироничный, умный, схваченный в полемическом жесте.

В гипс перевести, думал Дунин, рассматривая бюст, или в бронзу?

(Про бронзу он, конечно, загнул. Сыронизировал, слишком это затратная история. И потом, куда его, бронзового, девать? На Аллею интеллектуальной славы?)

О том – куда – следовало подумать заранее. Прежде чем изводить на бюст писателя и мыслителя 25 кило отличного итальянского скульптурного пластилина.

Но! Дунин уважал творческие приходы. Они были для него не столько зов творческой природы, сколько ее закон. И отдавался им, как художественнообязанный – приказу.

Приказы выполняют, не переспрашивая.

Запеленутый в полиэтилен, в том числе от глаз любопытных студентов, Дима стоял до поры на верхней полке стеллажа.

Дунин расчехлил скульптуру всего один раз: когда приехал Черных.

– Ого, – похвалил Леша. – Мощно. Мастерство не пропьешь! Как назвал? *ВЕСОМОСТЬ*, в пандан к прошлой серии?

Дунин похлопал глазами, а потом заржал. Шутка показалась ему смешной. Как там у Ремарка (Дунин любил) – смеялся целый лес обезьян. Даже пополам согнулся, резануло смехом под дых, и закололо справа, как от бега на полный желудок.

– Ну что, брат, – продолжил Черных. – С возвращением тебя!

– К-к-куда? – спросил покатывающийся Дунин.

– Не брат, а сын! Блудный, – поправился Черных. – Как – куда? В лоно реалистического искусства.

В мастерскую заглянула Анфиса Евграфова. Был четверг, священный день-без-студентов, чем и объяснялась некоторая робость и скованность студентки.

А может, не только этим.

– Михалыгрич! Хотела посоветоваться...

– Давай! Советуйся! – взмахом ладони Дунин пригласил Анфису в кабинет-подсобку, – Присаживайся.

Сам препод опустилсся в знаменитое кресло с грифонами.

Кивнул начинать.

– Эта. Так вот... Мы с Натаном Евгеньевичем, куратором, развиваем тему моего диплома. Верней, сама тема родилась давно, еще на третьем курсе. А собственно контент мы продолжаем разрабатывать до сих пор. Там все время меняется... э... вектор. Диплом будет, короче, посвящен гуманизации городской среды. Это целая программа, комплекс изменений, структурных, ментальных. И мы решили, что центральной частью станет «сад камней». Не пугайтесь, название рабочее! Это совершенно не сад, и совсем не камней, мы пока не придумали подходящего названия. Натан Евгеньевич предлагает ПОРТ ТРОП, а мне кажется, это слишком... Все эти даблмининги, знаете... Мне хочется чего-то простого. Типа APPLE.

– Простого, – крикнул Дунин. – А... что это будет?

– Объект городской среды. Коммуникационный... сад... порт... – заметалась Анфиса. – Гибрид выставочного пространства, обучающего центра, ворк-зоны, зоны смыслов (Дунин наморщил лоб). Я бы хотела, чтобы это была именно ЗОНА. Как у Тарковского, помните? Живое пространство. Со своим характером. Со своими закидонами. Сменаами настроений... Эмпатией!

– Очень интересно, – удивленно похвалил Дунин. – Думаю, все получится. Тем более с таким куратором! Удачи! Приду к тебе на защиту, болеть.

– Так, Михалыгрич! Мне нужна ваша помощь... консалтинг! Как раз в создании этой ЗОНЫ! Концептуально она практически готова, осталось только сделать... Воплотить. В материале. Это будут объекты из ПУПЫРКИ. На самом деле, это вы меня вдохновили. А я Натана Евгеньевича. Эта ваша серия, объекты. В том углу стояли...

Дунин ухмыльнулся. Почесал в бороде.

– Анфиса. Пупырка – это всего лишь полиэтилен, ты в курсе? А не какая-то мыслящая материя... Не спорю, из нее можно смастерить... соорудить... очень... весьма необычные вещи. Чрезвычайно эффектные, выразительные, соглашусь. – Дунин тряхнул головой, как конь, отгоняющий слепней. – Но... живое пространство? Чувствующее... Думающее... Эмпатическое! Не представляю, как ты собираешься это делать.

– О, Михалыгрич! Это как раз самое простое, – сказала студентка с такой уверенностью, что у Дунина непроизвольно поползли вверх брови. – Самое сложное – создать объекты, физически. Но у меня уже готовы эскизы... Правда, пока еще довольно условные. Я принесла, вот, – Анфиса плюхнула перед ним нетолстую папку.

(Студенты выучили, что эскизы Дунин воспринимает материальные, что приходить к нему с планшетом или ноутбуком и тыкать пальцем в экран бесполезно.)

Анфиса подтолкнула папку к преподавателю.

– ...Э... Михалыгрич, когда я... мы... могли бы приступить?

Дунин в своем грифоновом кресле хранил молчание.
– Пупырку я уже заказала, много! – не сдавалась Анфиса. – Еще хотела спросить...
Что нам может понадобиться? Кроме клея и макетного ножа?
Что-что, мое согласие, мрачно подумал Дунин.
И Пендерецкий, сатанински захохотал он, разумеется, про себя.

Баннй черт

Не ожидал его здесь встретить... Нет. Не так.

В бане, конечно, всякое может померещиться.

Тем более что я тот еще баник. С моими сосудами.

Так, чисто за компанию.

(«Чисто за компанию» – хороший слоган для банного комплекса. Или плохой? Понятен ли инсайт?).

Но, когда тебе бросают вызов мощные заслуженные мужики, отличники банного дела... Из компании женичины, с которой ты хочешь быть.

Меньше бы удивился, если бы встретил тут, не знаю, Толстого. Деревня, Толстой, естественное сочетание.

Или Пушкина. А полы кто будет мыть? Пушкин?

Это как раз понятно... Для нашего менталитета.

Или, поскольку тусовка художественная, старика Репина, казака Васнецова, не знаю, богатыря Коненкова. Не очень в них разбираюсь...

Но повстречать в деревенской бане, за стописят км от города композитора-авангардиста...

Сам Кишиитоф Пендерецкий, живой классик, встретил меня у входа. Фигурально, конечно, выражаясь. Несмотря на близость парилки и языческую банную атмосферу, Маэстро был во фраке, белоснежной рубашке, своих фирменных тоненьких очках. Это – сверху. Нижнюю часть составляли мохнатые с мощными копытами ноги козла.

Мостиком между верхом и низом, звеном смысла, была скрипка.

Вы возразите: баннй черт, обычное дело. Ряженный. Хоть со скрипкой, хошь с гармошкой.

Почему сразу Пендерецкий? Увидеть в мохнатом банном черте польского композитора? Это ж сколько надо выпить...

Узнает в графине мать.

Но, друзья мои, я не обманулся. Лицо гениального поляка выучено мной до мельчайшей черточки. Вы бы спутали, не знаю, Чайковского? Бродского? Марлен Дитрих?

Так и у меня с Пендерецким.

Вопрос: что делал маэстро – в бане?

Ответ: служил подставкой под войлочные шляпы.

Вопрос: что это, конкретно?

Ответ: деревянная скульптура (хозяин дома – художник, скульптор). Вырезана автором в загородной мастерской. Установлена в предбаннике новой бани.

Вопрос: почему в бане?

Ответ: тут как в детской загадке. Черное, блестящее, на крыше – ? Рояль. ?????????????!!!!!! Мой рояль, куда хочу, туда и ставлю.

Вопрос: признал ли автор, что скульптура изображает именно Кишиитофа Пендерецкого?

Ответ: да, удалось спросить прямо. Автор не отрицал, что в образе Пана использованы черты польского композитора.

Вопрос: почему скульптор изобразил именно Кишиитофа Пендерецкого? Автор – поклонник творчества польского композитора?

Ответ: скульптор ответил уклончиво. Не отрицал, что знаком с творчеством композитора, но причислить себя к фанатам не решился.

Вопрос: почему Кишиитоф Пендерецкий изображен в таком сомнительном, можно сказать, срамном образе: сатира, Пана? Имеются ли здесь коннотации, связанные с творчеством композитора, конкретными его произведениями? (не задан)

Ответ: -

1. Аллея Толерантности
2. Питомник Любви
3. Целуй-Город.
4. Площадь Правды.
5. Проспект Перспективы.
6. Сидячий мост
7. Тупик Тоталитаризма
8. Сашино Шоссе
9. Улица Цоя
10. Площадь Летова
11. Па-Па-Парк
12. Площадь Равных Возможностей

– Отлично придумано... Есть хорошие ходы. А почему именно двенадцать?

– Ну, как апостолов. Хорошее, сбалансированное число. Дюжина. Вам, правда, нравится? Я так долго придумывала... Тестировала на знакомых. Это уже пятый или шестой вариант списка...

– Ух ты! – вежливо восхитился Дунин. – Что ж, пупырка тебе в руки! – он кивнул на здоровенную бобину упаковочного материала. – Вот клей, вот скотч, ножницы. Можем сделать проволочные каркасы или даже что-то попрочней. Главное – начать.

Анфиса подошла к пупырке. Рулон был в три раза больше студентки. Студенисто поблескивая, бобина стояла и смотрела на Анфису.

Анфиса, это пудинг.

Пудинг, это Анфиса.

Дунин наблюдал, стоя в дверях подсобки. Странность заключалась в том, что Дунин и сам не понимал технологии. Отрезать кусок? Выкроить основу? Сделать развертку? Драпировать, как ткань на манекене? Скомкать и набирать из массы объемы?

Анфисины эскизы были весьма условны и приблизительны. С точки зрения образа все было ок, что же касается формы, все находилось в зачаточном состоянии, 2-3 недели внутриутробного развития. Этого, пожалуй, хватило бы для работы в пластилине. Начать, добавить, уточнить, детализировать.

Колдуя над своей Невесомостью, Дунин обходился не то, что без эскиза, – даже без замысла, без малейшего представления о том, как действовать и что должно получиться. Он пытался вспомнить технологию «лепки», но анализу она не поддавалась.

Чистая алхимия.

Типичный практик, Дунин всегда знал, КАК СДЕЛАТЬ. Синдром умных рук. Бывали моменты, и нередко, когда он не знал, ЧТО, сомневался в качестве идеи, замысла, проработанности эскиза. Но на интуитивно-первобытно-родовом уровне УМЕЛ сделать все, что так или иначе проходило по ведомству ваяния и технологии.

И вот, приехали.

Дунин чувствовал... ну, можно сказать, панику. Никогда он не был так близок к провалу.

К полному фиаско. (Крушение всех надежд, шесть букв, вторая и.)

- Меня сейчас стошнит. От стыда.
 - Это всего лишь секс.
 - Ты тощий. Ты не в моем вкусе... У тебя руки как у девушки.
 - Какие есть.
 - У тебя вялый живот.
 - Знаю. Самого бесит... Нужно пойти в спортзал, я куплю абонемент...
 - А любовник ты... хорошо, на крепкую тройку.
 - Главное, крепкую. Я не претендую... Да, не профессор.
 - Я не должна... Помешалась. Двойное предательство.
 - Тебе было хорошо?
 - Да. Почему-то.
 - Ну и хорошо. Это главное. Значит, имело смысл. Никто не узнает. Ни ... , ни
- А ты забудешь, обещаю. Есть такой прием НЛП...
- Тогда, может, ЕЩЕ РАЗОЧЕК?

.....

(эпизод, целиком придуманный и разыгранный Ньютой на два голоса).

Какая пошлятина, думала Ньюта, что у меня в голове. Я читаю и перевариваю тонны хороших книг, а думаю макулатурными словами. Все плоско и кисло. Дрянь и дешевка... Я вообще потеряла любовную квалификацию.

SOS.

СМС-ки пришли почти одновременно, с разницей в 15 минут.

Нужно встретиться по важн. делу

Дев 53 см 3500! и двенадцать радостных эмодзи.

Первая от Алины.

Вторая от Полины.

Дунину не хотелось звать Алину в мастерскую, категорически. Но арт-критик настояла. Только не в кафе, сказала она, а где тогда?

– Очень рад, – сказал он. Оказалось, правда рад. Выглядела Алина не очень. Нет, не так. Выглядела Алина безупречно, но с тревогой в глазах казалась не такой лощеной. Это, странным образом, к ней располагало.

Студентов уже не было. Анфисины «ужасы нашего городка», как он их называл, стояли отгороженные фанерной ширмой: чтобы обнаружить их, требовалось разобрать баррикаду.

– Вы в порядке? – спросил Дунин. – Чай, кофе. Есть ряженка.

– А что-нибудь выпить?

– Обижаете! Водка, коньяк? Есть ром, кто-то принес, но я не пью такую гадость. Ром – для баб, ромовых. Вина нет, к сожалению.

– Можно коньяк?

Вот это «можно» было совсем не Алиного словаря. Дунин налил ей в самую красивую керамическую стопку, синенькую снаружи, сливочную внутри, коньяк в ней горел и переливался. Нашелся лимон, Дунин нарезал его прозрачными колесиками.

Скульптор не пустил Алину, на всякий случай, в кресло с грифонами, но выделил ей отличный гостевой стул, практически гамбсовский.

– Михаил. Не удивлены моим приходом?

Он так энергично замотал головой, что в бороде зашумел ветер.

– Вы вообще ничего не знаете?

– Смотря о чем речь. Вообще я слежу за новостями... У друга дочка родилась вчера, отличная новость. А что вы имеете в виду? Говорите, а то я нервничаю.

– А вы предположите? Я знаю, с интуицией у вас все отлично.

Дунин почему-то не разозлился в ответ на дурацкое предложение. И вообще был рад затянувшейся интродукции.

– Так. Хорошо... Но, для начала, в любом случае, хотя они – вы? – и отвалили за объекты кучу бабок, – это всего лишь пупырка, клей, скотч и пара сотен скрепок из степлера.

Алина Шпак внимательно и благожелательно слушала его легкомысленный треп. Он продолжил.

– Нет, я понимаю, там одной концепции на миллион. Туда вбухано интеллектуальной, организационной энергии немеряно. Вложено корпоративных упований... Но, Алина! Будемте честны! Это все-таки не мальчик, вынимающий занозу! И не Даная...

Она слушала, кивала.

– О, я догадался! Все просто! Их – украли. Какой-нибудь сумасшедший олигарх придумал украсить ими свои три скромных гектара на Рублевке... Возможно, миллиарды он сделал в добывающей отрасли, и его поступок не лишен ностальгического чувства. В Невесомости ему дорого именно ее нефтегазовое происхождение. А не, упаси Бог, художественная ценность.

Алина тихонько заржала.

– А что? – резвился вдохновленный Дунин. – Помню случай: ночью в райцентре какие-то умельцы унесли городской фонтан с двумя наядами. А по весу это точно была не Невесомость... (Дунин кхекнул, довольный каламбуром.) Так вот, их я скорее готов понять...

– Невысоко же вы цените свой труд, Михаил.

– Мой труд щедро оплачен. И отчужден мной уважаемому Заказчику, да хранит Господь его седины...

– Слушайте. А почему вы не предположили банальный пожар?..

Дунин почувствовал, что у него затекла, занемела грудь, зашумело в ушах.

– ...Обычный пожар. Возгорание, проводка. Или поджог. Пламя сжигает полиэтилен. Хрустит латунными табличками... Объекты плавятся, текут, воняют... Выделяют токсичные вещества...

Сукин ты сын, подумал скульптор, сволочь продажная.

– Все целы? – выдохнул Дунин. – Люди? Насрать на объекты...

– Михаил. Да успокойтесь вы, Бога ради. Не было пожара... Это я так, гипотетически. Простите меня!

Дунин молчал, слушал, как пульсирует в ушах.

– И вообще все нормально! Все по плану...

А чего тогда приперлась, подумал Дунин.

– ...если бы не это, – Алина достала из сумки сложенную крафтовую бумажку. Протянула Дунину. – Вот.

Он покрутил в руках. Потянул за сложенную ножку. Оригами. Бумажный журавлик.

Дунин плеснул себе коньяка в кружку I love Lviv.

– Это... откуда?

– Во вторник привели школьников, старшеклассников. Прямо к открытию. На экскурсию. У нас организовано что-то типа выездных лекций по органической химии. С легким профориентационным пафосом. А у каждого объекта лежит по такой штуковине. Одинаковые. Из упаковочной бумаги, или это обои...

Дунин раскачивался с нехорошей улыбкой. Threnody for Victims of Hiroshima тихонько завывал в его голове.

– Кто-нибудь в курсе?

– Я. Только я... Смотрительница собрала их и передала куратору. То есть мне...

– Ох, – сказал Дунин. – Слава Богу... А то меня чуть кондратий не хватил.

– Что именно слава Богу? – спросила Алина, помолчав. – Вы считаете, все в порядке? Помните, вы меня пугали тогда... мистифицировали... в «Мангусте»? Поймите, я не могу рисковать!

– В порядке, что все живы-здоровы. А это, – он покрутил в руках сложенную бумагу, – кто-то из своих. Дразнится... Противно. Но не страшно. Так, провокация, игра...

– Кто-то из своих?

– Да. Потом объясню. Не сейчас, ладно? Главное, объектам, людям, вам – ничего не угрожает.

– Уверены?

– Алина, скажите. Вы живете одна? – ответил Дунин вопросом на вопрос.

Арт-критик поперхнулась.

– Да. Сейчас одна. А что?

– Поехали к вам? Прямо сейчас.

Алина хотела что-то сказать, но не стала. Она допила из пухлой рюмки. Прожевала, не поморщившись, колесико лимона вместе со шкуркой.

Встала. Поправила тонкий ремешок на узком плече.

Взяла двумя пальцами, как насекомое, бумажного журавля.

– Это оставить?

– Что-то случилось? Так поздно...

– Нужно было закончить... Ждал... Пока схватится.

– Это все?

– Да. Нет.

– ?

– Я в кино. В фильме...

– Ты был в кино?!

– Нет, просто я в кино. Со мной происходит кино.

– Слушай, объясни нормально. Третий час ночи...

– Помнишь объекты?

– Невесомость?

– Да. Помнишь, что я слушал, когда их делал?

– Пендерецкого... Так. Сейчас. Ты говорил мне... Памяти жертв Хиросимы?

– Смотри, что подбросили на экспозицию. Под каждый объект по такой штуковине...

.....

– Из... обоев??

– Из обоев...

– Есть идеи, кто это сделал?

– Так, предположение.

– Дунин. Но ведь это не детектив? Твое кино...

– Нет. И не фильм ужасов...

– А что? Притча? Убить дракона?

– Давай завтра? Ок, уже сегодня. Я вырубаюсь...

.....

– Эй, Дунин. Откуда журавлик? Шпак?

.....

Ужасы нашего городка прибывали. По плану, по графику, по мере поступления. К середине апреля готовы были уже девять из двенадцати.

Странно вот что. В качестве материала для Невесомости пупырка была мягкой, пластичной, как глина. Будто оплавленной. Дунин *лепил* из нее.

Для «городка» пупырка выдала стройность, структурность, подчеркнутую рядами пупырей. Сейчас это был современный, энергичный, внятный городской материал.

Типа стемалита.

После недолгих внутренних торгов Дунин решил применить известный лайфхак. Никакой мистики, чистая технология на основе синтеза искусств.

Что теперь, сдохнуть, охраняя рубежи?

Мой опыт, мои наработки. Моя профессия. Моя жизнь.

– Анфиса, – сказал ей Дунин. – Вот здесь, на планшете, мы крепим твои эскизы. Тщательно продумав последовательность, внутреннюю логику. От первого до двенадцатого. Делать... создавать их... мы будем под музыку. Это такой мой способ, делюсь. Музыку я подобрал сообразно творческим задачам.

– Пендерецкого? – спросила Анфиса. – Я уже поняла, он вас вштыривает. Не поняла, правда, почему.

– Да. Вштыривает. Именно. Поймешь по ходу.

Первый объект они сделали за день. Это было *Сашино Шоссе*. Дальше пошло как по маслу.

Как по шоссе.

Дунина штырило и перло, жизнь играла мускулами, стала внятной и бодрой. Это как копать яму, по замечательно описанному Александром Чудаковым способу доступного физического наслаждения. Радость осмысленной и нужной работы. Огораживаешь колышками, натягиваешь веревку, и пошел махать заступом. Задача ясна и понятна, мышцы поют, корни срезаем ребром лопаты, яма углубляется, гора черной торфяной земли растет.

Художественные операции с Пендерецким упростились и автоматизировались до махания лопатой. За них с Анфисой думали руки. Они вошли в ритм, в унисон, вообще не разговаривали, не советовались, ничего друг у друга не уточняли. Работая над одним и тем же не слишком крупным объектом, ни разу друг друга не задели, физически. Не причинили неудобств. Это был какой-то бесконтактный балет.

Правда, вначале важно было подумать над эскизом. Проговорить его словами. Проартикулировать.

Длинный прямоугольник закреплен на ножках. Опоры стоят на земле. Похоже на длинноногую скамейку-переростка. Шоссе сначала идет параллельно земле, потом разноименные концы его делают кульбит: один совершает резкий поворот вправо вверх, второй свивается в колечко.

И сосала сушку...

Сашино Шоссе вчерне было готово вечером того же дня. Они даже обедать не ходили, даже чай не пили, тянули по очереди минералку из горла, из зеленой бутылки «Новотерской».

Анфиса вытерла потный лоб тыльной стороной ладони. Села на стул:

– А... пупеть, – сказала она устало и восхищенно.

– Да, неплохо получилось, – согласился Дунин, оглядывая Шоссе. Ноги у него гудели, будто он, не присев, прошел километров двадцать.

Журавля он повесил под лампу над рабочим компом. Если подуть, или просто подышать посильней, журавлик завивался вокруг своей оси. Аккуратно сложенное ловкое оригами. Видна рука, не школьник делал, складывал. Журавлик, один из двенадцати. Кто-то не поленился настричь из обоев двенадцать квадратов и сложить из них журавлиную стаю.

Целая, блядь, художественная акция.

Кто, ну кто вздумал дразнить его таким подкольным, мелкотравчатым, девочкиным способом?

Главное, зачем? Вопрос целеполагания.

Запугать?

Проучить?

Вселить тревогу?

Ой, ну смешно...

Самым странным и явно незапланированным результатом журавлиной акции стал роман с Алиной Шпак.

Отторжение, неприязнь и страх внезапно, как по волшебству, обернулись своей противоположностью. Дунин слетел с катушек. Страсть обрушилась на него, как ледяная вода из бочки. В его сомнительной ценой купленной бане...

Эстетический фашизм Дунина обратился в экстатический фетишизм. Лишенная одежд арт-критик напомнила ему одновременно все лучшее в мировой культуре. Начиная с Климта, Шиле, Холдера, и заканчивая...

Женщина-ложка, женщина-ложка, бормотал скульптор, слоновая кость, черное дерево. Любовь с самого детства, из-за стекла, в тихой и таинственной тьме Египетского зала. Вот почему ты белая и не загораешь, ты – из слоновой кости.

В десять лет я хотел тебя украсть, и вот краду, спустя годы...

Алина Шпак совершенно ошалела, потеряла ориентацию во времени и пространстве от потока культурологических нежностей, скульпторских ласк, щекочущих брадатых поцелуев. Последние происходили скорее из соседнего зала: Вавилон, Ассирия, мощные человекобыки с курчавыми бородами. Алина скоро превратилась, действительно, в ложку, которой Дунин загребал жар преступных удовольствий.

Глубокой ночью, всклокоченный, пьяный, он все же сорвался домой. Проверив, похлопав и потрогав в большом нагрудном кармане бумажного журавля.

Как партбилет в бородатых анекдотах.

Гоч. Очевидно, однозначно Гоч.

Кому еще это интересно?

Кто появляется и исчезает? Кто провокатор? Экспериментатор... Возмутитель.

Кто любит поучать? Педагог, бля.

Дерзайте, терзайте! Рвите бумагу! Ломайте устои!

Кого не берет морская болезнь?

Кто у нас главный по обоям?

Тупик Тоталитаризма, первый из всех, и последний, двенадцатый, не получался.

Не шел.

Что-о-о, Данила мастер, не выхо-о-о-одит Каменный цветок?

Они с Евграфовой действовали по привычной, исправно работающей схеме.

1. Посмотреть эскиз.

2. Тщательно проговорить его в деталях. Вслух! Проартикулировать.

3. Завести Пендерецкого.

4. Приступить и работать до полной готовности объекта.

Вертикальный прямоугольный ящик, довольно глубокий, как бы в обратной перспективе. Немного похож на поставленный на попа гроб. В прямоугольник вписана конструкция в виде буквы Т.

В виде эскиза выглядело очень даже неплохо, убедительно. Завершенный объект получился похож на обледенелый сельский нужник без двери. Тоже по-своему выразительно, но не то.

– Анфиса, не, не годится. У нас объекты какие? Городские. А тут – село. Ни пафоса, ни вида. Ошибка на стадии эскиза. Даже замысла. Почему Тупик? Подумай... Это сопротивление недодуманной сырой идеи. Думай, рисуй, черкай! С Натаном обсудите... А то действительно тупик.

Дунин вытолкал Евграфову, расстроенную, растерянную.

Ничего, бывает. А то все слишком гладко, сладко.

Как по нотам. Дунин улыбнулся нечаянному каламбуру...

У скульптора неожиданно образовалось несколько свободных часов. Зазор, пустота.

Вечерком хотел заглянуть Черных с бутылкой, но пока не подтвердил. Папаша!

Дунин сел в грифоновое кресло. Перед глазами качался на нитке бумажный журавлик. Скульптор вспомнил приснопамятный вечер, когда птица выпорхнула из Алининой сумки. Кровь бросилась в лицо и пах.

Дунин потянулся к телефону, вспомнил, что Алина в Венеции, на биеннале. Писать слова, посылать сердечки или селфи, все это был не дунинский стиль, и скульптор просто налил себе коньяка.

Женщина-ложка, женщина-ложка.

Тупик, однако, не шел из головы. Как мастера и технолога, Дунина такие вещи выбивали из колеи, застили все остальное, включая интересы телесного низа. Он думал про тупик, про эту странную домовину, не вписывающуюся никак в их милые, ладные, понятные обаятельные ужасы (прелести) нашего городка.

Дунин почеркал на бумажке, посклещивал между собой две буквы Т, но толку не было. Получался то турник, то вообще полная фигня.

Скульптор завел прерванного Пендерецкого, пошел по мастерской со стопкой. Коньяк маслянисто плескался, облизывая стенки. Так, наверное, тяжелые воды венецианского залива облизывают гондолу, где сидит белая в черном и алом Алина Шпак.

Скульптор помотал головой, отогнал соблазнительное видение. Осмотрел одиннадцать готовых фигур за ширмой.

В руках возникло знакомое жжение, зуд, покалывание, и настроение вдруг испортилось. Облом сегодня вышел с тупиком. Осечка! Дунин не любил, когда не получалось.

Что-то там Анфиса с Натаном не додумали... Потому и эскиз вышел формальный, пустой, не наполненный.

Или другая причина?

Захотелось лопнуть парочку пупырей, выпустить пар. Прямо пальцы зачесались... Анфисины ужасы для этого не годились, следовало сохранить целостность объектов до защиты.

Дунин направился в угол, где стояла и сверкала сильно похудевшая Анфисина бобина. Лопнул несколько штук по краю, все равно пойдут под нож. Нож, вилка, ложка, женщина-ложка.

Дунин включил у себя в голове эскиз, покрутил так и сяк. Потянул на себя мягкую слюду пупырки.

Тупик Тоталитаризма, говорите?

– Дунь, ты в Москве? Или в Сахарово? – голос у Саакянц был запыхавшийся. Наверное, звонила прямо с беговой дорожки, или гнала на велотренажере, или просто бежала. Наташка совершенствовала свои формы и содержание, бесконечно. Саакянц было что терять: высокая, тонкая, звонкая. В юности Наташа была практически древнегреческая кора. С проступающими чертами краснофигурных бегуний: сказывались занятия легкой атлетикой. Не музыкалкой единой.

По правде говоря, лет дцать с лишним назад имел место эпизод, когда Дунину удалось рассмотреть Саакянц во всей красе двадцатилетней наготы. А вот познать, в библейском смысле этого слова, – увы, не склалось...

К их общему тщательно скрываемому сожалению. И декларируемой пользе такого исхода для обоих не-участников.

– Я в Москве. Работаю до конца июня.

– Миша, короче! Объявляется режим предельной осторожности. Не слушай ничего предосудительного. Не стой под стрелой. И вблизи высоких деревьев. Хорошо? Совет тире предупреждение. Проще говоря, никакого Пендерецкого.

– А что случилось-то? Наташечка, слышь, приезжай, а? Я один, Нюта смылась в Сахарово. У меня есть отличное белое. И к вину есть. Приезжай, я соскучился!

– Дуня! С великим бы удовольствием, но я в Тбилиси до конца недели, а потом в Мюнхен, а потом в Питер, еще не на знаю, на сколько. Мутим потрясающий проект! Миша! У меня с телевизором немножко двинулось с мертвой точки. Я тоже вина привезу... Увидимся!

– Жалко... Пока!

– Дунин, ты меня понял? Все, обнимаю!

Скульптор очнулся. Кто-то сильно тряс его, больно моталась по твердому голова. Он почувствовал свой будто чужой одеревеневший затылок.

В рамке с трудом раскрытых глаз багровело Лешино лицо. Почему такой красный?

– Ле-е-еша! – радостно протянул Дунин. – Черных! Я рааад. Какими судьбааами?

Над багровым лицом друга белым полем расстился потолок мастерской. Какой необычный ракурс! Желтело в мутных плафонах электричество. Дунин отметил черноту по стеклянным углам, запылились. Неопрятненько.

– Дунин, ты охуел? Что ты изображаешь? На тебя напал паук из Сумеречного леса?

Дунин очнулся от морока. Болело в затылке, закаменевшее тело плавало в поту. Свело прижатые к бокам руки, ломило шею.

Скульптор рванулся сесть, но не смог. Потянув шею, осмотрел себя. Он лежал плотно спеленутый прозрачной пупырькой, чернея внутри, как муха. На полу, почти на середине мастерской.

Черных стоял над ним, низко склонившись, с томатным лицом, и рвал у него на груди полиэтилен.

– Леша... Там нож где-то валялся.

Черных взрезал на Дунине полиэтиленовый кокон, вынул друга, как ветчину из вакуумной упаковки. От скульптора сильно пахло коньяком. На Черных запах подействовал успокаивающе. Это хоть что-то объясняло...

– Играешь в Тутанхамона? Я с пяти часов звоню, пишу, прихожу с коньяком. Хорошо, охранник вспомнил-пустил. Олег, ты нас знакомил... Это что за обертывания? Миша, ты спятил?

– Тупик, – сказал Дунин, – Леша, это тупик. Как пиздец, но хуже.

– Все пропало. Все посыпалось... Как карточный домик с Кевином Спейси. Дунин недавно сказал про себя: я в кино. Намекал на масштабы происходящих с ним перемен... Так вот, теперь и я в кино. Только мы с ним в разных фильмах...

Нюта сидела у Веры в ее маленькой беленькой студии. У Веры была мадера. Вера-мADERA, не очень удачный выбор, но выбора не было. Важно успеть выговориться до конца бутылки, от мадеры хмелеешь быстро и наверняка.

Вера подлила в бокалы, сравняла уровень. Подняла глаза на Нюту.

– ...Причем это медленная история, странно постепенная. При всей внезапности... Началось ровно год назад. Хотя на самом деле раньше, двадцать с лишним, но это в предыдущих сериях. Я не уложусь за одну бутылку. Потом расскажу, это чистый Кинг. Вер, Дунин влюбился.

– ???

– Арт-критик, довольно известная девахА. Так вот, Дунин ее просто не переваривал. Избегал. Он боится баб с интеллектуальным напором. Сам-то не блещет, собственный его ум не в голове.

– ???

– Нет. В руках. Умные руки. Феномен мастера-ремесленника. Встречается и среди художников, станковистов, прикладников... Я знала женщину-скульптора, керамиста... мы с Дуниным у нее и познакомились – она двух слов связать не могла. Такая, вроде, знаешь, ограниченная... Зато могла слепить портрет по описанию. Точность, сходство зависели от качества описания. Будто ее руки залезали тебе в мозг, в память. Это как в пластилиновом мультике, только там монтаж, а тут прямо в режиме живого времени, – Нюта сделала глоток. – Так вот! На выставку Дунина – я тебя звала, помнишь, но ты тогда была в Швеции, не смогла прийти – привели Алину Шпак. Наташка Саакянц ее добыла. Между прочим, залучить ее не так просто. Звезда! Знаешь, и я тогда уже что-то почувствовала! Хотя Дунину эта Шпак страшно не понравилась. От слова страшно. Он ее испугался! Молодая, решительная, злая, уверенная. Опасная. Из породы самых умных. А у него ж полно комплексов. Господи, как у всех у нас. И, Вер! Эта Алина мне тогда сделала какой-то дежурный комплимент – что, мол, на этой выставке я главный экспонат. Я, а потом уже все остальные... И мне это как-то как серпом по яйцам, неправильная похвала, ненужная. Осталась от нее оскомина, хотя все хорошо, друзья, радость, вино, успех.

Нюта отдышалась, приложила к бокалу.

– И эта Шпак, в результате, запала на Мишины работы. Чем-то они ей прижились. Зацепили. И она спустя какое-то время продала их корпорации, под каким-то очень лестным соусом для Дунина как автора, и особенно для себя как куратора. Ты приблизительно знаешь эту историю. Неслабый гонорар, баня.

Нюта отхлебнула.

– Дунин всю дорогу этой Алины боялся, сторонился. Ты бы видела, как он ей перезванивал. Мучился, с духом собирался, как в прорубь нырял! А у него есть такое... если кто-то ему не люб, он как ребенок будет избегать, прятаться. Я в детстве не выносила родительского приятеля, такой Рустам. От него странно пахло. Как из дачного шкафа, когда приезжаешь после зимы. Я не входила в подробности, что он, может, одинок, недостаточно ухожен. Или, может, беден. Я просто его не переваривала и не видела в нем ни обаяния, ни ума, а он был ученый, физик. Вер, так Дунин и сейчас такой. Как я тогда...

– Он летом к ней на встречу собирался – только что не выпил на дорожку. Для храбрости. Фронтовые сто грамм. Но наелся, ты будешь смеяться, они встречались в кафе, и он навернул перед выходом полный второй обед.

– Я не пошла тогда на открытие... Стра-а-ашно пафосное! Дунина нарядила, отправила, а саму с души воротит. Потом Дунин рассказывал, что на презентации все официанты были как пародия на него: бородатые и с вьющимися волосами, как на подбор. Молодые, красивые, но – шарж. Смешно? Не знаю... Он тогда счел, что Алина таким

образом щелкнула его по носу. Дунин ведь сначала на ее предложение ответил отказом... таким, снисходительным, с высоты лет... Она отказ проглотила. Подождала, надавила, известным способом. И Дунин сдался, сдулся. Результат всех устроил: у нас баня, у Алины успешный проект и шикарный клиент. Все удовлетворены, никаких претензий. Никакой славы, конечно, но это с самого начала было ясно. Хотя она сулила Дунину вход в категорию А. Но Дунин, как ни странно, не амбициозен, ему главное работу давай... Мы с этой Алиной вообще существуем на разных этажах животного мира... Кстати, не поручусь, что ее этаж – выше.

Нюта клюнула своим бокалом Верин, выпила.

– А теперь, Вера, он ее трахает. Белую, как самка аксолотля. Как шампиньон, это все Дунина сравнения. И ладно бы. Но надо знать Дунина. Он влюбился. Ходит в эротическом угаре, веселый, счастливый. Нежности хватит на десятерых, всех готов затискать. Мне тоже перепадает. Борода лохматая, глаза синие, губы трясутся. С живота спал. Помолодел.

Нюта подлила себе мадеры.

– Вер, мне ли не знать. Восемь лет живем! Ко мне он уходил такой же, трясущийся...

Вера потянулась к Нюте, обнять, погладить, но та отпрыгнула. Мадера действовала, усиливая громкость речи, придавая движениям размашистость.

Нюта выхлебала остатки из бокала. С некоторым усилием утвердила его на столе.

– Вер. Раз у нас... у меня вечер пьяных признаний, я договорю. А я переспала с твоим Димой. Независимо от Дунина, от Шпак, от всей этой истории. Раз пятьдесят! Или сто, я не считала... Прямо вот здесь! – Нюта выставила средний палец правой руки и постучала им по собственной голове.

Анфиса ворвалась в мастерскую в понедельник рано утром, часов около двенадцати.

На шум выглянул из подсобки Дунин. Выглядел препод не очень, поникший, ссутуленный. Тусклый взгляд. Синий линялый халат вместо ковбойки. Слесарь слесарем...

– Вы в порядке, Михалыч? А то какой-то вирус ходит, у матери полработы на работу не ходит. А мне нужен ваш совет! – выпалила Евграфова на одной ноте.

Дунин кивнул осторожно, будто боялся расплескать содержимое головы. Он был какой-то чудной, замедленный, плавный в движениях. Будь Евграфова постарше и поопытней, она бы стала тасовать в голове медицинские версии произошедших с преподавателем перемен. Но Анфиса продолжала частить:

– Мы тут чуть не подрались с Натаном Евгеньевичем. *Тупик Тоталитаризма* убрали. К чертовой матери! Вы абсолютно правы... Он диссонирует, не вписывается. Спасибо, что показали мне это. Среди позитивного урбанистического поля – Тупик, и еще с какой-то каверзой. С подоплекой. Потому-то он у нас и не получался...

Дунин смотрел на Евграфову, вглядываясь, будто она была сделана из непрозрачной пупырки.

– Так вот. У нас был мозговой шторм. Мозговая битва! Натан придумал и предлагает сделать Сквер Скреп. Это, вы поняли, отголоски недавней истории в Ёбурге. Визуализация – прозрачный прямоугольник-забор, внутрь как бы вплавлены силуэты людей, держащихся за руки. Или, скорей, под локти. Ноги расставлены... Живой щит. Памятник гражданскому сознанию. Территория свободного и разумного волеизъявления.

Помолчали. Дунин смотрел уже не настолько насквозь.

– ...А мне кажется, это не актуально! – горячилась Анфиса. – Нет, конечно, актуально, но это же опять тупик. *Тупик тоталитаризма*, вид сбоку. Для меня как для автора, молодого горожанина... горожанки... есть гораздо более острые темы. Диплом же

мой, не Натана! Я много думала... И с друзьями обсудила, что нам все-таки нужно от города. В городе. В идеале. Урбанистический запрос молодежи. Все сказали, единогласно: нужна БОТАЛКА!

– Боталка? – Дунин брезгливо повторил дурацкое слово.

– Именно! Бесплатная удобная эстетичная зона для учебы, занятий. Какая-то приспособленная. Вашему поколению, я знаю, негде было... заняться сексом. А нашему – негде учиться, в смысле, заниматься. Думать. Дома? Исключено. В библиотеке? Нет, не то! На травке в парке? Можно, в сезон, миленько, но неудобно. Нам бы хотелось делать это в компании. Друзей, единомышленников. Быть рядом, но не вместе, не мешать друг другу. Это близко к идеям коливинг. Умное, приспособленное, комфортное место. Красивое. Современное. Уважительное. Дружественное. Чтобы спокойно ботать, то есть работать.

– А, в этом смысле боталка. БОТАЛКА-коворкинг?

– Или коворкинг БОТАЛКА.

Дунин немного ожил, порозовел.

– Так. Ясно. Мне нужен эскиз.

Анфиса немедленно подсунула ему несколько изрисованных листов.

– Никаких скреп и тупиков! – сказал Дунин решительно и потянулся за очками. – Конечно, БОТАЛКА. Коворкинг, ковер книг. Коливинг. Или просто БОТАЛКА.

– Ну что мне с тобой делать, – сказал обессиленный Черных. – К стулу скотчем примотать? Сдать в психушку?

Дунин сидел в грифоновом кресле, по-фараоновски положив руки на колени, и смотрел на однокурсника пустыми глазами. Вид он имел плоский, как тамареска.

– Миша. А ты вообще понимаешь, что я тебя спас? Не в смысле я герой, но если б я не пришел? А если б ты коньки отбросил в этом своем саркофаге...

Дунин молчал, не отводя глаз и не моргая.

– Выставка одна. Выставка другая. Контракт. Баня! Какого тебе еще рожна? Что ты присосался к нему? Ты наркоман, Миша?

Дунин вскинул руку, будто просясь к доске. Сказал глухо, будто еще спеленутым голосом:

– Тебе, наверное, кажется, что это сезам. Что я захожу и беру, сколько нужно. А это не так. Он меня не спрашивает. Сам звучит. В голове включается... Может, вселился?

– Может, ты отпуск возьмешь, Миша? Сменишь обстановку? Съездишь в санаторий? Грязи, воды, ванны...

– У меня защита дипломов и все, я свободен. Три недели.

– Миша. Я тебе не нянька. Не сторож. Ты взрослый мальчик, осознанный...

– Кстати! Как дочку назвали?

– Никак. Думаем, выбираем. Полина зовет «оляпкой» и «варакушкой», есть такие птички... А я зайнкой, – немедленно растаял, поглупел Черных.

Дунин закашлялся. От уменьшительных суффиксов скульптор слегка протрезвел, вернул себе объем.

– Ох, – крикнул скульптор. – Давно это было. Ну что, обмоем вашу красавицу?

Черных зашелся в неконтролируемой улыбке, расцвел, порозовел.

– Правда, красивая. В Полинку...

Они налили.

– Леша. Какой ты молодец, – Дунин помолчал, поморгал. – Скульптуры, объекты – все пыль, прах. Настоящий ваятель – это ты! – он растроганно боднул друга в плечо, выпил и окончательно протрезвел.

Алина Шпак, в ее Венеции, занимала огромную часть Дунина. Теснила грудь, затрудняла дыхание, колыхалась в животе.

Это мешало, немного. Жить и работать.

Скульптор знал один универсальный способ борьбы со смятением духа и горячкой тела.

На что ему, в конце концов, даны были руки.

Его интеллектуальные руки.

В понедельник Дунин пришел в мастерскую неестественно рано, около десяти, с готовым, искрящимся и крутящимся в районе солнечного сплетения 3D эскизом.

Ушел весь день и все запасы итальянского пластилина. К вечеру *Обнаженная* была практически готова.

Миниатюрная, с формами, молодая женщина лежала в позе сфинкса. Худые плечи, стройная шея, гибко выгнутая спина. Тонкопалые кисти покоились на клавиатуре небольшого ноутбука, слившегося с фигурой в единый пластический монолит. Молодое неузнаваемое лицо, обритая голова, красивый выпуклый затылок, маленькие уши, высокий лоб.

Только пластика вытянутых ног, абрис круглых ягодиц и египетский след могли привести на ум женщину-ложку. И Алину Шпак.

Дунин сначала сделал лицо обнаженной гладким, безчертым, как яйцо, а черты перенес на крышку ноутбука: лицо выходило из плоского прямоугольника таинственной маской, рельефом.

Ближе к вечеру, походив вокруг обнаженной кругами, он вернул лицо на место, убрал с крышки. А то какая-то Магриттовщина, к черту.

Обнаженную он завернул в пупырку и поставил, нелегкую, на стеллаж, где уже стоял веселый похохатывающий Дима Быков, тоже в пупырке.

Лекарство подействовало.

Дунин немного успокоился.

Объекты из пупырки занимали процентов семьдесят от общего объема работ диплома по урбанистическому проектированию Анфисы Евграфовой. Была еще огромнейшая, Дунин поразился ее размерам и масштабам, теоретическая часть. Включающая, в числе прочего, результаты опросов, оформленные интересной инфографикой; в этот блок входила и видеопрезентация.

Экспозицию они выстроили прямо во дворе. Смотреть ее, щурясь на солнце, вышла из здания факультета комиссия в составе семерых ученых мужей, с бородами и без, густо татуированных, гладко бритых, с тоннелями в ушах. И человек тридцать слушателей, после темноты зала ослепленных сверкающей в лучах майского солнца пупыркой, материалом проекта.

Зрелище было достойное, Дунин мысленно поздравил себя. С Анфисой они придумали интересную навигацию, получился маленький занимательный квест. На стильных шильдиках располагались названия и остроумные описания. Пупырка празднично иллюминировала, воздух шуршал, дрожал бликами, сверкал очками преподавателей и студентов. Кто-то басовито засмеялся, кто-то взвизгнул от радости. Худышки-однокурсницы затискали Анфису. Возле уха дипломницы синел след от помады.

На защиту Евграфова оделась неожиданно по-взрослому: черные брюки, жакет. Правда, дипломница не обременила себя топом или блузкой, между лацканами горела вылезающая из декольте разноцветная татуировка в виде ретросамолета, на таком мог летать Экзюпери. На ногах сидели огромные яркие кроссовки, приводившие на память супрематических крестьян Малевича.

Анфисин Натан Евгеньевич ходил жених женихом, диплом явно превышал масштабы института и рвался на оперативный простор фестивалей. По огромнейшему секрету Анфиса призналась Дунину, что они с Натаном подали на городской грант и есть шансы.

Осмотрев фигуры, выслушав комментарии дипломницы и ее руководителя, Дунин тоже сказал пару хвалебных слов в адрес Евграфовой. Отметил упорство, подчеркнул настойчивость, восхитился трудоспособностью.

Вернулись в зал.

Анфиса запустила финальную часть презентации: в ней объекты были вписаны в городскую среду и, надо сказать, отлично в нее вписались. Тем более что Евграфова выбрала самые козырные места города.

Пока разворачивались первые кадры, Дунин понял, что видео озвучено музыкой Пендерецкого.

Боковым зрением препода видел, как по рядам поползло смятение, переходящее в дискомфорт.

Председатель комиссии, широченный Глеб Перец, толстыми пальцами тер виски. Доцент кафедры средового дизайна Гуссейн Чижов встал и отошел к стене. Крупнейший в стране специалист по урбанистике Артем Пуриц откинулся на спинку стула и массировал себе левую грудь. Преподаватель кафедры графического дизайна Наташа Митко стала с небольшим нарастанием амплитуды раскачиваться вперед-назад.

Мы же договорились, заскрежетал про себя Дунин. Я же сказал, чтобы даже не думала.

Скульптор почувствовал предательскую слабость, дурноту, жжение в ладонях.

В темноте, задами, рядами, препода выбрался из зала. Вдогонку крались струнные, шкрябали ударники. Интимная, опасная музыка лилась на людей, целый зал людей, большинство из которых была молодежь.

Сами, сами, думал Дунин, без меня.

Дунин снова проснулся в четыре. Каждое лето случалась с ним эта напасть. Вставал ни свет ни заря, во сколько бы ни ложился.

В целом от такого уклада была бы сплошная польза, но всяческие мысли, взявшие моду приходить по ночам, с вечера, способствовали сокращению сна до минимума. Дунин беспокоился за собственную сохранность...

Возможно, утечка сна была связана с отсутствием Нюты. Сразу стала заметна пустота и огромность кровати. Которую, вообще-то, Дунин считал лучшим местом на земле. После, конечно, мастерской.

В тот тонкий промежуток, когда остатки сна уходили в подушку, а новый день заходил в голову и вставал там, Дунин понял, что ему необходимо встретиться с Гочем.

Более того. Сделать это следовало давно. Что ж он за лох такой, почему сразу не догадался...

Нюта дразнила его рукоmozгим, утверждая, что думать, анализировать, принимать решения Дунин может только руками и только во время и в процессе работы. В остальное время, утверждала жена, мозг скульптора зачехлен и находится в нерабочем состоянии.

Господи, чего проще! Найти Гоча. Припереть к стенке и все из него вытрясти. Налить старикану виски, разговорить. Теперь они не загадочный препода и долговязый студент, а двое взрослых мужей, преподавателей, творцов, объединенных общим прошлым и общим же загадочным опытом.

Расспросить Гоча про неостановимую, выходящую из-под контроля Пендерец-эстафету. Узнать, откуда сам Эдуард Львович почерпнул идею арт-сессий. Как он вышел, в те-то годы, на композиторов-авангардистов и остановил выбор именно на этих.

Почему-то Дунин был уверен, что Гоч не автор данной практики, методики, а продолжатель.

Спросить, узнать. Прямо, по-мужски, без политесов. Тем более что они заново познакомились на «Василии Косякове», во время качки в Белом море.

Если, конечно, Дунин закладывал процентов пять-семь на такую вероятность, препод не привиделся ему в бреду морской болезни...

Скульптор ринулся на поиски. Полез в Facebook. Нашлось некоторое, небольшое количество Гочей, среди которых обнаружилась одна девушка, но нужного не было.

Что-то подсказывало Дунину, что в других соцсетях вероятность встретить Гоча, Эдуарда Львовича, еще меньше.

Не в пыльных же маразматических Одноклассниках? Не в инфантильном VK... Не в нарциссическом Инстаграме.

Он забил Гоча в google. Нашлось несколько небезынтересных Гочей, один даже довольно-таки известный, но Эдуард Львович среди них обнаружен не был. Дунин уточнил: Гоч, писатель. Тут же вылез объемистый перечень книг некоего Василия Гоча. Первая называлась: *Нарабатываем плазму рунного языка*. Дунин прочел несколько раз, изумленно поморгал. Была среди книг Василия Гоча спокойная и понятная *Книга судьбы*. Нашлись *Путь за Тантру* и *Теория причинности*.

Сперва Дунину показалось, что он попал на след. Он почитал про автора, повглядывался в фото, явно из паспорта, оцифрованное, но, кроме фамилии и, приблизительно, возраста, не было ничего общего.

Он продолжил стихийные поиски, и на сайте любителей фэнтези нашел ссылки на романы Элгоча. То есть – Э.Л. Гоча, каверзно писавшегося без имени, в одно слово.

Дунин так поразился находке, что у него подскочило давление, заухало в груди, и он решил временно прервать расследование.

У них даже месячные начались одновременно. В один месяц одного года. Практически в один день. Обеим было тринадцать. То есть: на женский путь подруги вступили рука об руку, скрепив дружбу кровью.

Но – Вера немедленно доложила, отрапортовала о случившемся маме. Нюта рассказала только Вере, предоставив собственной матери догадываться о случившемся.

Вместе, с помощью деятельных советов Вериной мамы, Вера и Нюта примирились с возникшими неудобствами.

Деталь, поразившая Нюту. Верина мама восприняла случившееся как радость, интимный праздник, инициацию. Она поздравила дочку, которой был сделан подарок. Так Вера получила намечтанные (ими обеими) кроссовки.

У Нюты все было прозаичней. Она просто продолжила жить по новому календарю, без праздника посвящения в женщины. Мама, затариваясь в ближайшем хозяйственном магазине «Свежесть», заодно с туалетной бумагой, шампунем, зубной пастой, покупала гигиенические средства и для дочки тоже.

Нюта тогда отметила, прочувствовала эту странность, различие в женских и семейных укладах. В остальном же девочки были бесконечно близки и похожи.

...И мальчики им всегда нравились одни и те же.

– ...он не уйдет. Я знаю точно. Во-первых, он тебя любит, тебя. Эротическое помешательство с каждым может случиться... Так ведь? А?! – и Вера пробуравила подругу жестким, без улыбки, взглядом.

Нюта не ответила. Она покрутила ножку бокала, понюхала его опустевшее нутро.

– А во-вторых, он трус. В лучшем смысле этого слова...

Нюта наконец отвлеклась от бокала. Вера сварила ей кофе, с молоком: здоровенную бадью, керамическую кружищу, полную до краев, до верхней риски. Все,

как Нюта любила. Эти кукольные чашечки, пижонский костяной фарфор, сплошная эфемерность, наперстки с эспрессо – не кофе, а так, видимость, реквизит.

– Он – трус наполовину, – сказала Нюта рассудительно. – На вторую половину он бешено, дурацки храб и отважен. Когда не надо... Иногда до глупости. Мы пару раз чуть не влипли из-за этого... Я уже молчу про гипертонические кризы, лет-то ему... Но да, ты права, в нашем случае активна первая половина... Верка! Как все перепелось... Как макраме, помнишь?

...В комарином лагере «Энергетик» девочки ходили в кружок макраме. Совсем в детстве, до месячных. Обе просто помешались на этом макраме. Кружок располагался в сыром фанерном помещении, практически сарае, где за длинным столом человек двадцать девочек и пара мальчиков плели узлы под руководством немолодой Ксении Игоревны. Нюта тогда запомнила, что узлы на самом деле – рыбацкие, в разы уменьшенные морские узлы древних воителей, варягов. В глазах девочки это придало скромному рукоделию, тихому плетению из ниток героический флер, мистический ореол.

В плетении этих рыбацких узлов была неизъяснимая магическая дисциплина, не оторваться. Они плели как маньяки, как заколдованные. Ещё ряд, и пойду, ну, парочку, три, и достаточно. Но вот спасительный горн, а обед пропускать нельзя, есть-то охота.

В подарок маме Нюта сплела несуразно большой кошелек, бесформенный, чёрного цвета. Кажется, мама так и не использовала его по назначению, но хранила в нем носовые платки, идеально белые, с мережкой и вышивкой. Вот было время, сморкались в тканевые платочки, стирали их, гладили – с ума сойти...

В старших отрядах, вспомнила Нюта, танцы были сплошное макраме, сплетались-переплетались. В то лето, с макраме, они очень удачно, симметрично влюбились в близнецов, Лешу и Борю Боярко, но Леша обоим нравился чуть больше.

Изданных книг у писателя Элгоча оказалось две, 2011 года и 2015-го. Дунин заказал их на Лабиринте, где у Нюты была именная скидка.

*Исчезнувшие в Кратово.
Воровка финалов.*

Обе категории 12+, в мягких и ярких обложках, книжки имели такой жалкий вид, что у Дунина перехватило дыхание. Итог... Жил человек, учился, мечтал, творил... И вот.

Кирюха, Игорь и Тося – обычные подростки из подмосковного Кратова. В нем-то, знакомом им до последней травинки, ребята однажды находят ход в заброшенное бомбоубежище: лаз в земле, замаскированный дикорастущими люпинами. Любители приключений принимают решение исследовать находку. Больше в Кратово их никто не видел. Значит ли это, что ребята исчезли? Куда привел искателей тайный ход?

Хххоссподи, подумал Дунин. Тоже мне фэнтези... Какой-то разведенный «Кортик»...

В детстве Сима перенесла психологическую травму – смерть верного друга, безродного пса Хиташи, с которым вместе росла и выросла. Смерть собаки, конец, финал – как ни назови этот естественный и неотвратимый для всех исход – стал для девочки переломным моментом и указал ей собственный, особый путь. Все книги, которые попадают Симе в руки, она лишает финала: нескольких последних страниц. Никто больше не сможет ответить: а чем закончилось? Что будет с книгами, лишенными финалов, и чем закончится собственная история Симы?

Ойнимагу, запечалился Дунин. Эдуард Львович, Эдуард Львович, детский сад, штаны на лямках. Может, это он для денег? Или для внуков-подростков? Или позднее отцовство? Бывает же, вштыривает, и начинают строчить стихи-сказки... А Гоч же педагог, наверное, с методической целью, с воспитательным прицелом.

Скульптор уважительно загрустил о шикарных книгах другого Гоча, Василия. *Нарабатываем плазму рунного языка!*

Дунин положил *Исчезнувших в Кратово* и *Воровку финалов* на середину стола, на видное место, твердо вознамерившись прочесть книжки в самое ближайшее время.

Алина вернулась, болезнь возобновилась. Никакие укоры совести, доводы разума, мысли о неправильности такого поведения не могли удержать Дунина от Алины.

Сколько тебе лет, корил себя Дунин, каждый раз тая сердцем при виде ее подъезда. Неброский желтый дом, поздний конструктивизм. Со вкусом девушка.

Желтый дом, как мед, я влип, я вклеился.

Желтый дом, я сошел с ума.

Дунин лепил женщину-ложку. То едва касаясь, оглаживая ладонью, электризирующей кожу. То веселой побегжкой до странности нежных пальцев. Размягченная, гладкая, растянутая как тесто для пахлавы, теплая как хорошо вымешанная глина, глина-Алина годилась сейчас для любых экспериментов.

Она могла стечь и застыть лестницей-волной.

Изогнуться и раскинуться роденовской возлюбленной.

Закаменеть скифской бабой.

Арт-критик Алина Шпак, волевая, решительная, энергичная, мало походила на самое себя, и все-таки это была она.

– Миша, – сказала после, обдувая богатырское тело арт-любownika. – Што ты со мной делаешь? Меня уже друзья не узнают... Походка, говорят, другая, лицо... Глаза не твои. Верни мои глаза, Дунин!

– Я куда-то их сунул, забыл куда, – пошутил скульптор.

– Миша, я хотела написать, но ты же не читаешь... Мы больше не будем... эээ... встречаться. В этом качестве. Хорошенького понемножку. Тем более ты женат. На молодой красивой женщине. Ты прекрасен, мой возлюбленный. Но мне нужны силы, ясная голова, мои злые зеленые глаза. Я не хочу быть белой и мягкой. Точней, я не могу удерживать это состояние только на время встреч. Дунин, ты затопил меня и выплескиваешься из ушей и глаз. Меня скоро смоет, как Венецию. Это уже не я. Я чуть не сорвала проект! Я продолжала важную встречу... А это моя жизнь, моя работа. То, ради чего! Я так не могу...

– А я?

– А ты художник Дунин. Родился в городе Ветлуга Нижегородской области. Закончил... забыла, что ты закончил? Доцент КАШГУ. Хороший художник. Хороший любовник, – Алина закрыла глаза, потянулась, – очень. Огонь моих чресел. Но если бы только их, Миша, я бы отлично с тобой встречалась и с удовольствием трахалась парутройку раз в месяц. Но ты меня разобрал на атомы и пересобрал заново. Мне это не подходит. Не, опыт потрясающий, правда... Незабываемый... Я тебе благодарна... Але! Дунин, ты куда? Четвертый час...

Нишему собраться – подпоясаться. Дунин не стал принимать душ в алой Алининой ванной, пошел горько-соленый в майскую ночь.

Удрученная Алина провожала скульптора.

– Кстати, – сказала Шпак, пока Дунин шнуrowал свои довольно-таки старперские, на Алинин вкус, летние ботинки, – пока я пахала на биеннале, была совершена попытка поджога. На выставке в Екатеринбурге. Моментально сработала сигнализация, успели, погасили. Немного пострадало *Единство*.

- *ВНЕЗАПНОСТЬ*, – автоматически поправил скульптор.
– Дунин. Угадай, на кого я подумала?

В Сахарово стоял прекрасный девственный июнь. В развитии здесь все немного отставало от города, Нюта очень это ценила. Листва была уже не молочно-зеленая, как в мае, а холодноватая, в голубизну, как у Сомова с Борисовым-Мусатовым, что значило: впереди еще куча лета, вагоны, и можно не волноваться. Есть его десертной ложкой. Город уже отгремел сиренями, благоухал пирожными цветущих каштанов, здесь косили траву, и над стриженными местами вставал грустный соломенный запах уходящего лета. А в Сахарово все было свежее, влажное, хрустящее, не набрало еще окончательный летний размер, сирень только собиралась взорваться, сушила взрывчатку на солнце. Ландыши стояли зародышами, бело-голубели в зарослях цветки съедобной кислицы, лиловели цветы веронички, которые Дунин обычно принимал за незабудки.

Я в раю, думала Нюта. Я здесь одна, никакой Адам не свернет меня с пути истинного, не осквернит мое хрустальное содержательное одиночество. Иногда, достаточно часто, являлся ей Дунин, веселый, бешеный, добрый, и она наливала себе белого вина, доводя объем шипучей минералкой, коктейль хорошо осаждал грусть. Изредка возникал Дима, и тогда она бросала все – статью, лейку, оранжевый кусторез, и справлялась подручным способом, пока парень любимой подруги не оставлял ее в покое.

Звонок раздался не вовремя. Нюта глянула: Дунин. Не с первого раза попала мечтательным пальцем на сенсорный кружок.

Ответила.

– Дунин.

– Привет. Ты как?

– Наслаждаюсь, – честно ответила Нюта. – Одиночеством. Есть новости?

– Главная новость: я соскучился. Мне тебя не хватает... Я приеду.

– Еще?

– Я нашел Гоча. Думал, какой же я дурак, гадаю на кофейной гуще, строю гипотезы. Ведь есть же кого спросить! Ну, ты знаешь мои аналитические таланты...

Нюта хмыкнула.

– ...И сразу же потерял, – скульптор сделал такую огромную томительную паузу, что Нюта не выдержала.

– Ну?! В смысле? Опять исчез?

– Да, насовсем. Умер в октябре. Вроде не старый, 68...

– Ох, – расстроилась и сразу потеплела Нюта. – Миша, я тебе сочувствую. Жалко человека. И тебя...

– От удара...

– Мне очень жаль...

– И еще новость. Знаешь, как Черных с Полиной называли дочку?

– ???

– Ну, предположи!

– Дунин, не томи. Не собираюсь я гадать... Ксения? Дарья? Аглая?

– Назвали – Кристиной. С оригинальничали... Кристиной, Нюта!!

– Ого. Это в чью же честь? – и, очнувшись: – Знаешь, Дунин, ты не приезжай, не надо.

«Не ждали».

Предовольная сияющая Евграфова зашла, когда студентов в здании практически уже не осталось. Сессия закончилась, все разъехались, мелькали в коридорах препода, принимающие хвосты у должников, администрация, охранники.

Она и выглядела не как студентка.

– Михалыгрич, – Анфиса возникла в мастерской красивая, элегантная, на каблуках, в огромных темных очках, сидящих на темени. Образ моментально устанавливал дистанцию, Дунин привык к Евграфовой в джинсах, футболке, с распахнутыми за уши волосами, с неухоженными детскими руками. А тут – столичная штучка, одетая концептуально и женственно. С макияжем. С педикюром. Анфиса выглядела как молодая да ранняя пиар-менеджер городской администрации. Красивая, умная и хваткая, стремительно делающая карьеру.

Черт! Она была похожа куколку Шпак, куколку не в смысле девушку-красотку, а стадию развития насекомого, из которой лет через пять вылупится Шпак-бабочка, актуальная художница, колумнистка или арт-критик.

– Это вам!!! – сказала Анфиса и выставила на стол, перед Дуниным, прямо под парящим журавликом, литровый флакон коньяка, тяжелый как гиря. – Экстра Старый!

– Как я? – осклабился Дунин.

– Ну чтооо вы! – возразила Анфиса не слишком горячо. – Вы в самом соку! В расцвете... Я все думала, чем мне порадовать Михалыгрича. Вы мне так помогли... больше чем помогли. Это был очень важный опыт... Я благодарна вам...

Дунин покосился на Евграфову. Они все сговорились, что ли, эти девушки на букву А?

– У меня пятерка, вы знаете? И похвала от института, сказали: диплом выдающийся. Это успех.

– Заслуженный, Анфиса! – сказал Дунин искренне.

– Знаете... Вы ведь раньше ушли, я видела. Они, комиссия, были в таком восторге, что... просто обессилели. Катарсис! У Артема Игнатьевича даже случился сердечный приступ... скорую вызывали. Представляете? Это победа. Мы их сразили!

Эта дура искренне радовалась тому, что к преподавателю приезжала скорая. И считала это признаком успеха.

У Дунина заболело в груди.

– Это не мы, Анфисочка, – произнес Дунин медленно, с угрозой. – Это ты! Я просил не трогать Пендерецкого. Я предупреждал. А ты озвучила видео *концертом для виолончели с оркестром 1964 года!* Ты... людей подставила! Могло случиться что угодно... жертвы... Так и вышло.

Анфисино лицо стало жестким, губы брезгливо сложились в нитку. Это выражение так хорошо вязалось с ее новым имиджем, что Дунин, вдруг, остро прочувствовал взаимосвязь всего со всем, вечный брак формы и содержания.

Выпускница заговорила тихо, спокойно, жестко и снисходительно. Студентка – куколка, послушная, внимающая. Выпускница – бабочка, яркая, уверенная, летит куда хочет. Тем более с похвалами и рекомендациями.

– Михалыгрич, ну вы смешной такой, правда... Пендерецкий – что, ваша собственность? Запрещать его... Вы патент оформили? Копируйте? Да на него друг мой давно подсел, больше года. Когда вы мне про «Сияние» рассказали. Пендерецкий – в открытом доступе... Я сама часто слушаю, стало нравиться. Его оперы и симфонии не надо покупать, как метилэфедрон. Это – не наркотик. Это музыка! Вам, я давно это поняла, кажется, что вы – жрец тайного культа. Посвященный. Главный магистр Ордена Пендерецкого... А это. Просто-напросто. Всего-навсего. Музыка!

Хорошо и печально знакомые интонации подтвердили опасения Дунина. Он молчал, в груди ворочалась большая тесная штуковина. Заныло плечо.

Анфиса почувствовала, что перегнула, но правда была дороже.

– Я вам вот что скажу, Михалыгрич! Не только Пендерецкий так работает. Все глубоко индивидуально. У меня подруга, Дашка Липницкая, все делает под *Трио Wanderer* Шоссона. Ее талисман. Ее прет под эту музыку. Она с этим *Wanderer* уже третий грант получает!

Вид у Дунина сделался совсем потерянный, Евграфова немного испугалась. Жаль, пора убегать, а то можно было бы в знак примирения выпить с преподом Экстра Старого...

– Да все живы же! И здоровы... Более того! Михалыгрич, проект получил грант. Он будет эээ... воплощаться. Реализация в городской среде. А ведь это все вы... благодаря вам! И Пендерецкому, вы же не станете отрицать? Ваша фамилия будет в титрах, имейте в виду! И его тоже! Все, мне пора...

Она потянулась, чмокнула Дунина в щеку тщательно подмазанными серо-коричневыми губами, а через минуту от Евграфовой остался только сильный запах дождя, смешанного с разогретой летней пылью. Дунин уже знал, так пахнут Анфисины духи.

Чертова Алина ушла, но не прошла. Она застряла в Дунине, как сломанный ключ в скважине. Ни взад, ни вперед.

Огромная тяжесть клонила Дунина к земле.

При этом он был пуст, словно из него выкачали воздух.

А еще Дунин задыхался без Нюты.

И вообще задыхался.

Поддерживая видимость жизни, скульптор ходил в мастерскую. Студенты разошлись на вакации, здание опустело, стало гулким.

Единственным видом деятельности, доступным скульптору и более-менее заполняющим пустоту, было сооружение нового стеллажа. Огромного, как эшафот для Марии-Антуанетты.

На нижние полки, рассчитал Дунин, уйдут мешки с гипсом, валюшки глины, встанут запасы пластилина. Верх займут постоянно прибывающие ученические работы, а на средние ляжет бумага, у рачительного Дунина хранились запасы бумаги в рулонах и в листах. Последние хозяйственный скульптор подхватил, когда закрывалась в соседнем корпусе типография и раздавала имущество.

Там же он подобрал несколько отличных стульев, в том числе известный «гамбсовский», и неформатный, почти квадратный стол с толстенной прочной столешницей.

На этом столе Дунина и обнаружил охранник Олег. Олег был родом из-под Саранска, работал в институте вахтовым способом, сменяясь с саранским же Валерой, своим одноклассником. В сезон они всегда привозили на продажу чудесный мед. Запасы меда хранились в их крошечной опрятной каптерке, его с удовольствием брали охочие до натуральных продуктов преподаватели вуза.

В мастерскую Олег заходил иногда поглазеть на интересное. Однажды охранник попросил полепить. Дунин дал ему шмат глины, подложку из линолеума, набор стеков. Олег слепил большую грубую чашку с ручкой в виде вставшего члена.

Дунин не моргнув глазом похвалил поделку, сказал, хорошая идея, можно было бы сделать линейку сувениров для урологической отрасли, для какой-нибудь клиники, не знаю, УРО-ПРО. Скульптор обжег и проглазурил кружку, вернул автору готовое изделие.

Олег неделю цвел и улыбался из-за стекла проходной, как влюбленный. Сила искусства, подумал тогда Дунин.

Дунин никогда не прятал от него ни объекты, ни скульптуры, как, скажем, от студентов. Олег первым увидел Диму Быкова, хорошо знакомого ему по телевизору, признал сходство, похвалил. *Обнаженную* скульптор ему не показывал, мало ли. Объекты, и первые, *Невесомость*, и вторые, *Ужасы городка*, Олег видел, но не проявил к ним ни малейшего интереса.

Спросил только, почем Дунин брал пупырку. У них под Саранском из подобной пупырки, воздушно-пузырьковой пленки, делали парники, и такое покрытие считалось самым лучшим и эффективным при выращивании овощей, особенно помидоров. Олегу было немного странно видеть, на что изводит преподаватель Миша такой ценный материал, но у богатых свои причуды. К тому же художники, как известно, вообще все больные на голову, и Дунин среди них еще ничего, более-менее нормальный.

На охрану позвонила жена, после того как больше суток Дунин не брал телефон и не выходил на связь никаким другим образом.

– Миш? – заглянул Олег, было не заперто.

Скульптор лежал на квадратном столе, аккуратно разложив руки и выставив в потолок бороду. Поза была знакома Олегу по книжкам, такая картинка, кажется, имелась в учебнике.

Ни крови, ни ушибов. Вокруг носа и губ расходилась голубизна.

Твердым пальцем Олег набрал скорую.

Нюта примчалась сразу же. Нашла Дунина в кардиологическом отделении 4-й горбольницы. Скульптора уже перевели из реанимации в общую палату.

Бледный Дунин расцвел глазами, потянулся обнять. Нюта нажала ему на плечи.

– Лежи, лежи, Дунин. И молчи. Потом все расскажешь.

На тумбочке вырос букет люпинов: лиловые, розовые, желтые.

– Ты легко отделался... Богатырь, а сердце слабое.

Дунин молча взял Нютину руку, прижал к лицу.

– Все рвутся к тебе. Терехина, Черных, Лизка, Игнатьев. Саакянц звонила, рыдала, передавала «но пассаран». Она через неделю приезжает. Я всем велела пока сидеть и не рыпаться. Не беспокоить больного...

Дунин кивал под Нютиной ладонью ровно, как метроном.

Хорошо пошла *Космогония*. Под нее Дунин сделал первый ярус, укрепил основание, соорудил снизу вместительный ящик. Вечерком догнал *Эманациями для двух струнных оркестров 1959 года*.

Ого, радовался, Дунин, я его укротил. Он у меня теперь просто фон. Как бубнящее радио... Как что-угодно-ФМ в машине.

Всего-навсего просто на просто музыка. Никакой зависимости.

Во вторник запустил *Дьяволов Лудена*. Захотелось человеческих голосов. *Дьяволы* пошли на ура.

Среда, весь день стеной шел дождь, слушал концерты для скрипки с оркестром. Наводил на стеллаж лоск, сделал надежные крепежи.

В четверг завел *Чакону памяти Иоанна Павла*, музыка зашла, подняла дух на хорошую высоту. Духоподъемная, хоть и не веселая, и почти без авангардных пендерецких шуток, изредка взвизгнут, задребезжат струнные, а так почти XIX век. Дунин радовался внутреннему покою, отсутствию творческой горячки, зуда и чесотки.

Под *Чакону* выкрасил стеллаж черной морилкой.

В пятницу утром решил попробовать этого хваленного Анфисиного Шоссона, под которого ее подруга гранты получает. Завел *Triuo Wanderer*. Сел рядом, у компа, как у радиоточки: слушатель.

Хорошая музыка, он понимал эту Дашу. Но нет, не мое! Ничто внутри не дрогнет, не взмоет, просто ласка для ушей, фон.

Не то.

Походил, поколдовал еще над стеллажом, укрепил верхушку. В здании института штробили, грохали, уже начался ремонт, рассчитанный на все лето.

Скульптор завел любимый свой *Трен, Плач по жертвам Хиросимы*. Печальный, хаотичный. Зазвучало, поползло, и события последних двух лет выстроились у Дунина в голове качественным, захватывающим, тщательно смонтированным кино.

В своем отчетливо видимом и понятном причинно-следственном порядке.

Дунин ходил по мастерской, вспоминал ее причастную к событиям географию, смотрел, слушал.

Здесь появился сверкающий *УЖАС*, первенец Пендерец-эпопеи.

Сюда я их прятал, объекты, тогда еще не-НЕБЕСОМОСТЬ, припрятывал от зорких глаз, тщетно.

Вот синяя столешница верстака. Он же барная стойка, здесь же мы сошлись с Алиной...

Выставка – была повсюду, здесь, здесь и здесь, и там.

А вот тут мы с Анфисой ваяли ее *Городок*. Теперь он обретет нормальную, непупырчатую плоть, вырастет где-нибудь в парке, или на площади, где там его воздвигнут, о нем напишет Афиша и все кому не лень, Анфиса станет давать интервью, а вот прославит ее, как ни странно, БОТАЛКА.

Здесь я лежал в убранстве Тутанхамона, уставив в потолок ступни и бороду.

Не знаю даже, благодарить мне вас – или мы на ты? – пан Пендерецкий, за этот опыт, или же проклинать. Никогда не вел счет потерям и приобретениям, а тут хоть табличку вешай: было-стало, приход-расход.

Трен закончился, Дунин поставил на повтор.

Какая прекрасная, хотя и совершенно невыносимая музыка. Пыточная. Невозможно представить, чтобы кто-то отвалил кругленькую сумму и пришел мучиться, среди других нарядных людей, в оперу. Пришел, в костюме, с причесанной бородой, смотреть на сцену и слушать.

Можно закрыть глаза, даже нужно. А если станет плохо?

– Есть в зале врач?! – кричит хорошо одетый мужчина в партере.

– Врача, врача, – подхватывают все, – врача!

– Есть! Я – физиотерапевт, – сутулая фигура встает на балконе второго яруса.

– Коллега! Скажите же, что это прекрасно!

Дунин улыбнулся анекдоту, и тут ему ударило в грудь. Бляха-муха, больновато, больноватенько.

Сесть. Лечь.

Дунин оперся на свой гигантский стол, размером с теннисный. Присел. Подтянул себя на середину. Прилег.

Хорошо. Полежу тут, подожду, пока не пройдет, подумал Дунин, ой, бля, как больно.

Родной, понятный, любимый кружил, завывал, лился и погромыхивал Пендерецкий.

Наташа Саакянц приехала в Сахарово, и оно сразу засияло, будто поймало луч южного солнца. Худая, загорелая, белозубая, в стильно-мятых льнах, Наташка была чистая радость и энергия. Комета позитива и добра.

...В отличие от хозяев, как всегда радушных и приветливых, но странно тихих, как бы приглушенных, *присмиревших* (Наташа проговорила слово про себя). Особенно это касалось Дунина. После больницы скульптор носил себя прямо, торжественно и осторожно, как розовый куст в кадке.

Наташа видела друзей будто сквозь кальку. В старых книгах, в семейной библиотеке Саакянц таких было около десятка, калькой перекладывали иллюстрации, которые сквозь туманную муть выглядели размытыми, далекими и загадочными.

Или, оперируя нынешней реальностью, словно их обработали в специальном графическом редакторе, не иллюстрации, а Дунина и Ньюту.

Или это все мои культурологические фантазии и химеры, подумала Саакянц и стала выгружать на огромный стол (у Дуниных все было богатырское, преувеличенное) щедрые кавказские дары: вина в бутылках и кувшинах, круги сыра, чурчелу, похожую на бордовый эспандер из латекса, кульки специй. Хозяева смотрели на грузинский натюрморт с почтительным уважением, будто подарки предназначались не им, а третьим лицам, а Дунин с Ньютой всего лишь посредники.

Монашеская отстраненность, произнеслось в голове у Саакянц, но все рефлексии смыло первым же бокалом цинандали. Наташа расколдовала Дуниных, велев немедленно откупорить и выпить. Они подчинились, нацедив себе в бокалы комариное, дегустационное количество амброзии.

У Саакянц была куча новостей, она кипела их рассказать, но придерживала на попозже. На после бани. О которой, именно о дунинской, сказала, мечтала с осени.

В красивой, светлой вкуснопахнущей бане они парились, парили и блаженствовали троицей олимпийских богов. Дунин, правда, высоко теперь не забирался. Взлетали веники, шипела вода на камнях, тела истекали потом и блестели, как покрытые глазурью. Участники банной мистерии не разговаривали, издавая только сладострастные стоны и блаженное кряхтение.

После третьего захода Наташа не выдержала. Объявила, что запускается в сентябре с телевизионным проектом. Это будет бомба, сказала Саакянц уверенно и сладко. Я это точно знаю...

С моими-то визионерскими способностями.

Дунин притянул полуголую коричневую Саакянц, чмокнул в щеку.

– Я рад, – сказал скульптор сердечно. – Ты молодчага, Наташечка. Мечты сбываются! Главное, ты так этого хотела...

– Я мечтала деятельно! – подчеркнула Саакянц. – Визуализировала. Артикулировала... Я проект придумала в голове, сложила, прописала в деталях. Выстроила, из кирпичиков. И кирпичи эти обросли плотью. Стали реальностью...

Дунин уважительно поднял брови, почесал в бороде. Как-то он постарел, заметила Наташа, а ведь мы, считай, ровесники...

– Миша, как сам? Как ты? – спросила Наташа.

– Вроде получше.

– А вообще? Самочувствие?

– Норм.

– Ты... завязал?

– С чем, Наташечка??

– Ну... с музыкой, – Наташа обвела глазами красивое светлое помещение предбанника в поисках Пана. Дунин перехватил ее взгляд.

– Нету! – развел он руками. – Переехал товарищ Пендерецкий. Больше здесь не проживает. А кстати, Наташа. О чем хотел спросить.

– Да, дорогой. Да, друзья! – Наташа вскочила, подтянула простыню. – У меня же теперь культурологическое ток-шоу. Мне нужно тренироваться! Нарращивать дискуссионные мышцы. Мускулатуру. Мучайте меня вопросами! На засыпку! С подковырками...

– А с подъебками можно? – улыбнулся Дунин. – Вот, например. Ты владеешь техникой оригами?

Лицо Саакянц застыло на долю секунды, и она заулыбалась еще ярче. Дунин, ни к месту, вспомнил, что родня у Наташи сплошь стоматологи, ортодонты и протезисты.

– Ну, на самом примитивном уровне...

– Журавлика сложить сможешь? Из бумаги... – Дунин любовался тем, как медленно, едва заметно глаза Наташи меняют выражение, сползает с лица улыбка.

– А. Да. Думаю, смогу, там не очень сложно, – ответила Наташа все еще лучезарным дикторским тоном.

– А из обоев? – уточнил Дунин.

Нюта сидела на широченной лавке с ногами, в позе скорчившегося мальчика, и молча переводила взгляд с Дунина на Наташу.

– Да, – сказала Саакянц без улыбки. Она побледнела, золотисто-розовые щеки и лоб стали серыми. – Могу. Из обоев. Двенадцать штук...

И она замолчала. Они все молчали.

Дунин молчал каменно. Внутри него все рушилось, сыпалось и вставало на новые места, проливалось печалью, умывалось пониманием.

Нюта молчала как человек, который долго мучительно болел, но вдруг получил хорошие результаты анализов.

Наташа молчала, будто речь, говорение были для нее всегда самым естественным и любимым занятием, но немота вдруг запечатала ей уста.

Никто не знал, кому должна принадлежать следующая реплика. Ни у кого не было версий, куда сдвинется сюжет. Балансирующий, как бумажный журавль, на одной остро сложенной треугольной ножке.

– Все, – решительно заявила Нюта, вставая. – Я пошла. Это ваши дела. Сами разбирайтесь.

Она, не прячась, скинула простыню, натянула трусики, накинула майку, влезла в легкую, на резинке, широкую юбку. Вдела ноги в ярко-желтые кроксы.

– У вас час, потом ужин.

– Зачем это? Я правда не понял... – сказал Дунин, когда за Нютой закрылась белая липовая дверь. – Знаешь, я сам художник. И меня иногда накрывает. То предвидением, то еще чем-то... Я когда работаю, чего только не вижу, в рабочей отключке... У меня некоторые скульптуры появляются прямо в голове. Говорят, приказывают: лепи. И пока не сделаешь, жизни не будет... Слушай, но я не влезаю ни в чью жизнь! Есть осторожность. Есть границы. Есть замки. Есть чувство края, наконец...

Наташа молчала. Она налила себе чаю и сдувала дымок с поверхности.

Дунин продолжил.

– Я помню же, ты говорила, что все пишешь, записываешь. И знаешь сюжет, на шаг вперед. И что многое придумала сама. Я даже мог угадать, где твои придумки, а где оно само... Но эти долбанные журавли! Они сломали сюжет. Это грубое вмешательство, Наташа! Телесное, материальное. После этих журавлей все пошло через... наперекосяк... Ты мне чуть жизнь не сломала. Мы могли разойтись... Я мог умереть, Наташа. Сдохнуть... Не велика потеря, я понимаю, но кой-кому я немножко дорог...

– Я не знала... Я не хотела! – сказала Саакянц. – Думала: это просто арт. Маленькая акция для усиления сюжета. Господи, это всего лишь двенадцать маленьких сраных оригами! Школьные бумажные журавлики. Шутка.

– Шутка, – повторил Дунин.

– Просто: принесла, разложила. Легко! Беспрепятственно! Или ты думаешь, там толпы, на этой вашей выставке? Как на Куинджи? Как на Мунке? Там никого, Миша! Зеро! Белые стены, смотрительница и двенадцать твоих пупырчатых истуканов.

Дунин раскачивался на лавке взад-вперед. В простыне он был похож на молодого, еще не облысевшего Сократа.

– Представь, я на всех подумал. Кроме тебя, святой и кристальной. Даже на Черных. Люда, конечно, вряд ли. Может, Витал, он всегда был с придурью. Игнатев мог, гипотетически. Помнишь, он гипсам подрисовывал волосы в паху и подмышками? Я даже старика Гоча подозревал... Он умер, ты в курсе?

– Да, – виновато сказала Саакянц. – Я в курсе, но это не я...

– Ты этими журавлями такого наворотила, Наташа. Не нарочно, я понимаю.

Сааякянц молчала.

– *И в том строю есть промежуток ма-а-алый, быть может, это место для меня,* – пропел Дунин, слегка фальшивя. – Итак, просто шутка?

– Доктор. Вы меня раскололи... Да, это просто культурологическая шутка. В чистом виде! Так у тебя все шло гладко, сладко, что захотелось вмешаться. Добавить перчику! Пошутить. Невиннейшим образом! Просто: назад, в прошлое. Але, Дунин! Привет от четвертой группы. От Гоча! Из Катищево! Кстати! – неожиданно воспрянула Сааякянц. – Ты слышал про Ушаца?

– Нет, – удивился Дунин.

– О! Так это пароль всех, кто закончил МАРХИ. Кодовое слово. Архитектурный мем. В сороковых учился в МАРХИ такой Ушац, Михаил Лазаревич. Потом, позже, стал карикатуристом, работал в «Крокодиле». В «Веселых картинках»... Но еще когда он был студентом, что-то подписал, кажется, мольберт: УШАЦ. И пошло– поехало. Архитекторы оставляют везде этот пароль: УШАЦ. Значит: здесь были люди из МАРХИ. Помнишь «Афоню»?

– Любимый фильм, – ответил Дунин автоматически.

– Там в сцене, где Афоня приводит домой героя Леонова... забыла, как звать... Ну, который «эй, родственник!».

– Коля. Штукатур.

– Да. Так на стенке, прямо на обоях (Наташа испуганно съежилась) написано УШАЦ. Данелия же учился в архитектурном, до того, как стал режиссером. И в «Не горюй!» есть этот УШАЦ.

– Очень интересно. Правда. Но какая связь? Все это про другое...

– Не про другое... Про наше, Пендерецкое, – стояла на своем Сааякянц.

– Наташа. А чего ты замуж не вышла? Вон какая красивая... веселая... успешная! Фигура шикарная, – Дунин провел по Наташе медленным взглядом, снизу вверх: красивые ступни с розовыми ногтями без лака, длинные голени, отличные коленки, дышащая под простыней маленькая грудь, ломкие ключицы, свежая шея, покрасневшее лицо, потерянные глаза.

– О! А! Все, я поняла... Ты думаешь: мелкая женская месть? Укус, укол. Все могло пойти по-другому, если б...

Скульптор молчал, смотрел. Она была все еще очень привлекательная, розовая и золотая, злая и растерянная.

– Дунин. А может, я другой сексуальной ориентации... А? Не приходило в голову, маскулинный ты мой?

– Ой, не звезды!

– И не думаю. Все, хватит меня казнить! – заорала Наташа.

Вскочила, содрала простыню.

– Стоооп, – сказал Дунин ласково, – сидеть! Мы еще не закончили. – Он приладил простыню на прежнее место. – Есть вопросы и уточнения. Кристина Черных – твоих рук дело?

– А что такого? Имя как имя. У Полины есть польские крови. Прабабку звали Кристина Колачковска. Кшыся...

– Терехина?

– Я тебе уже говорила. У меня все было по-другому. Без травм и падений...

– Гоч, – сказал Дунин, просто так.

– Я с ним встречалась осенью, в октябре. Хотела расспросить о Пендерецком. Собственное культурологическое расследование. Я ведь тоже жертва, не забывай... Не ты один... Спросила, откуда взял методику (сам придумал, но я сомневаюсь). Практиковал ли

еще где-нибудь (нет). Что он думает обо всех этих опытах, творческих приступах, их последствиях (ерунда, психосоматика, совпадения, литературщина). Использовал ли он сам эту технику для творческого транса (я похож на идиота?). Знаешь, он так странно держался. Вызывающе, нагло. Паясничал. Такой хамский бешеный дед. Я вспылила... поорала... надавила... немножко. (Дунин покачал головой.) Да, знаю, ты думал, я белая и пушистая. До сегодняшнего дня. Я немножко поднажала. Намекнула, что опыт имел серьезные последствия... И Гоч ушел в несознанку.

Наташа замолчала, налила себе чаю, погоняла своим дыханием дымок над золотистой поверхностью.

– И?

– И он умер. Скоро. Инфаркт... Ты знаешь.

– Короче, ушел от разговора. Я понял, – сказал Дунин. – Все, одевайся. Я есть хочу. И курить. Но мне теперь нельзя...

Они курили, Дунин электронную сигарету, вдыхая одуряющую смесь табака, табачков, цветущего чубушника. Наташа, закончив, сразу прикурила следующую.

– Миша! Миша! – позвал высокий, с жестяным дребезжанием мужской голос.

За забором, как ребенок в манеже, держась двумя руками за доски, стоял здоровенный парень в белой кепке, и улыбался во весь рот. Бросались в глаза кривые угулявшие зубы.

Соседский Саша. Сын Ирины.

За год с лишним Дунин отвык от мысли, что у них есть/были соседи.

Дунин подошел, приподнявшись, перекинул через забор руку.

– Ты... надолго? – спросил Дунин, не зная, что сказать. – Как сам? Давно не виделись... Старик, я страшно рад тебя видеть!

– Я в отпуск, на две недели. Нужно домом заниматься. И огородом! – Саша сиял, светился, говорил ясно и чеканно. Что-то в нем изменилось. – Новость знаешь?

Дунин нахмурился, погрузился, покивал.

– Ириша! Ириша! – закричал Саша, – Иди сюда, с кем я тебя познакомлю. Миша, я женился!

Из дома вышла невысокая женщина лет тридцати. Вид у нее был хмурый, или, скорей, напуганный. Никакая, подумал Дунин.

Приятная.

Прекрасная.

Тоже Ирина.

– Ириша, познакомься! Это Миша! – ликовал Саша. – Наш сосед. Он хороший. Добрый! Он художник! А Ириша – работает в детском саду! Методистом!!! – похвастался он.

Дунину даже не пришлось изображать восхищение, оно наполняло его, распирало изнутри.

Ириша робко приблизилась к забору, у нее была странная походка, будто по колодке на каждой ноге. Тоже инвалид, догадался Дунин.

Привлеченная выкриками, с полотенцем в руках подошла Нюта.

– Аня! Познакомься, Аня! Это моя жена Ириша. Ириша, это Аня. Аня журналист! Ириша работает в детском саду. Методистом!

– Здравствуй, Саша! Здравствуйте, Ирина! – сказала Нюта сердечно и немного по слогам. – Саша, я тебя поздравляю! Мы очень рады тебя видеть. Мы скучали! Нам тебя не хватало. Думали о тебе, как там наш Саша...

Пока соседи миловались через штaketник, Саакянц ускользнула в дом. Она быстро налила себе полный бокал цинандали и залпом выпила.

Одна часть Наташи, гонимая новым пониманием ситуации и алым, как закат, встающим внутри стыдом, желала смыться под шумок, уехать, пока хозяева воркуют с соседями у забора. Другая часть Саакянц поспешила выпить, чтобы точно нельзя было за руль.

Испить, так сказать, до дна.

Она налила еще. Тем более что хозяева, она сразу это заметила, не выказывали прежнего интереса к выпивке...

Скульптура, как всегда у Дунина, появилась сразу в виде готового 3D эскиза, крутящегося в голове, во всех плоскостях, и позволяющего оглядеть себя со всех точек. Даже снизу.

Название он тоже уже знал.

Дунин лепил, по-былинному, семь дней. Мог бы управиться быстрее, но стал сильно уставать.

Его хватало часов на пять интенсивной работы, не то что раньше.

Эх.

Довольно большая, около метра в высоту, скульптура изображала обнаженную женщину. *(Почему-то я не удивлен,* подумал Дунин с шутовскими интонациями Игнатьева.) Обнаженная стояла на коленях, наклонившись вперед, в трудной неустойчивой позе. Красиво напряглись мышцы расставленных бедер. Худая спина, остро торчат лопатки, подняты и широко разведены локти.

Поза приводила на ум эротическое ретро-фото, запомнившееся Дунину еще в студенческую доинтернетную пору – девушка кокетливо застегивает кружевной лиф: петельки и крючочки спереди, между грудями. Согласно его на тот момент не очень большому, но стремительно пополняющемуся опыту, бюстгальтеры застегивались на спине. Что было удобно для маневра: объятие, преодолев точку невозврата, переходило в раздевание.

Обнаженная прижимала руки к груди странным, мучительным жестом, будто пыталась вырвать сердце, или наоборот, удержать, не выпустить что-то, рвущееся изнутри.

На длинной шее выступивший хрупкий позвонок обозначал наклон головы. Красивой геометрией лежали площадочки худых плеч, такие естественные погончики. Головка плечевой кости, Дунин обожал эту анатомическую деталь, заметную только у худых, худощавых людей. Короткая стрижка обнажала слегка оттопыренные уши, подчеркивала женственность. Пластика шеи, подбородка, складки у рта выдавала зрелость модели: не девушка, но взрослая женщина.

Открытые пустые глаза смотрели перед собой.

Напряжение передавала поза ступней, торчащих пяток, худых голеней, маленьких атлетических ягодиц. Косточки бедер, впалый мускулистый живот, узел пупка.

Дунин сделал несколько снимков: на экране смартфона лучше были видны мелкие изъяны. Он долго возился, завершая скульптуру, пальпируя ее умными пальцами.

Вечером в мастерскую заехала Нюта. Так у них теперь было заведено, возвращались домой вместе.

Дунин показал, представил ей новоприбывшую.

До того он скульптуру от жены прятал.

Никогда и никому не показывал незаконченное, кроме одного-единственного раза. Тогда он сам позвал, пригласил Лену Слободцеву, приятельницу, филологиню, посмотреть на юного Пушкина.

Требуя подтвердить или оспорить попадание в образ.

Леночка сказала искренне: да, это он! Узнаю брата Сашу... Дунин выдохнул, гора упала с плеч, правда, прямо гранитная глыба, он сам терпеть не мог профанацию, опасался встать в колонну авторов бесчисленных *памятников* и *статуй*.

Но Лене в этом деле можно было доверять.

Потом они с ней очень мило накатили. У него был отличный белый портвейн, просто амброзия. Обмыли Пушкина, и у той серии, кстати, все очень хорошо сложилось, можно сказать, счастливая судьба.

Нюта молча ходила вокруг скульптуры. Кружила, бродила, отступала, приближалась, как на выставке единственного экспоната.

Лицо ее размягчилось, как всегда, когда она видела что-то прекрасное. Честное Нютино лицо не умело врать, сводить счеты.

Она присела, заглянула обнаженной в глаза. Коснулась плеча, лопаток.

– Наташка, – сказала ласково.

– Да. Почти... Хочешь знать, как называется? – спросил Дунин.

Нюта кивнула.

– *Женщина, вынимающая занозу*, – объявил скульптор.

Нюта повела пунктирным легчайшим касанием по губам обнаженной, по твердому подбородку, тонкой напряженной шее. Тронула беззащитные ключицы, обвела зияющую точку яремной впадины.

– Я... что-то такое и подумала. Ты талантливый, Дунин.

– Ладно, поехали. Я не ел с утра.

– Еще бы, – сказала Нюта. – Конечно...

Дунин, как хрустальную, запеленал *Вынимающую занозу* пупырькой, аккуратно ушли остатки Анфисиной бобины.

– Вот и хорошо, – вслух подумал Дунин, – хорошо!